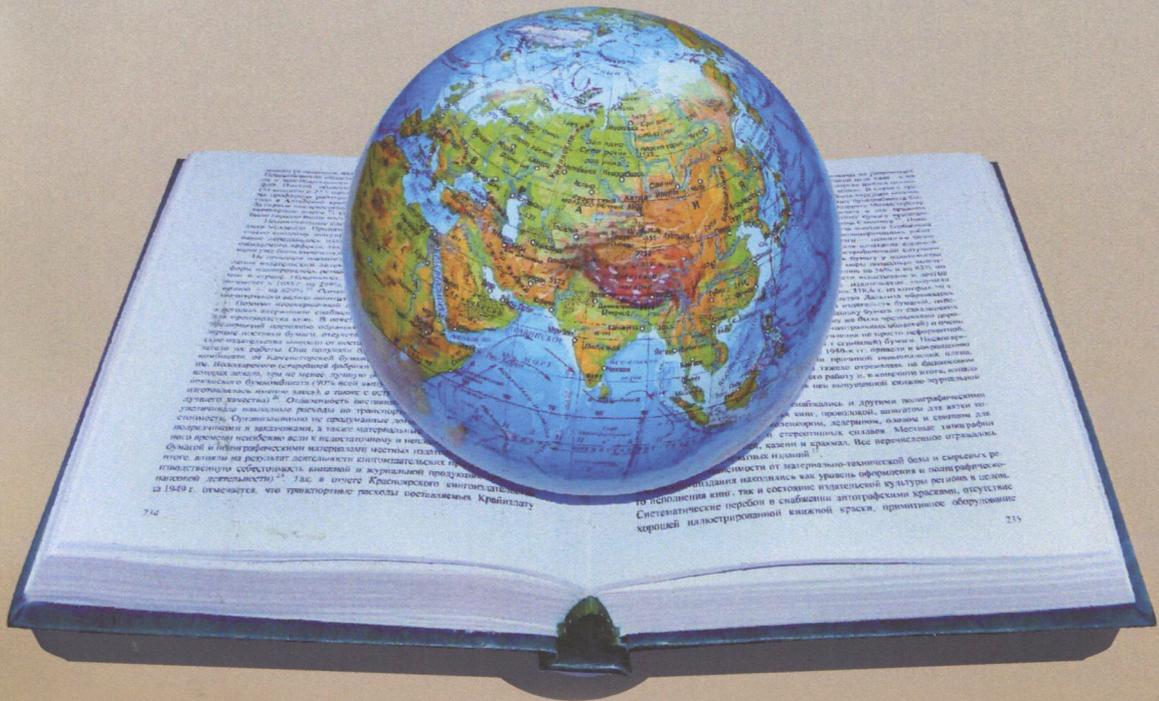

БиблиоСфера

БС

журнал по библиотековедению,
библиографоведению,
книговедению
и информатике

№1, 2015

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук

БИБЛИОСФЕРА

№ 1 • Январь – март • 2015

Издается с января 2005 г.

Выходит четыре раза в год

Главный редактор

Б. С. Елепов, д-р техн. наук, профессор, ГПНТБ СО РАН

Научно-редакционный совет

О. Л. Лаврик, д-р пед. наук, профессор, ГПНТБ СО РАН
(зам. гл. редактора)

Е. Б. Артемьева, д-р пед. наук, доцент, ГПНТБ СО РАН

А. Н. Ванеев, д-р пед. наук, профессор, СПбГУКИ

Ц. П. Ванчикова, д-р ист. наук, Ин-т монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН

С. Н. Васильев, академик, Ин-т проблем управления
им. В. А. Трапезникова

Н. И. Гендина, д-р пед. наук, профессор, КемГУКИ

А. И. Груша, канд. ист. наук, доцент, ЦНБ НАН Беларуси

М. Я. Дворкина, д-р пед. наук, профессор, РГБ

Н. Е. Калёнов, д-р техн. наук, БЕН РАН

В. С. Крейденко, д-р пед. наук, профессор, СПбГУКИ

И. В. Лизунова, д-р ист. наук, доцент, ГПНТБ СО РАН

С. Н. Лютов, д-р ист. наук, профессор, ГПНТБ СО РАН

Ю. П. Мелентьева, д-р пед. наук, профессор, НЦ исследований
истории книжной культуры при НПО «Изд-во “Наука”» РАН

Е. Ю. Павловска, канд. техн. наук, профессор, Ун-т библиотековедения
и информационных технологий (София, Болгария)

И. С. Пилко, д-р пед. наук, профессор, КемГУКИ

А. Л. Посадсков, д-р ист. наук, ГПНТБ СО РАН

Н. С. Редькина, д-р пед. наук, доцент, ГПНТБ СО РАН

Р. А. Трофимова, д-р социол. наук, профессор, АлтГАКИ

А. М. Федотов, д-р физ.-мат. наук, чл.-кор. РАН, ИВТ СО РАН

В. В. Шайдунов, чл.-кор. РАН, ИВМ СО РАН

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-21712 от 17 августа 2005 г.

Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ НИР

Становление научной мысли
в библиотековедении

Е. А. Плешкевич

3

Законы наук документо-коммуникационной
сферы: корреляция с науковедческим
знанием

Е. И. Полтавская

10

Художественная литература как метод
научно-исследовательской работы

М. Я. Серебряная

15

КНИГОВЕДЕНИЕ

Семейная книга и забайкальская
идентичность

А. А. Базаров, С. В. Бурева

21

Классификация военных библиотек русской
армии

А. М. Панченко

28

Типология книги: анализ подходов
и направление развития

Е. В. Саутина

41

Стратегии работы редакций литературно-
художественных журналов с читателями
в 1930-е гг. (на примере журналов
«Сибирские огни» и «Будущая Сибирь»)

Е. В. Евдокимова

47

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

Формирование профессиональных
компетенций будущих информационно-
библиотечных специалистов в условиях
изменения номенклатуры направлений
подготовки высшего образования
(на примере англоязычной подготовки)

Н. В. Лопатина, М. А. Романюк

53

Библиотека в социальном институте чтения

Т. В. Майстрович

58

CONTENTS

METHODOLOGY OF RESEARCH WORK

The scientific thought development
in the library science

E. A. Pleshkevich

3

Scientific laws of the documentary-
communication sphere: correlation with
the science of science

E. I. Poltavskaya

10

Fiction as a research method

M. Y. Serebryanaya

15

BIBLIOLOGY

The family book and Transbaikalian identity

A. A. Bazarov, S. V. Buraeva

21

The military libraries classification
of the Russian army

A. M. Panchenko

28

The book typology: approaches analysis
and the direction of development

E. V. Sautina

41

Strategies of edition boards activity with readers
of belles-lettres journals in 1930s (a case
of magazines «Siberian Lights» and «The Future
Siberia»)

E. V. Evdokimova

47

LIBRARY SCIENCE

The professional competence formation of
future library-information specialists under
conditions of changing the training areas
nomenclature of higher education (evidently
for English-language training)

N. V. Lopatina, M. A. Romanyuk

53

Library in the social institution of reading

T. V. Maistrovich

58

Оценка библиотекарями качества работы по информационному обслуживанию читателей <i>Е. В. Аврамова</i>	62	The quality assessment of information service of readers by librarians <i>E. V. Avramova</i>
Электронная библиотека ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского как составная часть интегрированного отраслевого информационного ресурса Украины <i>Н. В. Вараксина</i>	68	The electronic library of V. A. Suhomlinsky SSPL of Ukraine as a part of an integrated branch information resource of Ukraine <i>N. V. Varaksina</i>
Деятельность вузовской библиотеки как фактор роста публикационной активности учебного заведения <i>Т. В. Еременко</i>	75	The university library activity as a factor of publication activity growth of the institution <i>T. V. Eremenko</i>
Модель системы управления библиотекой и роль информационных технологий в принятии управленческих решений <i>И. Г. Ольгина, Е. В. Тесля</i>	79	The library management system model and information technologies role in managerial decision-making <i>I. G. Olgina, E. V. Teslya</i>
ИНФОРМАТИКА		INFORMATICS
Концепция типового сайта научной библиотеки, входящей в структуру БЕН РАН <i>А. А. Ивановский</i>	85	The typical site conception of scientific library entering the structure of LNS RAS <i>A. A. Ivanovsky</i>
ЮБИЛЕИ		JUBILEE
Классику библиотековедения Анатолию Николаевичу Ванееву посвящается. К 90-летию со дня рождения 70 лет со дня рождения советского и российского ученого, директора Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук Николая Евгеньевича Каленова	51	Dedicated to Anatoly Nikolaevich Vaneev, the library science classic. On the 90 th anniversary 70 th anniversary of Nikolay Evgen'evich Kalyonov, the Soviet and Russian scientist, director of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences
ИНФОРМАЦИЯ		INFORMATION
Межрегиональная научно-практическая конференция «Теория и практика научных исследований в библиотеках»	52	The interregional scientific-practical conference «Theory and practice of research in libraries»
ВЫШЛИ В СВЕТ	87	NEW BOOKS
ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ	88	IN PRINT
Информация для авторов	89	Information for authors

УДК 02:001(091)(470)
ББК 78.3в+78.3г(2)

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ МЫСЛИ В БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИИ

© Е. А. Плешкевич, 2015

*Российская государственная библиотека
119019, г. Москва, ул. Воздвиженка, 3/5*

Статья посвящена разработке понятия «научная мысль» как методологической категории в истории библиотековедения. Рассматриваются процессы зарождения и формирования научной мысли в отечественном библиотечном деле и библиотечной науке на начальном этапе, то есть с момента зарождения до ее институционализации как научной дисциплины.

Отмечается двойственность научной мысли в библиотековедении: ее дифференциация на библиотечную мысль – форму суждений в библиотечном деле, основанную на обобщении повседневного опыта и обыденных знаний, и мысль библиотековедческую, основанную на научных методах.

Предложено связывать зарождение библиотечной мысли с появлением библиотек как институциональных учреждений в XVI–XVII вв., а не отдельных книжных коллекций, отделяя ее тем самым от проявлений мысли в книжном деле. При этом в развитии библиотековедческой мысли выделяются два этапа: вспомогательный, когда она формировалась в рамках других научных дисциплин, обеспечивая их развитие, в частности педагогики; и автономный, или самостоятельный, связанный с осмыслением библиотеки в качестве самодостаточного социального института.

Зарождение библиотековедческой мысли связано с деятельностью В. И. Соболевского, отечественного ученого, впервые использовавшего сравнительный метод в изучении библиотечного дела. Предложено рассматривать отдельные идеи Н. Ф. Федорова как одно из проявлений теоретической научной мысли в отечественном библиотековедении.

Ключевые слова: теория и история библиотековедения, библиотечная мысль, В. И. Соболевский, Н. Ф. Федоров.

The paper is devoted to the development of «scientific thought» as a concept and a methodological category in the history of library science. The processes of generation and formation of scientific thought in the domestic librarianship and library science at the initial stage, i.e. since its inception to institutionalization as a scientific discipline, are examined.

The duality of scientific thought in library science is marked: its differentiation into the library thought – a form of judgment in librarianship based on a generalization of everyday experience and knowledge, and the thought of library science based on scientific methods.

It is suggested to associate the origin of the library thought with the emergence of libraries as institutional establishments in XVI–XVII centuries, rather than individual book collections, thereby separating it from the thought manifestation in bibliography. There are two stages in the development of librarianship thought: an auxiliary one, when it was formed in frames of other scientific disciplines, ensuring their development, in particular pedagogy, and an autonomous or independent one, associated with the comprehension of the library as a self-sufficient social institution.

The origin of library thought is associated with the activities of V. I. Sobolshchikov, a domestic scientist who first used a comparative method in studying librarianship. It is suggested to consider some N. F. Fedorov's ideas as manifestation of theoretical scientific thought in the national library science.

Keywords: theory and history of library science, scientific thought in library science, V. I. Sobolshchikov, N. F. Fedorov.

Методология истории библиотековедения – одно из направлений современных библиотечных исследований. Его актуальность во многом обусловлена потребностями в разработке нового методологического инструментария, позволяющего эффективнее обрабатывать уже имеющийся, значительный по объему, фактографический материал. Среди методологических инст-

рументов, позволяющих решить эту задачу, – научная мысль, форма и содержание которой адаптируются под конкретную научную отрасль. Так, известны философская, экономическая, социологическая, религиозная и иные формы мысли.

В библиотековедении, как показывает анализ научной литературы, принято выделять две формы мысли – библиотечную и библиотековедческую.

А. Н. Ванеев в своей работе, посвященной истории библиотековедения, использует понятия «библиотечной» и «библиотековедческой мысли», с одной стороны как синонимичные, а с другой – как близкие, но не тождественные [1]. Например, в названии одной из глав, указанной нами работы, посвященной истории библиотечной мысли XI–XVIII вв., он оперирует понятием «библиотековедческая мысль», тогда как в ее содержании встречается понятие «библиотечная мысль». Описывая более поздний период – с XIX столетия и далее – в этой же работе А. Н. Ванеев использует только понятие «библиотековедческая мысль». При этом методологические пояснения перехода от библиотечной к библиотековедческой мысли в первой четверти XIX в. не приводятся автором.

Переход от одного понятия к другому мог быть связан с формированием библиотечной науки, однако, по мнению А. Н. Ванеева, это не так. Согласно исследователю, несмотря на то, что библиотековедческая мысль получила значительное развитие в первой четверти XIX столетия, самостоятельной отраслью знания библиотековедение становится лишь к началу XX в. [1].

Другие ученые, например, В. В. Скворцов, оперируют термином «библиотековедческая мысль» и в отношении так называемого донаучного периода развития библиотековедения [2].

Таким образом, содержания понятий «библиотечной» и «библиотековедческой мысли», во-первых, не определены, во-вторых, они используются скорее на интуитивном, чем научном уровне, не имея под собой методологического фундамента. Нам представляется, что несмотря на низкую теоретико-методологическую разработанность данных понятий они обладают существенным методологическим потенциалом. Это побуждает нас обратить на них более пристальное внимание.

Остановимся на самом понятии «мысль». В самом общем смысле оно означает действие ума, разума, рассудка, конечный или промежуточный результат мышления. В контексте нашего исследования понятие «мысль» связано с мышлением как высшей формой активного отражения объективной реальности, состоящей в целенаправленном, опосредованном и обобщенном познании субъектом существенных связей и отношений предметов и явлений; творческом созидании новых идей; прогнозировании событий и действий.

В упрощенном понимании мысль – это совокупность взглядов и отражающих их суждений по вопросам институционально оформленной практической деятельности и научном в широком смысле этого слова обеспечении этой деятельности. В силу этого мысль может быть обыденной, то есть основанной на здравом смысле и практическом опыте, и научной – полученной на основе научных

методов познания. Предложенное нами понимание в целом соответствует принятой в философии науки концепции ее разделения на преднауку и науку [3, с. 161–165].

Следовательно, методика дифференциации мысли, по нашему мнению, может стать той базой, на основе которой можно выделить библиотечную и библиотековедческую формы мысли.

Опираясь на эти рассуждения, мы полагаем, что библиотечная мысль – это совокупность суждений о библиотечном деле, полученная на основе обыденных представлений и обобщений практики. Суждения выводятся «снизу», непосредственно из практики еще до зарождения науки как таковой. В силу этого библиотечная мысль, во-первых, возникает в структуре библиотечной деятельности, во-вторых, не тождественна библиотековедческой мысли, следовательно, может быть выделена сегодня.

Библиотековедческая мысль, как мы отмечали, связана с научными методами. В отличие от библиотечной мысли она формируется как бы «сверху» по отношению к реальной практике и лишь после оказывает на нее воздействие. Основное содержание библиотековедческой мысли – аналитическая оценка текущего состояния, выявление закономерностей развития в целях прогнозирования и разработки стратегии развития библиотечного дела как одного из инструментов общественного развития.

На практике библиотековедческая мысль реализуется в ходе выработки принципов по организации библиотек и библиотечных сетей, комплектованию библиотечного фонда, его внутренней организации и обеспечения доступа к нему и т. д. Говоря о библиотековедческой мысли как о форме суждений, полученных с помощью научных подходов и методов, может показаться, что она появляется лишь после выделения библиотековедения как научной дисциплины. Это не так. Мы полагаем, что на начальном этапе библиотековедческая мысль могла развиваться в структуре общественной мысли, и лишь достигнув определенного уровня развития, институализироваться в виде отдельной научной дисциплины, в данном случае – библиотековедения.

Таким образом, по степени автономности в истории библиотековедческой мысли можно выделить два этапа, первый из которых протекал в интересах и, соответственно, в структуре других научных дисциплин, в частности педагогики. Условно назовем его вспомогательным. Вторым – автономным, или самостоятельным этапом – связан с осмыслением библиотековедческой мысли в качестве самодостаточной, ориентированной не только на просветительство, но и на другие сферы общественной жизни.

Мы понимаем условность и небесспорность предложенного нами содержания практической и на-

учной мысли в библиотечной сфере, особенно учитывая современное понимание науки о библиотеке и библиотечного дела. Тем не менее считаем, что с методологической точки зрения оно продуктивно, поскольку расширяет представления об эволюции библиотечного дела и библиотечной науки.

Определение мысли в качестве библиотечной обуславливает необходимость формулирования признаков, идентифицирующих определенную деятельность в качестве библиотечной, а не книжной или иной. Применительно к ранним библиотекам до сих пор этот вопрос решался этимологически, через содержание греческого понятия «библиотека», которое буквально означает хранение книг.

Так, Б. Ф. Володин отмечает, что появление первых библиотек как учреждений, собирающих и хранящих документы письменности, обусловлено определенными изменениями в жизни человека, потребностью в письменной фиксации и передаче речевой информации. В силу этого исходная функция библиотеки – сбор и хранение документов (рукописных, печатных и т. д.), иначе говоря – функция фондообразования [4, с. 4].

Вполне естественно, что соби́рание и хранение книг должно преследовать какую-то цель. Отсюда вытекает вторая исходная функция. По Володину – это обслуживание, цель которого в пользовании книгами (чтении). В такой трактовке различия между библиотечным и книжным делом стираются и древней библиотекой фактически можно называть любое собрание книг.

Примером этого выступает традиция называть книжную коллекцию Ярослава Мудрого (ок. 978–1054 гг.) первой отечественной библиотекой. В частности Н. Н. Розова, ссылаясь на сюжет из Лаврентьевской летописи об организации Ярославом Мудрым перевода и переписки «книг многих» и указание в Изборнике 1076 г. о наличии у князя множества книг, заявляет, что это была первая отечественная библиотека [5, с. 51–59].

Иначе к первым библиотекам подходит А. Н. Ванеев. Он критикует выделение книгоохранительной функции в ее современной трактовке – сохранение культурного наследия прошлого для последующих поколений – и считает, что рассматривать данную функцию как основную и преобладающую вообще нет никаких оснований¹. Причины возникновения библиотек, по мнению исследователя, необходимо искать не во внутренних (потребность в чтении и т. д.), а во внешних, общественных потребностях, для реализации которых была учреждена библиотека.

Придерживаясь данной стратегии объяснения, в случае с книжным собранием Ярослава Мудрого, Ванеев признает, что это была библиотека, поскольку Ярослав Мудрый преследовал совершенно определенные идеологические цели и политические интересы укрепления через книгу и библиотеку влияния феодальной власти и церкви.

Методология поиска объяснения возникновения библиотеки во внешних, а не внутренних потребностях, предложенная А. Н. Ванеевым, представляется нам правильной, чего мы не можем сказать относительно выделения в качестве таковой внешней функции потребности феодальной знати в укреплении власти. По крайней мере, Ванеев на исторических фактах не показал эту роль библиотеки и не сравнил ее с другими средствами укрепления власти.

С методологической точки зрения мы полагаем оправданно рассматривать предпосылки формирования библиотечного дела комплексно, прежде всего в контексте истории книжного дела, включающего создание книги, ее распространение и использование. Нам представляется вполне естественным и очевидным, что княжеская и боярская знать, возможно, и другие жители средневековой Руси знали книгу, любили ее читать и, как следствие, приобретали, и после прочтения хранили.

Возможно, соби́рание и хранение было связано с потребностями перечитывать книги заново и/или с коллекционными целями. Не исключена и традиция продавать книги после прочтения. В любом случае это внутренние, субъективные причины, по которым отдельный человек как в прошлом, так и сегодня приобретает книги в книжном магазине и самостоятельно определяет их дальнейшую судьбу.

Книги, собранные в личном инициативном порядке, по сложившейся традиции часто определяются в качестве личных библиотек, однако в методологическом контексте в исследованиях по истории книжного дела они признаются частными книжными собраниями². Это, по нашему мнению, верно. Отметим также, что решение общественных проблем было невозможно на основе личных книжных коллекций и требовало новых организационных форм.

В случае с церковными и монастырскими книгами, речь идет о религиозной деятельности, основанной на письменных технологиях. Производство книг при этом определялось потребностями проведения церковной службы. Л. В. Столярова отмечает, что книжное производство того времени в основном ориентировалось на переписывание богослужебных и богословских рукописей [7]. Согласно

¹ Понимание того, что рукописная книга представляет собой историческую ценность для последующих поколений, по мнению А. Н. Ванеева, появилось лишь в XVII в. [1, с. 12].

² Так, в известном исследовании С. П. Луппова пятая глава, посвященная личным библиотекам, называется «Частные книжные собрания» [6].

наблюдениям исследователя, 95% сохранившихся кодексов XI–XIV вв. по своему содержанию были памятниками богослужебной, святоотеческой, житийной и церковно-юридической литературы. На этот факт обращал внимание еще М. И. Слуховский, который называл церковные книжные собрания «технической принадлежностью культа» [8, с. 45–56].

Таким образом, совокупность частных книжных собраний мы предлагаем считать проявлением книжного дела, которое подразумевает и производство книг, и использование их, включая хранение как составную часть длительного пользования.

По нашему мнению, библиотеку от книжного собрания (коллекции) существенно отличают представления о ней как о новой организационной форме использования информации, имеющей сначала книжную, а потом и иную документную форму. Прежде всего новая организационная форма предназначалась для реализации более сложных общественных задач, которые не решались на основе книжных собраний. Одна из первых таких задач (как за рубежом, так и в России) – содействие просвещению, образованию и науке.

Помимо просветительского назначения практически сразу библиотека начинает выполнять и другие общественные функции, например, культурную, досуговую. Однако удельный вес этих функций, их значимость гораздо ниже просветительской, поэтому рассматриваются нами в качестве вспомогательных или сопутствующих. Реализация просветительской функции, наоборот, определяла вектор развития всего библиотечного дела, а впоследствии и библиотечной науки.

Библиотека как новая организационная форма стала основываться на иных, специально разработанных для нее технологиях, отличных от тех, которые используются в книжном деле. Они, безусловно, возникли не на пустом месте и во многом впитали технологический опыт, накопленный в книжном деле. Тем не менее в рамках библиотеки технологии получили собственное развитие.

В первую очередь это касается комплектования. Книжное собрание формируется исходя из личных пристрастий его владельца и, как правило, по случаю. Библиотечный фонд комплектуется целенаправленно и обязательно с участием государства. Каковы исторические формы комплектования, пока сказать сложно: необходимы дополнительные исследования. Однако в самом приближенном виде к ним можно отнести целенаправленную закупку книг за рубежом, «списывание» уже имеющихся рукописей и, наконец, введение политики так называемого обязательного экземпляра.

Важнейший признак комплектования библиотечного фонда – непереносимое поддержание его актуальности (постоянное и своевременное включение

в его состав новых изданий). Существенным отличием библиотеки является организация и систематизация ее фонда, нацеленная не столько на обеспечение использования имеющихся в нем документов, сколько на решение библиотекой определенных общественных задач, в нашем случае – просветительских.

Самой простой и, вероятно, первой была технология расстановки книг по алфавиту. Это логично, если вспомнить, что алфавит использовался для обозначения цифр и систематизации документов в архиве. Мы полагаем, что переход от книжного собрания к библиотеке базируется на технологиях, связанных с систематизацией и классификацией книг на основе отнесения их содержания к определенным отраслям знания, а не начальной буквы заглавия. В итоге, если в книжном собрании мы имеем дело с учетными хозяйственными или финансовыми формами, то в библиотеке в дополнении к ним и в сочетании с ними создаются библиотечные каталоги, представляющие собой, по выражению М. Шреттингера, «сжатый и полный обзор однородной литературы» [9, с. 88]. Наконец, изменения коснулись использования книг. Они становятся не только доступными для внешнего читателя, их использование, иными словами – чтение, стимулируется, в том числе и посредством развития библиографической деятельности. Существенные изменения отразились в профессиональной лексике: на смену хранителю, чья функция связана с обереганием книг, приходит библиотекарь как организатор в первую очередь использования.

Данные технологии составили основу библиотечного дела, а их осмысление и последующее развитие – содержание библиотечной мысли. Исторически мы связываем эти процессы с Киево-Могилянской академией, основанной в Киеве в 1632 г., и с Греко-славяно-латинской академией, основанной выпускником Киево-Могилянской академии Семионом Полоцким в Москве в 1687 г.

Окончательно формирование библиотеки как новой организационной формы, по нашему мнению, произошло в ходе Петровских реформ начала XVIII в. Тогда была создана академическая библиотека, а также появились библиотеки учебных заведений. Существенное влияние на первые отечественные библиотеки учебных и научных заведений оказал опыт библиотечного строительства европейских стран.

Одним из первых государственных актов, регламентирующих библиотечную деятельность в учебных заведениях, стал Духовный регламент 1721 г. Феофана Прокоповича, выпускника Киевско-Могилянской академии, и Петра I. В восьмом пункте так называемых регул, или правил, содержащихся в Духовном регламенте, отмечается, что учитель должен пользоваться книгами, дабы не вызвать

у учеников сомнений в истинности своих слов. Девятый пункт указывает на достаточно высокую роль библиотеки в учебном заведении, в частности академическом, и дает самые общие рекомендации по организации библиотечной работы.

В результате новых представлений о библиотеке как учреждении, удовлетворяющем общественные потребности в знании, и библиотекаре как сотруднике, обеспечивающем процессы получения познания, изменилось определение библиотеки в отечественной литературе. Впервые новое определение зафиксировано в «Лексиконе» Татищева, при этом оно противопоставлялось так называемому книговедческому определению, трактовавшему библиотеку как любое книжное собрание.

В XIX столетии увеличиваются возможности и растет потенциал библиотеки: теперь ее рассматривают не только как элемент образования и/или научной деятельности, но и в качестве инструмента просвещения самых широких слоев населения, включая самообразование. Постепенное развитие библиотечного дела и просвещения способствовало появлению новых общественных библиотек, ориентированных не столько на ученых и преподавателей, сколько на тех, кто стремился к самообразованию. Это в свою очередь стимулировало развитие библиотечных технологий, ориентированных на организацию массового обслуживания населения. Данные изменения фиксируются законодательно. Так, в Манифесте, изданном в 1817 г., библиотеки определялись как заведения, способствующие учебному образованию и распространению познаний [10].

Показателем развития отечественной библиотечной мысли середины XIX в. становится первое отечественное пособие по библиотечному делу для общественных библиотек [11, 12]. Его подготовил старший библиотекарь Императорской публичной библиотеки Василий Иванович Соболевский (1808–1872 гг.), названный впоследствии родоначальником русского библиотековедения [13, с. 127]. В 1859 г. книгу В. И. Соболевского перевели на французский язык и издали в Париже, что свидетельствует о ее высоком научном уровне [14].

Критически анализируя достижения зарубежной библиотечной мысли, опыт работы зарубежных библиотек, почерпнутый из профессиональной литературы, В. И. Соболевский ставит вопрос о функциях современной публичной библиотеки. Библиотеки существуют для того, отмечает он, чтобы снабжать книгами людей, ищущих сведений [11, кн. 11, отд. II, с. 153]. Комментируя этот взгляд с позиции современного библиотековедения, можно сказать, что исследователь одним из первых выделил информационную функцию в качестве основной, по крайней мере применительно к публичным библиотекам. Реализацию информационной функ-

ции В. И. Соболевский связывал с развитием библиотечной систематизации и каталогизации. В качестве варианта размещения книг в фонде им был предложен «форматно-крепостной» порядок, при котором книги расставлялись по их физическому размеру (формату). За каждой книгой закреплялось строго определенное место, которое впоследствии не менялось.

Сразу после публикации пособия по организации общественных библиотек В. И. Соболевский получает возможность познакомиться с опытом работы ведущих европейских библиотек. В 1860 г. исследователь подготовил обзор, в котором он изложил достаточно критический взгляд на организацию библиотечного дела крупнейших библиотек Европы [15]. Это, безусловно, не первое обращение к зарубежному опыту³, однако отличие в том, что автор не просто описывает организацию работы зарубежных библиотек, а выявляет как положительные, так и отрицательные ее стороны, дает сравнение с отечественными библиотеками. Поэтому можно сделать вывод о начале использования научного, в данном случае сравнительного, метода и поставить вопрос о появлении первого библиотековедческого исследования.

Подводя итоги развитию библиотечного дела середины XIX столетия, отметим, что именно к этому времени сформировались как внутренние, так и внешние предпосылки для возникновения и развития нового феномена, определяемого сегодня как библиотековедческая мысль.

Под внутренними предпосылками мы понимаем уровень развития библиотечного дела, при котором возникает потребность в специальных знаниях. По нашему мнению, это объясняется построением национальной системы библиотек, включающей научные, учебные и публичные типы, реализующие близкие, но не тождественные функции.

Внешней предпосылкой стало зарубежное библиотековедение, достижения которого достаточно оперативно освоили отечественные специалисты. Оценивая характер библиотековедческой мысли с 1860-х гг. и до начала XX столетия, отметим ее не систематический, инициативный характер. Доминировали работы исторического характера [17–19].

Помимо исторических и методических вопросов на рубеже XX в. известным русским религиозным мыслителем и философом, сотрудником Румянцевского музея (ныне РГБ) Николаем Федоровичем Федоровым (1828 или 1829–1903 гг.) исследуются чисто теоретические вопросы. В частности,

³ Интерес к деятельности зарубежных библиотек, их истории возник еще в первой половине XIX в. Журнал Министерства народного просвещения по данной проблеме опубликовал значительное количество статей. Однако, как отмечает Б. Ф. Володин, они отличались некритическим подходом [16].

разрабатывается оригинальная отечественная концепция единого библиотечного и музейного дела. В первую очередь она касается развития библиотек как научно-образовательных и культурно-нравственных учреждений.

Характеризуя состояние отечественного библиотечного дела, Н. Ф. Федоров отмечает, что при нынешнем положении библиотек, вызванном крайним размножением книг, нравственная основа затемняется, так как библиотека обращается в простое книгохранилище с отделением для чтения книг [20, т. 3, с. 220]. В основе концепции автора тезисы о том, что библиотека должна быть не читальней, не забавой, а местом для исследований, что библиотека есть или должна стать культом не книг, а сочинителей этих книг, но не просто, а в духе истины, то есть исследованием.

Развивая свою концепцию, Н. Ф. Федоров выступает за объединение ведущих отечественных публичных библиотек и музеев с университетами и научными сообществами. При таком преобразовании, считает мыслитель, профессора будут библиотекарями относящихся до их предмета отделов библиотеки, хранителями различных коллекций, собраний, руководителями студентов в их занятиях, а студенты станут помощниками профессоров – библиотекарей и хранителей различных коллекций. В обязанности студентов войдет составление каталогов, указателей и различных пособий. Все занятия должны быть систематически разделены между студентами. При таком устройстве университета-музея совокупность профессоров и студентов представит живую библиотеку, живой музей, в котором не останется ни одной книги, ни одного предмета неизвестным, без употребления [20, т. 4, с. 490].

Превратить библиотеку в научное и образовательное учреждение, по мнению Н. Ф. Федорова, позволят новые принципы систематизации, основанные на календарном порядке расположения книг. Только библиотека, отмечает ученый, расположенная календарным порядком, по дням смерти авторов, сочинителей, заключающая в себе волею-неволею требование поминовения, то есть восстановления по произведениям самого автора, может быть *открытой книгой*. Это означает, что библиотека не остается простым хранилищем, ни одна книга в ней не останется забытой, для каждой наступит очередь, будет назначено время изучения [20, т. 3, с. 433].

Достаточно оригинальными выглядят суждения Н. Ф. Федорова о коммуникационном значении библиотеки, ее роли в объединении прошлого и настоящего всего человеческого братства. Как отмечает Федоров, «соединение специалистов, то есть экспертов по всем небратским состояниям, составляющим предметы особых наук, всех, без всяких

исключений, соединение их в библиотеке, заключающей все сведения, все документы и вещественные свидетельства, относящиеся к делу о небратском состоянии, – такое соединение и образует музей, имеющий целью составление проекта объединения в общем союзе братства» [20, т. 2, с. 438].

Безусловно, что концепция развития библиотек Н. Ф. Федорова сегодня нуждается в критическом осмыслении, однако сам факт ее создания в конце XIX в. свидетельствует об уровне развития оригинальной отечественной библиотековедческой мысли.

Подводя предварительные итоги, отметим, что понятие «мысль» в истории библиотечной науки обладает существенным методологическим потенциалом. Оно, во-первых, наполняет реальным теоретико-методологическим содержанием сложившиеся прежде и применяемые на интуитивном уровне понятия «библиотечной» и «библиотековедческой мысли». В предлагаемом нами контексте библиотечная мысль связывается с разработкой библиотечной техники и технологии на основе обобщения повседневного опыта и обыденных знаний.

В отличие от библиотечной мысли библиотековедческая мысль связывается нами с использованием научных методов, начиная с исторического и сравнительного методов. Безусловно, что после формирования библиотековедения как научной дисциплины, оба этих понятия достаточно сблизилась. Сегодня разделить их на практике зачастую очень сложно, хотя в ряде случаев возможно. Однако подчеркнем еще раз, в историческом контексте понятия формировались автономно, что, во-первых, позволяет их рассматривать дифференцированно. Во-вторых, дает возможность по-новому, более широко проанализировать исторические взаимосвязи библиотечного и книжного дела, выделить в конкретном историческом исследовании собственно библиотечные процессы, методологически отделив их от книжных и иных⁴, исследовать в «чистом» виде. В-третьих, можно структурировать историю формирования отечественной библиотечной науки, особенно на этапах предшествующих ее институциональному оформлению, которое произошло на рубеже XIX–XX вв.

⁴ Проводя методологический водораздел между книжным и библиотечным делом, мы, безусловно, отдаем отчет, что в реальности отдельные, наиболее крупные частные книжные собрания зачастую при жизни их владельцев или сразу после их смерти передавались в учебные заведения, музеи, и на их основе создавались соответствующие библиотеки. Например, коллекция книг графа Н. П. Румянцева была передана в дар Министерству народного просвещения и стала впоследствии основой Румянцевского музея, предтечей современной РГБ. Однако подобная трансформация лишь подтверждает генетическую связь книжного и библиотечного дела, имеющих одни истоки, но выполняющих различные социальные роли и развивающихся самостоятельно.

Подчеркнем, что в рамках данной статьи мы лишь наметили основные методологические контуры развития науковедческой категории «мысль» в библиотековедении и библиотечном деле. Данная проблема, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке.

Литература

1. Ванев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX в.). – М. : Пашков дом, 2003. – 303 с.
2. Скворцов В. В. Развитие представлений о сущности библиотековедения как науки // Библиотековедение: вчера, сегодня, завтра : тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва 23–25 апр. 1996 г. – М., 1996. – Ч. 1. – С. 26–29.
3. Степин В. С. История и философия науки : учеб. для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – 2-е изд. – М. : Акад. проект : Трикта, 2012. – 423 с.
4. Володин Б. Ф. Всемирная история библиотек. – СПб. : Профессия, 2002. – 352 с.
5. Розов Н. Н. Русские библиотеки XV в. и их читатели // Русские библиотеки и их читатели (по материалам русской культуры эпохи феодализма). – Л., 1983. – С. 51–59.
6. Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время (1725–1740 гг.). – Л., 1976. – 380 с.
7. Столярова Л. В. Древнерусское книгопроизводство XI–XIV вв.: по материалам записей на книгах : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М., 2002. – 40 с.
8. Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII века: Из истории книжного просвещения. – М., 1968. – 232 с.
9. Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. В 2 т. Т. 2. – М. : Кн. палата, 1959. – 563 с.
10. Манифест об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения // Полный свод законов Российской империи. – Первое собр. – Т. 34. – Ст. 27106.
11. Соболевский В. И. Об устройстве общественных библиотек и составлении их каталогов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1858. – Ч. 100, кн. 10, отд. 2. – С. 97–126 ; Ч. 100, кн. 11, отд. 2. – С. 129–155.
12. Соболевский В. И. Об устройстве общественных библиотек и составлении их каталогов. – СПб., 1859. – 56 с.
13. Громова А. А. Первое руководство по библиотечному делу в России // Библиотеки СССР. Опыт работы. – 1961. – № 15. – С. 113–127.
14. Sobolstchikoff V. Principes pour l'organisation et la conservation des grandes bibliothèques. – Paris, 1859. – 72 p.
15. Соболевский В. И. Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1860. – 89 с.
16. Володин Б. Ф. Взгляды В. И. Соболевского на работу библиотек Западной Европы // Советское библиотековедение. – 1978. – № 6. – С. 68–76.
17. Соболевский В. И. Императорская Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства народного просвещения. (Краткий очерк ее прошедшего и настоящего). – СПб : Тип. И. Огризко, 1863. – 72 с.
18. Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. В 2 т. – СПб., 1870–1873.
19. Белокуров С. А. О библиотеках московских государей в XVI столетии. – М. : Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. – 336 с.
20. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений. В 4 т. / сост., подготовка текста и коммент. А. Г. Гачевой, С. Г. Семеновской. – М. : Традиция, 1999.

Материал поступил в редакцию 02.07.2014 г.

Сведения об авторе: *Плешкевич Евгений Александрович – доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела библиотековедения, e-mail: ear1966ear@mail.ru*

УДК 001.6:01:3
ББК 87.255.14+78.5+6/8

ЗАКОНЫ НАУК ДОКУМЕНТО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ: КОРРЕЛЯЦИЯ С НАУКОВЕДЧЕСКИМ ЗНАНИЕМ

© Е. И. Полтавская, 2015

*Научная музыкальная библиотека им. С. И. Танеева
Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского
125009, г. Москва, ул. Большая Никитская, 11*

Первая из трех статей, посвященных зависимостям наук документо-коммуникационной сферы, претендующих на роль законов. В соответствии с науковедческими критериями, предъявляемыми к научному закону, рассматриваются законы библиографоведения.

Ключевые слова: научный закон, социально-гуманитарные науки, науки документо-коммуникационной сферы, библиографоведение, сущность, смысл существования системы.

This is the first of three articles, devoted to regularities of the documentary-communication sphere sciences, claiming to be the laws. The paper discusses the laws of bibliography science in accordance with the science of science criteria imposed to a scientific law.

Keywords: scientific law, social-humanitarian science, documentary-communication sphere sciences, bibliography science, essence, system raison.

Существует представление, что признак развитой науки – наличие у нее законов. Не все ученые разделяют это мнение в отношении социальных и гуманитарных наук, которые долгое время считались исключительно описательными [1, с. 44–129].

Попытка разграничить науки о природе (естественные – *номотетические*) и науки о культуре (духе, человеке, обществе – *идиографические*) датируется началом XX в. В. Дильтей, а затем В. Виндельбанд и Г. Риккерт декларировали, что естественные и социально-гуманитарные науки, а также философия соответствуют разным типам рациональности. По сравнению с естественными науками (для которых характерны *суждения о фактах, природных зависимостях, законах*) гуманитарным наукам приписывалась теоретическая рыхлость, отсутствие точного понятийного аппарата, преобладание *нормативных суждений*.

Считалось, что естественные науки (*науки закона*) при познании действительности ищут общие естественные закономерности, выражая их в законах, а гуманитарные (*науки события*) фиксируют однократное содержание происходящего¹. Идеа-

лом науки было естественнонаучное знание, которое представлялось стройной системой теорий; законов, выведенных дедуктивным методом; аксиом и логических следствий. Эталону естественных наук стало соответствовать и социальное знание, в котором культивировались эмпирические наблюдения, количественные математические методы, а ценностные проблемы, напротив, игнорировались.

Однако при построении абстрактных конструкций в гуманитарных науках возникли трудности. Своеобразие гуманитарного познания состоит в том, что человек изучается неотъемлемо от его целей, воли, культуры, исторических условий. В связи с чем пришло понимание, что рациональность науки проявляется по-разному в различных отраслях знания.

По представлениям современных философов-науковедов, различие социально-гуманитарных и естественных наук заключается в системе оперируемых категорий и в частных методах исследования. Общие научные методы всех наук признаются сходными: формулируют законы те науки (естественные и социальные), которые «описывают или оценивают исследуемые явления в системе *сравнительных* категорий. Не формулируют законов науки (гуманитарные и естественные), описываю-

¹ Такое деление, по В. Виндельбанду и Г. Риккерту, основано не на специфике предметного содержания науки, а на методе как техническом способе познания: номотетическом (от греч. «*nomos*» – закон), законоустанавливающем и обобщающем, выявляющем «неизменную форму» реаль-

ного события – для наук о природе, и идиографическом (индивидуализирующе-ценностном), то есть описывающем особенное, уникальное – для наук о культуре [2, с. 106].

щие и оценивающие изучаемые объекты в системе *абсолютных* категорий» [3, с. 78]. Поскольку относительные и абсолютные категории редко встречаются в чистом виде, граница между законоустанавливающими науками и неустанавливающими условна.

Появление новых методов в социально-гуманитарном знании и в естественных науках показало, что у тех и других наук сходная стратегия исследования: они строят гипотезы, системы доказательств, применяют приемы моделирования, реконструкции, выявления причинных связей, ищут закономерности и зависимости, интерпретируют полученные результаты, формулируют законы.

В современном знании понятие «закон» многозначно. «Закон – это

1) необходимая связь (взаимосвязь, отношение) между событиями, явлениями, а также между внутренними состояниями объектов, определяющая их устойчивость, выживание, развитие, стагнацию или разрушение;

2) утверждения, претендующие на отображение указанных связей и... входящие в состав научных теорий;

3) аксиомы и теоремы теорий, предметом рассмотрения которых являются объекты, смысл и значение которых задается и эксплицируется самими этими теориями;

4) некоторые, вырабатываемые и определенным образом поддерживаемые человеческим обществом и его институтами требования и нормативные предписания, которые должны выполнять физические, юридические лица и иные субъекты морали и права» [4, с. 34–35].

Из указанных значений законами науки именуют утверждения в смысле (2), которые отображают необходимые связи между предметами с помощью естественного и искусственного языков. Поскольку научный закон отражает свойства и отношения, определяемые структурой и функционированием исследуемого предмета (вещи, явления, процесса), который является не единичным эмпирическим объектом, а интеллектуальным конструктом, закон относится к классу этих объектов.

Возьмем за основу дальнейших рассуждений утверждение В. П. Каширина: «Научный закон – это идеализированная модель объективного закона, отражающая существенные инвариантные связи между явлениями и выраженная отношением понятий и категорий данной науки» [5, с. 122].

Научный закон, утверждая о связи событий и необходимости их следования, объясняет *почему* происходит явление. Доказано, что увеличение наблюдений, согласующихся с эмпирической зависимостью, не переводит гипотетическое предположение в закон. Признак необходимости в зависимости возможно выявить, лишь оперируя конст-

руктами теоретической схемы, которая была построена как идеализированная модель исследуемой реальности, обобщающая сходные явления на абстрактном уровне.

Научные законы принято различать по способу, каким были выявлены устойчивые и регулярные взаимосвязи между явлениями. *Эмпирические* законы сформулированы на основе обобщения наблюдаемых явлений, опытных фактов и описывают сам «факт существования познаваемого объекта, его наблюдаемых свойств и связей с другими объектами, определение интенсивности выявленных свойств, их видимой динамики» [6, с. 240–241]. *Предмет* изучения при эмпирическом исследовании – наблюдаемые явления и их соотношения (корреляции); важнейшие *методы* – описание, наблюдение, измерение, эксперимент. Эмпирическое исследование путем прямого сопоставления фактов «должно обеспечивать связь концептуально-понятийного аппарата науки с реальностью, данной в непосредственном наблюдении» [6, с. 240–241].

В результате теоретического осмысления вскрываются глубинные основания явлений, выявляется *сущность* объекта «как совокупности присущих ему законов... основная задача теоретического исследования – о б ъ я с н е н и е явлений» [6, с. 240–241]. Законы, выявленные в теоретических исследованиях, относят к *теоретическим*. Объект исследования «воссоздают» с помощью интеллектуальных конструктов (чьи основные элементы и связи формируют *представление* об объекте – *предмет* исследования); общих понятий; мысленного эксперимента, идеализации, абстрагирования, формализации и других *методов* манипулирования абстрактными и теоретическими объектами.

Итог теоретических исследований, уточняют Я. С. Яскевич и В. К. Лукашевич, – создание нового и конкретизация уже известного понятийного аппарата, способного «без обращения к эмпирии... генерировать новое знание» [6, с. 241]; формулирование законов, принципов, создание развитой теории. Достоверность теоретических законов определяется соблюдением принципов соответствия и непротиворечивости (любая новая теория должна находиться в преемственной связи со старыми хорошо проверенными теориями и не противоречить им).

Эмпирические и теоретические законы важны по-своему: *теоретический* закон позволяет *постичь сущность* явления по содержанию идеальных моделей, *эмпирический* – обнаружить *факт* реального проявления закономерности. Эмпирические законы могут не уступать теоретическим по своей значимости для конкретной науки. Вместе с тем существует точка зрения, отрицающая дихотомию законов на эмпирические и теоретические (по некоторым представлениям мысленные модели, схемы

могут использоваться и при выявлении эмпирических законов).

В документо-коммуникационных науках, отмечает Ю. Н. Столяров, «на роль законов претендует свыше десятка постулатов различного уровня обобщения» [7, с. 15], но не каждое утверждение действительно является научным законом.

Формулирование законов – непростая задача для библиотковедения, библиографоведения, книговедения и других наук, связанных с документом и его коммуникацией. Необходимо переосмыслить и систематизировать накопленное знание о зависимостях, замеченных в области наук документо-коммуникационной сферы. Проблема открытия научных законов, вопросы исследования закономерностей, зависимостей, тенденций в области наук документо-коммуникационной сферы затрагивались в профессиональной печати неоднократно [7–13].

Иницируя интенсивное изучение детерминизма и деонтологии в области документо-коммуникационного знания, А. В. Соколов установил: в этих науках наличествуют три типа зависимостей (законы, тенденции и заповеди-нормы), каждая из которых может быть межотраслевой, отраслевой, внутриотраслевой [9, с. 24–28]. Таким образом, А. В. Соколов систематизировал зависимости по *предметной области* наук документо-коммуникационной сферы, *степени общности* и *типам* зависимостей. В соответствии с предложенной систематизацией рассмотрим некоторые суждения, которые в документо-коммуникационных науках называют законами.

По классификации А. В. Соколова, к *заповедям-нормам* относятся принципы, рекомендации по лучшей организации библиотечного дела Ш. Р. Ранганатана: «каждому читателю – его книгу; каждой книге – ее читателя» и др.). Исключение составляет, как уточняет А. В. Соколов, пятый закон Ранганатана «библиотека – растущий организм» [цит. по: 9, с. 11–13]. Тезис фиксирует эмпирический факт (увеличение фонда любой библиотеки с течением времени) и потому является формулировкой эмпирического закона.

К заповедям-нормам библиотковедения, которые рассматривает Ю. Н. Столяров, относятся: идеологические лозунги и обобщения И. А. Месеняшина («планомерное развитие советских библиотек; рекомендательность и др.»); А. Казанджиева («процесс преобразования в библиотеках невозможен без сбалансирования интересов общества, отдельной личности и наличия равновесия между личностными и организационно-структурными изменениями») [цит. по: 7, с. 16]. Заповеди-нормы не объясняют явление, поэтому ученые не относят их к законам.

Научный закон универсален и имеет определенную форму: «Для всякого объекта верно, что

если этот объект имеет свойство А, то он имеет также свойство В» [3, с. 95]. Считается, что научный закон действует всегда без каких-либо исторических ограничений и представляет собой в рамках определенной теории *обобщение*, неоднократно подтверждаемое на практике.

Между законами и сущностными функциями существует взаимосвязь, которую отмечают философы и ученые. Как заключает Ю. Н. Столяров, «раз существует некое явление, значит (по закону диалектической связи между явлением и сущностью), имеет место и сущность этого явления, и задача состоит в том, чтобы ее обнаружить» [7, с. 16–17].

Применительно к документо-коммуникационным наукам, считает А. В. Соколов, «сущностные функции представляют собой объективные законы-зависимости, управляющие деятельностью социального института, их нельзя отменить или заменить новыми. Главная задача библиотковедения и библиографической науки – открытие этих законов» [9, с. 15].

Разделяя представление о взаимосвязи сущностных функций объекта и законах его существования, нельзя согласиться с выводом А. В. Соколова о сущностных функциях социальных институтов документо-коммуникационной сферы: сущностными он называет сразу три социальные функции – просветительную, ценностно-ориентационную и мемориальную.

Напомним, что согласно системному подходу сущностная функция у системы может быть только одна, обусловленная ее структурой, а структура всех документо-коммуникационных социальных институтов изоморфна. Следовательно, сущностная функция всех документо-коммуникационных социальных институтов обусловлена структурой социального института, сущность которого выражает схема: *производитель – потребитель* [13]. Отношение *производитель – потребитель* есть взаимосвязь двух субъектов, следовательно, между ними возникает *социальная* связь. Поэтому единственной *сущностной функцией* всех документо-коммуникационных социальных институтов является социальная, способная проявляться в различных условиях как просветительная, ценностно-ориентационная, мемориальная (последняя трактуется как *отложенное во времени* предоставление документа пользователю). Заметим, что поисковая функция, которую А. В. Соколов считает сущностной для библиографии [9, с. 25–26], также должна считаться проявлением социальной функции, так как поиск информации способствует просвещению потребителя библиографической продукции. Социальная функция выражает суть деятельности социальных документо-коммуникационных институтов, именно она формируется как реальная зависимость от их

структуры и проявляется в качестве объективной закономерности.

В соответствии с представлениями о сущностной функции социального института, закон *библиографоведения*, сформулированный А. В. Соколовым на основе концепции О. П. Коршунова («всякая библиографическая информация по сути выполняет в системе документальных коммуникаций поисковую, коммуникативную, оценочную общественные функции» [9, с. 23]), требует уточнения: *всякая библиографическая информация по сути выполняет в системе документальных коммуникаций социальную функцию, которая конкретизируется как поисковая, коммуникативная, оценочная.*

Закон *двойственности предмета документ(альн)о-коммуникационных наук*, сформулированный А. В. Соколовым на основе закона библиографии (А. И. Барсук, О. П. Коршунов) [9, с. 22], фиксирует *факт* изучения документо-коммуникационными науками *документа* и *его коммуникации* и на этом основании может считаться эмпирическим.

Отметим, что эмпирический закон *двойственности предмета документо-коммуникационных наук* получил *теоретическую расшифровку* с помощью схем понятий (производных от понятия «социальный институт») в том смысле, что в документо-коммуникационные науки объединены две группы наук. Одна (*смежные науки*) изучает *документивную коммуникацию*, или документивную систему, представленную в виде процесса. Например, речь может идти о библиотеке – социальном институте, в котором *документ* – лишь один из ее элементов (библиотковедение, библиографоведение, книговедение и др.). Другая группа наук изучает *документ* (документология, документоведение и документалистика). Таким образом, этот закон фиксирует факт не «двойного предмета» изучения каждой из документо-коммуникационных наук, а то, что в эту группу объединились науки, изучающие либо *документ*, либо *коммуникацию документа*. Документо-коммуникационные науки и информатика составляют *сферу* документо-коммуникационных наук [14].

Рассмотрим некоторые *законы библиографоведения* в контексте представлений философов-наукоедов. Поскольку библиографические сведения представляют собой упорядоченные взаимосвязанные системы, значит, полагает В. А. Фокеев, существуют и библиографические закономерности: эмпирическому знанию, каким является библиография, должны соответствовать эмпирические законы, «выражающие устойчивую повторяемость связей между различными характеристиками исследуемого явления» [11, с. 38]. Результатом библиографии служат библиографические модели – библиограммы, выражающие на библиографическом языке объек-

тивные закономерности: «устойчивые, повторяющиеся существенные отношения в системе библиографических коммуникаций» [11, с. 39]. Следовательно, интерпретация библиограмм на естественном или искусственном языке (не только математическом, но и языке схем) поможет сформулировать законы библиографоведения – науки, осмысляющей практический опыт библиографии.

О. П. Коршунов, размышляя, что есть библиография, назвал ее исходным пунктом «простейшее единичное отношение Д – П (документ – потребитель информации)» [15, с. 194]. Анализируя указанное отношение, ученый сделал два вывода: *о необходимом информационном соответствии между документами и потребителями*, а также *о противоречиях между документами и потребителями в виде информационных барьеров* [15, с. 185–186]. На основании характера соотношения Д – П библиографоведами предложен ряд библиографических законов: межотраслевые, общие отраслевые и частные [16, с. 191–194].

Первый межотраслевой закон, выдвинутый библиографоведами, гласит: «сущность (смысл существования) системы документальных коммуникаций заключается в установлении соответствий между документами и потребителями посредством преодоления информационных барьеров» [16, с. 192].

Трактовки понятий «смысл существования» и «сущность», принятые в философии науки, не позволяют согласиться с *формулировкой* первого межотраслевого закона. Первое возражение связано с пониманием «сущности». Не отрицая объективной зависимости (соответствия между востребованными документами и их потребителями), обратим внимание, что сущность системы определяется ее структурой (когда систему рассматривают автономно, как целое)². Сущность системы документальных коммуникаций выражает схема: *производитель документа – потребитель*. Напомним, что *производитель документа* (коллективный, или первый, *субъект*) в общественной сфере представляет собой социальную систему – *организацию (учреждение)*, суть которой в свою очередь расшифровывает схема: *персонал – средства производства – документ*. Таким образом, *сущностью* системы *документальных коммуникаций* не могут быть произвольно вычлененные из нее два элемента: *потребитель* (второй субъект) и *документ*. Коммуникация – это *социальный* процесс, осуществляемый между субъектами (в нашем случае это производитель документа и его потребитель) [13, с. 21].

Второе возражение связано с понятием «смысл существования системы», которое не равноценно

² «Сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в устойчивом единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия [17, с. 682].

(не синонимично) сущности системы, а значит, не может его расшифровывать. Поясним: *смысл существования системы* кроется в необходимости *взаимодействия* одной системы с другой для формирования нового целого (на новом уровне системности). Понятие «смысл существования системы» нужен, чтобы осознать связь данной (первой) системы с некой внешней по отношению к ней (второй) системой. «Смысл – внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности» [18, с. 576].

Образование связи некой целостности (система 1) – путем *коммуникации* своего *продукта* – с неким конкретным объектом вне ее (система 2) вполне укладывается в философское представление о смысле существования системы; смысл невозможно определить, если систему рассматривать изолированно от других систем.

Итак, смысл существования системы – это *процесс коммуникации* своего продукта *внеположенной сущности*, то есть другой системе. Продукт может быть как материальным (например, документ), так и идеальным (знания, любовь, творческие идеи).

Представляется, что более корректный вариант формулировки *первого закона* таков: *каждая система документивных коммуникаций, способствующая установлению соответствия между запросом потребителя и производством документа, позволяет преодолеть определенный информационный барьер*. Этот межотраслевой закон, предложенный библиографоведами, является эмпирическим, потому что устанавливает *факт преодоления информационного барьера* при релевантном обслуживании потребителя.

В. А. Фокеев, характеризуя связь *документ – потребитель* как основной библиографический закон О. П. Коршунова, назвал элементы *документ* и *потребитель* «движущими силами развития и возникновения... посредника – библиографической информации» [11, с. 52]. С одной стороны, потребность пользователя в документе стимулирует возникновение библиографии, с другой – *библиография ускоряет информированность потребителя о документе*. Последнее суждение может быть пояснено схемой *документ – библиография – потребитель*, которая фиксирует реальный факт (посредническую роль библиографии) и объективную зависимость между этими тремя элементами, следовательно, является отраслевым законом библиографоведения – одним из проявлений, по В. А. Фокееву, основного библиографического закона.

Итак, *законы библиографоведения* относятся к эмпирическим законам. Другие законы наук документо-коммуникационной сферы рассмотрим в следующих статьях.

Литература

1. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М. : Республика, 1998 – 410 с.
2. Давыдов Ю. Н. Номотетический метод // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 3. – С. 106–107.
3. Ивин А. А. Современная философия науки. – М. : Высш. шк., 2005. – 592 с.
4. Сидоренко Е. А. Закон // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 34–36.
5. Каширин В. П. Теория научного исследования. – Красноярск : Краснояр. гос. аграр ун-т, 2007. – 184 с.
6. Яскевич Я. С., Лукашевич В. К. Философия и методология науки. – Минск : БГЭУ, 2009. – 475 с.
7. Столяров Ю. Н. О закономерностях функционирования документо-коммуникационной системы (отклик на статью А. В. Соколова) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 2. – С. 15–22.
8. Столяров Ю. Н. Закон документного оснащения социальных коммуникаций // Библиоковедение. – 2002. – № 6. – С. 22–30.
9. Соколов А. В. Детерминизм и деонтология в Документной коммуникационной системе // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – № 4. – С. 6–34.
10. Соколов А. В. Законы, закономерности, заповеди в документологии (завершение дискуссии) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. – № 3. – С. 20–24.
11. Фокеев В. А. Природа библиографического знания. – М. : РГБ, 1995. – 352 с.
12. Берестова Т. Ф. О законах и закономерностях в информационной и документально-коммуникационной сфере // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 1. – С. 15–19.
13. Полтавская Е. И. О конструктивизме, системах и законах библиоковедения (частный взгляд на общие проблемы) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. – № 2. – С. 19–25.
14. Полтавская Е. И. Науки документо-коммуникационной сферы в системе социально-гуманитарного научного знания // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 1. – С. 9–13.
15. Кориунов О. П. Моя концепция библиографии (документографическая ли она?) // Российское библиографоведение: итоги. – М., 2006. – С. 179–198.
16. Кориунов О. П., Леликова Н. К., Лиховид Т. Ф. Библиография : учебник. – СПб. : Профессия, 2014. – 288 с.
17. Сущность и явление // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 3. – С. 682.
18. Шрейдер Ю. Смысл // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 3. – С. 576–577.

Материал поступил в редакцию 06.08.2014 г.

Сведения об авторе: Полтавская Елена Игоревна – кандидат педагогических наук, заведующий отделом хранения, тел.: (495) 629-14-75, e-mail: store@mosconsv.ru

УДК 028:82:001.8
ББК 78.07+83.0+87.256.6

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК МЕТОД НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

© М. Я. Серебряная, 2015

Настоящая статья выполнена в рамках исследования проблемы типологии чтения и читателей в связи с характеристикой одного из типов чтения, который назван креативным. При креативном чтении (в отличие от других типов) художественная литература может быть использована в научно-исследовательской работе. Доказывается, что использование художественной литературы является для креативного читателя научным методом, которым многие ученые, в частности, психологи, успешно пользуются.

Ключевые слова: художественная литература, художественный текст, поэтические произведения, психологическая задача, научный метод, основные требования к научному методу, Л. С. Выготский, Б. М. Теплов, В. П. Зинченко.

The article is carried out in the frameworks of studying the problem of reading and readers typology related to the characteristics of a type of reading called a creative one. Under creative reading (as opposed to other types) fiction can be used in research activity. It is proved that the use of fiction is a scientific method for creative readers, and many scientists, including psychologists, successfully use it.

Keywords: fiction, literary text, poetry, psychological task, scientific method, basic requirements for scientific method, L. S. Vygotsky, B. M. Teplov, V. P. Zinchenko.

И поэт чему-то учит...

Вячеслав Иванов

Философскими, литературоведческими, читателеведческими, библиографоведческими, культурологическими и другими исследованиями давно описана роль художественной литературы в жизни общества, способная менять общественно-исторические формации и идеологию социума и отдельных его представителей, влиять на духовность читателей, оказывать рекреационное, воспитательное и педагогическое воздействие. Однако еще нигде не раскрыто научно-исследовательское значение художественной литературы.

В работах ученых обнаруживаются многочисленные цитаты, реминисценции из художественных произведений, ссылки на них. С помощью художественных текстов решаются, например, психологические задачи в научных исследованиях многих ученых-психологов – С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, К. А. Абульхановой-Славской, Т. Н. Березиной, А. Н. Леонтьева, В. М. Аллахвердова, В. П. Зинченко и др. Поэтому уже сейчас можно говорить о методе, суть которого состоит в использовании художественных текстов. Обоснование этого метода как научного может дополнить характеристику креативного читателя, в общем описанного в читателеведческой литературе.

Задача настоящей статьи – обоснование использования художественной литературы в качестве одного из методов научно-исследовательского труда. Базой исследования стали научные труды ученых-психологов. Выбор этой области знаний объясняется обилием художественных текстов в научных работах психологов; высокой оценкой учеными художественных текстов в качестве источников своего труда; признанием психологизма художественной литературы литературными критиками – В. Г. Белинским, Н. А. Добролюбовым и др., теоретиками литературы – В. Е. Хализевым, писателями – К. Паустовским, Дм. Быковым, З. Прилепиным и др.

Значение художественной литературы для психологии

Немецкий философ Вильгельм Дильтей в книге, впервые изданной в 1894 г., писал, что в произведениях писателей и поэтов содержится «могучая по содержанию действительность душевной жизни», что в них заключена «мудрость поэтов, говорящая нам о людях и о жизни лишь образами и голосами судьбы»; что «в произведениях поэтов и писателей заключается больше, нежели в нынешних учениях,

о душе», что «в способе, каким подходят великие писатели и поэты к жизни человеческой, находится обильная пища и задача для психологии» и «со всех сторон приходится слышать, что в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, нежели во всех учебниках психологии вместе взятых», что «могучая действительность жизни, какую великие писатели и поэты стремились и стремятся ее постичь, выходит далеко за пределы нашей школьной психологии» [3, с. 29].

Русский ученый, философ С. Л. Франк через 30 лет, в 1924 г., как и В. Дильтей, подчеркивает психологическое значение художественных произведений: «Для того чтобы в настоящее время уяснить себе человеческую жизнь, свою и чужую, нужно изучать произведения искусства... Достоевский и Толстой, Мопассан и Ибсен, Флобер <...> – вот единственные учителя психологии в наше время» [10, гл. 1].

Доктор педагогических наук (по психологии), профессор Б. М. Теплов утверждает, «что художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология на новых путях, открывающихся сейчас перед ней» [9, с. 306].

Таким образом, видно, что философы и психологи уже давно высоко оценили возможности художественной литературы для решения психологических проблем. При этом метафизики В. Дильтей и С. Л. Франк видели в художественной литературе прямое описание психологических явлений, а Л. С. Выготский предостерегал психологов от полного передоверия писателям решения психологических задач [1, с. 435].

Метод Л. С. Выготского

В отличие от применявшихся ранее в психологии действий с художественными произведениями, которые сводились к исследованию либо автора, либо читателя (зрителя), Л. С. Выготский сосредоточен на самом тексте произведения. Он не ищет психологию в произведении, но через него хочет выявить те факторы, которые формируют отношение читателя (зрителя) к тексту. Он сравнивает положение психолога в этой ситуации с положением геолога, историка, юриста и т. п.

Л. С. Выготский не дает собственного названия методу своей исследовательской работы, а пользуется тем, которое ему «дал» психолог и философ Мюллер-Фрейенфельс – «объективно аналитический метод» [2, с. 38]. Через 40 лет доктор психологических наук, профессор А. Н. Леонтьев, глава советской психологической науки, говоря о книге Выготского «Психология искусства», охарактеризует этот метод теми же словами: «Избранный им метод является объективным, аналитическим» [7,

с. 7]. Сущность его метода изучения психологии искусства состоит не в том, чтобы исследовать авторов, зрителей и читателей, а в том, чтобы изучать художественное произведение [2, гл. I].

Художественную литературу, как прозаические, так и поэтические произведения, Л. С. Выготский широко использует и в своей главной и последней книге «Мышление и речь», хотя подход к художественным текстам в ней иной. В «Психологии искусства» ученый анализировал три отдельных представителя разных родов литературы, интересуясь главным образом структурой произведений и ее связью с их содержанием, влиянием формы на содержание. В «Мышлении и речи» у Выготского цель иная – найти в художественных текстах объяснение, аргументацию, свидетельства взаимосвязи мышления и речи, для чего ученым анализируются свыше 20 художественных произведений.

Программа Б. М. Теплова

Б. М. Теплов формулирует целую программу действий в направлении использования художественных произведений как научного метода. Независимо от Л. С. Выготского (его работы к тому времени еще не были опубликованы), подключение художественных произведений к решению психологических задач Б. М. Теплов называет методом. Теплов пишет: «Анализ художественной литературы обычно не указывается в числе методов психологического исследования. И фактически психологи этим методом не пользуются [9, с. 306].

Б. М. Теплов считает необходимым сделать предварительный шаг в этом направлении: «раньше, чем сочинять теорию плавания, <...> попробовать поплавать практически...» [9, с. 306].

Академик В. П. Зинченко очень высоко оценил результаты выполненного Тепловым анализа пушкинских произведений: «Заметки Б. М. Теплова богаты не только иллюстрациями. Их пафос – в преодолении узкой направленности личности (в том числе и ученой личности), в поиске оснований для ее целостного представительства в психологии» [4, с. 43]. Таким образом, по мнению Зинченко, Теплов сам осуществил тот предварительный шаг, о котором писал. На следующем этапе Б. М. Теплов предлагает решить, по его мнению, очень важные задачи: осуществить «развернутое доказательство» метода использования художественных текстов в психологической литературе; «установить принципы научно-психологического использования данных художественной литературы» [9, с. 106].

Серьезным научным исследованием в этом направлении являются неизвестная Б. М. Теплову книга Л. С. Выготского «Психология искусства» и написанные уже после смерти Теплова труды В. П. Зинченко, в которых разрабатывается идея

«поэтической антропологии». Ее предмет и задачи Зинченко определяет так: «Бытие в поэзии, бытие “всего человека”, бытие его чувства, фантазии, мысли, языка, его рождение, развитие, деградация, смерть, возрождение ... заслуживают внимания науки» [4, с. 49].

Можно считать, что книгой «Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили» В. П. Зинченко выполнен задачу, поставленную Б. М. Тепловым. Он практически доказал, что на самом деле использование художественных произведений работает в качестве научно-исследовательского метода в области психологии (как минимум). Как и в книге Л. С. Выготского «Мышление и речь», В. П. Зинченко ищет и находит решения психологических задач при помощи подсказок, тающихся в произведениях великих поэтов, среди которых А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев и А. А. Фет, И. Северянин и Вяч. Иванов, М. Цветаева и А. Ахматова, Б. Пастернак и Н. Гумилев, О. Мандельштам и И. Бродский и многие др.

Первая задача Б. М. Теплова

Первое требование к научному методу состоит в том, что он должен обеспечить или помочь открытию «новых знаний и методов решения задач в рамках любой науки» [8, с. 82]. В свете этого требования возникает вопрос: является ли использование художественных текстов научным методом? (Помогает ли ученому художественная литература находить новые знания?) Научная литература по психологии в состоянии ответить на этот вопрос положительно. Об этом свидетельствует то, что художественная литература использовалась:

- для научных открытий – археологические находки подсказывали Библия, книги Гомера, «Слово о полку Игореве» и др.;
- научной разведки психологической проблемы, например, «времени личности» К. А. Абульхановой-Славской и Т. Н. Березиной;
- доказательства научной мысли – у А. Н. Леонтьева, Л. С. Выготского, В. П. Зинченко и др.;
- доказательства ошибочности научной мысли – у В. М. Аллахвердова и др.

Второе требование к научному методу: «Эмпирический метод познания представляет собой специализированную форму практики, тесно связанную с экспериментом» [8, с. 82]. Следовательно, вопрос сводится к тому, являются ли художественные тексты наблюдениями или экспериментами. Л. С. Выготский, сравнивая свой анализ художественных произведений в книге «Психология искусства» с обычным экспериментом, писал: «Объективно-аналитический метод близок, таким образом, к эксперименту. <...> Сходство с экспериментом сводится к тому, что и в нем мы имеем

искусственную комбинацию явлений, в которой действие определенного закона должно проявиться в наиболее чистом виде; это есть как бы ловушка для природы, анализ в действии... Каждое лирическое стихотворение есть такой эксперимент» [1, с. 406].

Характеризуя свой метод анализа художественных произведений, Л. С. Выготский формулирует следующие его особенности: «1) аналитический метод направлен на познание реальностей и стремится к той же цели, что и индукция; 2) аналитический метод изучает факты и приводит к знанию, имеющему достоверность факта; 3) аналитический метод есть особый случай опытного познания, то есть фактического познания, по Юму; 4) аналитический метод, опираясь на изученные и обобщенные прежде факты, через изучение новых единичных фактов приводит в конце концов к новым относительным фактическим обобщениям, имеющим границы, степени приложимости, ограничения и даже исключения» [1, с. 408].

Третье требование к научному методу: Для объяснения наблюдаемых фактов выдвигаются гипотезы и строятся теории, на основании которых формулируются выводы и предположения. Полученные прогнозы проверяются экспериментом или сбором новых фактов [8]. Примерами, удостоверяющими такие возможности, являются уже первые работы, выполненные на основе этого метода. Л. С. Выготский, говоря об анализе художественных произведений для книги «Психология искусства», утверждал, что «задача анализа – вскрыть лежащий в основе природного эксперимента закон» [1, с. 406]. Содержание проблемы Выготский видел в том, чтобы «...теоретическая и прикладная психология искусства вскрыла все те механизмы, которые движут искусством» [2, предисловие]. Гипотезой для его книги «Психология искусства» послужило высказывание Шиллера: «настоящая тайна искусства мастера заключается в том, чтобы формой уничтожить содержание» [2, гл. IX].

В результате анализа художественных произведений Выготский пришел к выводу: «Найденная нами противоположность в строении художественной формы и содержания и есть основа катартического действия эстетической реакции. Здесь в форме эстетического закона выражено то верное наблюдение, что всякое произведение искусства таит внутренний разлад между содержанием и формой и что именно формой достигает художник того эффекта, что содержание уничтожается, как бы погашается» [2, с. 270]. Аргументом в защиту этого положения является факт его использования литературоведами.

Четвертое требование: «Важной стороной научного метода, его неотъемлемой частью для любой науки, является требование объективности,

исключающее субъективное толкование результатов» [8]. Ответ на это требование также обнаруживается у Выготского: «Этот метод гарантирует нам и достаточную объективность получаемых результатов и всей системы исследования, потому что он исходит всякий раз из изучения твердых, объективно существующих и учитываемых фактов» [2, с. 39]. Объективность метода обеспечена тем, что классические художественные тексты не создавались в чьих бы то ни было корыстных интересах, они не ангажированы, главный принцип классической художественной литературы – требование правды, правды искусства. Художественные факты изменить, даже в угоду исследователю, невозможно.

Таким образом, использование художественных текстов в научных целях вполне соответствует требованиям, предъявляемым к научному методу. Так решается первая задача, поставленная Тепловым.

Вторая задача Б. М. Теплова

Вторая задача: «установить принципы научно-психологического использования данных художественной литературы» [9, с. 306]. Она решается в книге философа Карла Юнга «Феномен духа в искусстве и науке», где автор провел границы взаимодействия искусства и психологии, указав на две крайние возможности литературного произведения в его отношении к психологии. Юнг подтверждает, что психолог «имеет в качестве своего материала такое содержание, которое движется в пределах досягаемости человеческого сознания, как-то: жизненный опыт, определенное потрясение, страстное переживание, вообще человеческую судьбу, как ее может постигнуть или хотя бы прочувствовать обычное сознание. Этот материал воспринимается душой поэта, поднимается из сферы повседневности к вершинам его переживания и так оформляется, что вещи сами по себе привычные, воспринимаемые лишь глухо или неохотно и в силу этого также избегаемые или упускаемые из виду, убеждающей силой художественной экспрессии, оказываются перемещенными в самый освещенный пункт читательского сознания и побуждают читателя к большей ясности и более последовательной человечности... Поэт уже выполнил за психолога всю работу» [11, с. 127]. Мыслью Юнга руководствовался, в частности, В. П. Зинченко, работая над книгой «Посох Осипа Манделштама и Трубка Мамардашвили», взяв поэта Манделштама в качестве поводыря по стране Психологии.

Выводы В. П. Зинченко

Академик Зинченко увидел целый ряд преимуществ поэзии перед наукой, которые может использовать

психология: «поэзия, – по-видимому, самый совершенный орган или орган языка – средство саморазвития и самопознания человека» [4, с. 77].

1. Прежде всего, поэзия – в отличие от науки – порождает живое знание, сохраняет мир цельным, постоянно напоминая «науке о существовании целостного, неосколочного мира», в то время как наука «расчленяет, анатомирует, дробит мир на мелкие осколки, которые не склеиваются, не komponуются в целостную картину» [5, с. 38–39].

2. Далее В. П. Зинченко полагает, что поэзия точнее, правильнее, чем наука, раскрывает психологические секреты. И потому к ней нужно более чутко и внимательно прислушиваться [6, с. 20].

3. Язык души близок языку искусства. Между душой и абсолютном поэзия является посредником, не только понимающим, но и создающим язык души: «Приблизиться к пониманию души пока удастся лишь литературе и искусству. Возможно, это удастся и науке, если она извлечет накопленный ими опыт» [6, с. 363].

4. Поэзия раньше науки проникла в тайны мироздания, например, в отдельные измерения пространства и времени. «Поэзия и искусство преподают поучительные уроки науке, предвосхищают ее будущие результаты и помогают осмыслить уже имеющиеся» [6, с. 117]. Подтверждением служат стихи Элиота, Блока, Рильке, Ахматовой и др. [6, с. 123, 126–128]. «В деле превращения неживой материи в живую искусство намного (если не навсегда) опередило науку, которая все еще пытается синтезировать живое вещество» [4, с. 24].

5. «Поэтические символические формы долговечнее логических, в них имеется чистый, незамутненный смысл... Поэзия не прямо соотносится с действительностью, хотя проникает в нее... прежде и порой глубже, чем наука» [6, с. 39].

6. Поэтические формулы не менее строги, чем формулы математические, и таят в себе семена научных теорий, в том числе (и прежде всего) психологических. Их создание требует не меньшего таланта: работа со словом столь же трудна, как и с числом [6, с. 69]; «...поэтические формулы стоят формул математических» [6, с. 155].

7. В. П. Зинченко видит в поэзии, в отличие от науки, пророческие возможности и утверждает, что «слишком многое из провидческого в искусстве задним числом подтверждалось» [6, с. 250]. В качестве аргументов он приводит целый ряд отрывков из произведений А. Ахматовой, М. Булгакова, О. Манделштама, В. Набокова, И. Бродского. Поэты предвидят будущее – уверен Зинченко [6, с. 370–371].

Ученому представляется, что наука и поэзия идут друг другу навстречу: «наука, пребывая в дольном мире, стремится к горнему; поэзия, пребывая в горнем мире, стремится к дольному <...> Естест-

венно, что стремление и его реализация не совпадают. Бывает, что и наука лишь ползает по земле, а поэзия лишь витает в облаках. Бывают и счастливые встречи науки с поэзией в экс-территориальном пространстве смысла, в 5-м измерении бытия. <...> Иногда встречи случаются в одном лице. Это бывает даже не в каждом столетии» [4, с. 87].

Особенно много и часто В. П. Зинченко берет в советчики, консультанты, поводыри поэта Осипа Мандельштама. Поэт в «Разговоре о Данте» предложил образ многоступенчатой ракеты, ступени которой конструируются не на земле, а по ходу полета. Эта метафора натолкнула ученого на размышление о проблеме развития и саморазвития человека.

В. П. Зинченко заменяет понятие «поэтической материи» понятием «психологической реальности». В результате получается образ саморазвития человека, пронизанный духовной вертикалью» [4, с. 149]. Многоступенчатую ракету как метафору развития человека видит В. П. Зинченко и в стихах М. Волошина («Наш дух – междупланетная ракета»).

У Мандельштама ученый В. П. Зинченко находит (более точные, чем у философов) подсказки про то, что такое свобода для человека, для личности: «что истинная свобода – это свобода выбора, свобода добытая, завоеванная, свобода как сущность всей жизни; что для того, чтобы быть свободным, нужно сделать, или хотя бы собрать, найти себя; что свобода – это не вольница, не ярость толпы, свободен тот, у кого на это хватает мужества, души, духа; что быть свободным – нормально и весело; что свобода – сама закон» [4, с. 71–72].

При помощи О. Мандельштама В. П. Зинченко решает вопросы терминологии, важные для каждой науки. Основную клеточку развития Зинченко называет узлом развития. Это название заимствовано им из строчки О. Мандельштама: «Узел жизни, в котором мы узаны и развязаны для бытия». «Здесь удивительно точно характеризуется ситуация развития, которая представляет собой не только завязывание узлов, но и их развязывание. Последнее не менее важно и порой представляет собой значительно большие трудности. Невозможность развязать узел нередко означает конец развития, а то и смерть. Трудности же в развязывании жизненных узлов сопровождаются духовными кризисами роста и развития» [4, с. 148–149].

Поэт О. Мандельштам не только подсказывает ученому идею развития человеческой личности, основные этапы ее становления, характерные особенности процесса, но и важнейшие понятия, при помощи которых описывается процесс развития (узел развития, завязывание и развязывание узлов, обратимость и обращаемость, вертикаль развития). При этом ученый дает высокую оценку этой терминологии, указывая на ее достоинства: «Он мас-

терски представляет понятия в образах, чем не только преодолевает недостаточность научного языка, но и расширяет объем понятий, порой трансформирует их, освещает с другой неожиданной стороны. Он как бы впрессовывает научные понятия в лирику. Поэтому цитаты О. Мандельштама в настоящем тексте достраивают бедный научный язык» [4, с. 166].

В. П. Зинченко часто не просто пользуется выражениями О. Мандельштама как терминами, но на их основе создает новые словообразования и словосочетания. Так, например, он объясняет использование выражения «ковровая ткань»: «В метафоре ковровой ткани содержится больше, чем просто характеристика “внешнего лика” сознания, она предполагает анализ его структуры» [6, с. 106]. И на основе этой метафоры он создает свои понятия: «орнамент ткани сознания», «сознание... имеет многослойное строение», «языки мыслительной ткани», «ткань переживаний», «ткани социальных отношений и ткани живого человеческого опыта», «из глубины проступают строфичные орнаменты» и т. д. [6, с. 105–107].

При помощи художественных произведений В. П. Зинченко обнаруживает, что науке психологии неведомо о двойной памяти – памяти создающей и памяти разрушающей жизнь, а также различие памяти святой и просто воспоминаний, о чем поведал поэт Вячеслав Иванов в поэме «Деревья» [4, с. 45]. Созидующую память ученый обнаруживает и в стихах А. Белого «Воспоминание» [4, с. 46]. Одну из этих разновидностей памяти – разрушительную – узнает ученый в ностальгических воспоминаниях В. Набокова «Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье» [4, с. 46].

Самые разнообразные находки делает В. П. Зинченко и у других поэтов, как русских, так и зарубежных: А. Блока и М. Цветаевой, А. Ахматовой и Б. Пастернака, Велимира Хлебникова и Н. Гумилева, В. Маяковского и С. Есенина, Петровых и Заболоцкого, Рильке и Элиота, И. Бродского и многих др.

* * *

Использование художественных текстов может считаться научным методом, пригодным для исследования гуманитарных проблем, в частности психологических, поскольку отвечает всем требованиям, предъявляемым наукознанием к научному методу:

- при его помощи можно получать новые знания;
- он представляет собой разновидность эксперимента или наблюдения (самонаблюдения);
- используя его, можно выстроить новую гипотезу или теорию, которая может быть проверена;
- обеспечивается соблюдение объективности, исключающее субъективное толкование фактов.

Метод создает условия для решения сложных психологических задач. Возможность его применения подтверждает научную ценность классической художественной литературы для креативного читателя. Она выражается в разных аспектах: в художественных текстах ученые находят подсказки, наводящие на мысль; художественные тексты способны служить аргументами при доказательстве научных идей; в них содержатся сведения о фактах, которые еще не были известны науке и которые науке предстоит разгадать и объяснить; своими метафорами поэты могут подсказать научные термины, на основе которых возможно формирование целых терминологических гнезд; в значительной степени благодаря художественной литературе психология возвращает себе понятия духа, души, духовности.

Важность художественной литературы для исследовательской работы подчеркивает отличительную особенность креативного читателя и креативного типа чтения. Осознание факта ценности художественной литературы для науки читателеведением, библиотековедением, библиографоведением и библиотечно-библиографической практикой, а через них – читателями, повысит авторитет чтения художественной литературы молодежью, особенно, что очень важно, одаренной, креативной молодежью.

Литература

1. *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 1. – С. 292–437.
2. *Выготский Л. С.* Психология искусства. – Изд. 3-е. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
3. *Дильтей В.* Описательная психология. – М., 1996. – 160 с.
4. *Зинченко В. П.* Посох Осипа Манделъштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М.: Новая шк., 1997. – 336 с.
5. *Зинченко В. П.* Психологические основы педагогики. (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова) : учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2002. – 431 с.
6. *Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт. – М.: Яз. славян. культур. – 2010. – 592 с.
7. *Леонтьев А. Н.* Вступительная статья к книге Л. С. Выготского «Психология искусства» // Психология искусства / Л. С. Выготский. – Изд. 3-е. – М., 1986. – С. 5–13.
8. *Саврушева М.* Философия науки и техники : учеб. пособие для магистрантов. – Омск, 2013. – 120 с.
9. *Теплов Б. М.* Заметки психолога при чтении художественной литературы // Избранные труды. – М.: 1985. – Т. 1. – С. 306–312.
10. *Франк С. Л.* Душа человека: опыт введения в философскую психологию // Предмет знания. Душа человека / С. Л. Франк. – Минск; М., 2000. – С. 631–990.
11. *Юнг К. Г.* Феномен духа в искусстве и науке // Собрание сочинений. – М., 1992. – Т. 15. – С. 127.

Материал поступил в редакцию 17.10.2014 г.

Сведения об авторе: *Серебряная Мария Яковлевна* – кандидат педагогических наук,
e-mail: miri.srebro@gmail.com

УДК 002.2(=161.1)(=512.31)+271.22-87(571.53/.55)
ББК 76.103(2)(=411.2)(=642)+86.372.81(253.57)

СЕМЕЙНАЯ КНИГА И ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

© А. А. Базаров, С. В. Бураева, 2015

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6*

На основе полевых археографических исследований рассматривается книжная культура старообрядцев и бурят-буддистов Забайкалья. Выдвигается идея, что в данных книжных культурах наличествует единство в социально-культурной типологии, несмотря на их генетическую разность. Особая роль в единстве книжных культур двух народов, проживающих на одной территории, уделена семейной книге.

Ключевые слова: книжно-рукописная традиция, старообрядцы, буряты-буддисты, Забайкалье, семейная книга.

The paper deals with the archaeographic research of the book tradition of the Russian Old Believers and Buryat Buddhists in Transbaikalia. The idea is suggested, that there is the unity of the social-cultural typology in these book cultures despite their genetic difference. The «family book» phenomenon plays a special role in the unity of the book cultures of these two ethnic groups living at the same territory.

Keywords: book-manuscript tradition, Russian Old Believers, Buryat Buddhists, Transbaikalia, family book.

Проблемам формирования единой российской идентичности уделяется в последние годы особое внимание. В этой связи особую роль начинает играть определение локальных (региональных) идентичностей, во взаимодействии с которыми будет оформляться идентичность общероссийская.

В Забайкалье наиболее устойчивой формой идентичности, обычно характеризующейся как традиционность, обладают русские старообрядцы и буряты-буддисты. Важный компонент традиционной культуры Забайкалья – книжно-рукописная традиция (КРТ), тесно связанная с религиозными представлениями и знаниями.

Культура и старообрядцев и буддистов опиралась на книжность и семейственность. Забайкальских старообрядцев, например, уже с XIX в. называют семейскими. В результате мы сталкиваемся с уникальным культурным явлением в Сибири – семейной книгой. Семейная книга обладает своими характерными историческими и антропологическими чертами. Опираясь на методiku «социальной археографии» [1], рассматривая в рамках компаративистики две генетически разные книжные культуры – буддийскую и старообрядческую, можно осуществить реконструкцию вышеуказанного явления.

Мы опираемся на полевые исследования, проведенные в Бурятии и Забайкальском крае¹. В те-

чение 2012–2013 гг. состоялись две комплексные археографические экспедиции, целью которых было проследить изменения, происходящие с традиционной книжностью двух народов, живущих совместно в одном регионе на протяжении нескольких столетий. Поскольку социальную реальность определяет повседневная жизнь ординарных людей, экспедиционное исследование проводилось по трем основным направлениям:

- книжный репертуар обычного человека в повседневности,
- книжная культовая практика и сохранение традиции,
- социальный облик хранителя книжных коллекций.

Основной тезис, сформированный в результате экспедиционных исследований: в изучаемых книжных культурах наличествует единство в социально-культурной типологии, несмотря на их генетическую разность.

Единство в периодизации развития

Становление и развитие КРТ и корпуса книжных памятников в Забайкалье проходило в контексте

точных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН проводятся десятилетиями, именно в контексте историко-сравнительного и антропологического анализов двух баз данных проведены впервые.

¹ Хотя полевые археографические исследования на базе буддийского и старообрядческого материала в Центре вос-

социокультурного и политического развития Российского государства. Процесс формирования и складывания этого комплекса определялся не только его внутренними потребностями, но и во многом зависел от политики, проводимой центральными и местными властями, позиции Русской православной церкви, достижений технического прогресса и т. д.

Основные периоды развития КРТ: 1) XVIII – третья четверть XIX в. – этап становления и развития; 2) последняя четверть XIX – начало XX в. – этап расцвета; 3) 20-е гг. XX – начало XXI в. – этап деструктивных процессов и редуцирования.

Первый период связан с XVIII и XIX вв. – начальным этапом развития специфичных черт местной книжной культуры. Книжная культура ординарного бурята-буддиста – неотъемлемая часть общей буддийской культуры Бурятии. Начало системной организации бурятского буддизма обычно относят к первой четверти XVIII в. н. э.² Затем, приблизительно полтора столетия, бурятский буддизм в рамках государственной политики Российской империи складывался как иерархичная, частично автокефальная (от тибето-монгольского буддизма), территориально разветвленная, монастырская система. Данный процесс был завершён только к середине XIX в.³

Обращаясь к проблемам исторической реконструкции книжной культуры ординарного бурята-буддиста, подчеркнем, что наиболее ценный материал в этой области представляет информация о буддийском печатном деле региона. Первые упоминания о буддийских ксилографических изданиях бурят относят к 20–30 гг. XIX в.⁴ В последующие периоды, особенно с конца 60-х гг. XIX в., книгоиздательское дело в дацанах быстро набирало темпы. В официальных источниках первые сведения о книгопечатании в бурятских дацанах появились намного позже, когда было уже хорошо налажено книгопечатание во многих монастырях Бурятии.

Так, например, в 1877 г. селенгинский епископ Мартиниан доложил в полицию о деятельности типографии Цугольского дацана. В ходе полицейского следствия в монастыре обнаружили более тысячи деревянных печатных досок-матриц (баров) с тибетскими и монгольскими текстами. В результате типографию Цугольского дацана немедленно опе-

чатали, а ширетую (настоятельно) объявили выговор. Позднее, в 1880 г. книгопечатание не ограничивалось и производилось уже во многих официально разрешенных монастырских типографиях [5].

Начало местного оформления КРТ старообрядцев Забайкалья можно отнести к XVIII в., когда большие группы русских старообрядцев (семейских) появились в Забайкалье⁵. Несмотря на переселенческую (репрессивную) политику в 60–90-е гг. XVIII в. очевидна либерализация законов в отношении староверов. Начало ей положено в правление Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.), продолжено в недолгое царствование Петра III (1761–1762 гг.), но наиболее ярко религиозная терпимость проявилась в законодательстве Екатерины II (1762–1796 гг.).

Период с правления Екатерины II до вступления на престол Николая I считается «если не золотым, то серебряным веком в истории русского раскола» [6, с. 368]. Это сказалось на местной КРТ. Внутриконтфессиональное разнообразие переселенцев повлекло полифоничность бытующих на тот период в старообрядческой среде как рукописных, так и типографских изданий.

Известны существенные отличия в типе чтения поповцев и беспоповцев. Собственный подход к отбору книг формируется в этих направлениях в начале XVIII в. В Забайкалье уже начальная стадия формирования КРТ характеризуется значительным взаимодействием рукописной и печатной книги. Книжно-рукописная традиция староверов развивалась на фоне активного пользования старообрядцами типографскими изданиями. Наиболее ранние старопечатные книги, обнаруженные в Забайкалье, относятся к XVI в. – виленские издания Петра Мстиславца и Мамоничей «Псалтырь» (1594 г.), «Евангелие» (1575 г.), «Апостол» (1592 г.), «Евангелие учительное» (1595 г.). Белорусское издание «Полуустав (Молитвы повседневные)» датируется 20–30-ми гг. XVII в. В конце XVII в. в г. Могилеве – «Диоптра, или Душезрительное зеркало» Филиппа Монотропа Пустынника (1698 г.) и «Перло многоценное» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого (1699 г.).

Широкая представленность изданий старообрядческих легальных и полунелегальных типографий конца XVIII – начала XIX в. указывает на то, что еще не были утрачены связи с западными районами Российской империи.

² Традиционно указывают на «Инструкцию пограничным дозорщикам» 1728 г. Саввы Владиславовича, графа Рагузинского, а также упоминается появление в 1712 г. в Забайкалье 150 лам, исторический факт из «Летописи хоринских бурят» Вандана Юмсунова [2, 7].

³ «Положения 1853 г.» генерала-губернатора Н. Н. Муравьева (графа Амурского) в определенной степени подытоживают результаты данного процесса [2, 7].

⁴ Результаты работы экспедиции П. Л. Шиллинга, описания А. Г. Сазыкина и др. [5].

⁵ Семейские были переселены в Забайкалье из Ветки, ныне города Гомельской области Белоруссии, во времена раскола находившегося на территории Речи Посполитой у границ России. Первый разгром Ветки произошел в 1735 г. – 40 тыс. человек были переселены в Восточную Сибирь и Забайкалье, так называемый Первый выгон. В 1765 г. – второе выселение, а позднее и третье. Последняя партия старообрядцев доставлена в Забайкалье в 1795 г.

Несмотря на технические новшества и большое количество печатных изданий, бытовавших в регионе, собственно рукописная традиция продолжала развиваться. Местные старообрядцы не только стремились придать переписываемым рукописям внешнее сходство с печатными, но и стали называть рукописные сборники книгами, стремясь уравнивать их в глазах читателей с официальными изданиями. Книги переписывались не только профессиональными писцами (в том числе и на заказ), но и самими читателями, что повлекло большое количество неискренних, часто написанных примитивным полууставом рукописей.

В первом периоде (XVIII – третья четверть XIX в.) создавались в основном рукописи «служебного» характера для общественного и частного богослужения. Принципиально ситуация не изменилась и в последующие десятилетия, вплоть до 90-х гг. XIX в., хотя преобладание богослужебных рукописных книг стало не таким явным. Репертуар рукописных памятников четко отражал предпочтения, характерные для доминирующего на территории Забайкалья поповского направления в старообрядчестве. Появление на исследуемой территории многочисленных локальных толков фактически не отразилось на региональном репертуаре старообрядческой литературы и не вызвало появления «местных» произведений. Это объясняется, на наш взгляд, кратковременностью существования новых направлений, распыленностью и малочисленностью их приверженцев.

Второй этап (последняя четверть XIX – начало XX в.) характеризуется расцветом книжной культуры буддистов Бурятии. Именно в это время благодаря мощной издательской деятельности монастырских типографий⁶ издаются тысячи томов произведений на тибетском и старомонгольском языках. Местные авторы создают оригинальные произведения в различных областях буддийского знания: ритуал, астрология, медицина, философия, филология и др. Вероятно, именно в этот период в буддийской среде Бурятии формируется культурное явление «семейная книга». Явление характеризуется культом книги среди ординарных буддистов – стремлением каждой семьи создать собственную книжную коллекцию буддийских текстов и обучить грамоте одного и более из своих представителей для чтения и трансляции данных текстов. Именно тогда сформировался основной репертуар чтения местного ординарного человека.

⁶ Согласно списку хамбо-ламы Дампил Гомбоева, представленному Э. Ухтомскому, который ревизовал в 1887 г. бурятские дацаны, значилось, что из 34 дацанов 29 имели свои печатни. В этот период в печатных дворах монастырей издавалось 600 экз. книг с различными наименованиями. С каждым годом количество наименований увеличивалось.

Второй этап развития КРТ забайкальских старообрядцев датируется нами концом XIX – первой четвертью XX в. Это время качественных изменений в местной старообрядческой КРТ. Резко увеличилось количество печатных изданий. Широкое распространение получают гектографы, создание которых начали осваивать в конце предыдущего этапа в центральных районах России и на Урале.

Из Подмосковья в 80-х гг. XIX в. стали приезжать писцы. После постройки Транссиба в большом количестве появляются рукописи, сделанные уже в Гуслицах (и других центрах и мастерских) на заказ. Возможно, именно эти факторы в комплексе повлияли на то, что местная рукописная школа в Забайкалье так и не сложилась, несмотря на период наибольшего благоприятствования.

Особенностью корпуса рукописных памятников второго этапа, несомненно, можно назвать образование значительного сегмента рукописных памятников «белокриницкого» направления, в большинстве своем – полемического или историко-полемического характера. Это объясняется заметной активизацией деятельности данного старообрядческого направления в Забайкалье в последней четверти XIX – начале XX в.

Третий период (20-е гг. XX – начало XXI в.) – время деструктивных процессов и редуцирования. В ходе антирелигиозной борьбы, которая началась в середине 20-х гг. XX в., советские органы фактически истребили буддийскую книжность: монастырские библиотеки уничтожались, священнослужители подвергались репрессиям (расстрел, заключение, ссылка), типографское дело было закрыто (уже начиная с 1923 г. книги в дацанах не издавались). В 1937 г. бурятское письмо было переведено со старомонгольской графики на кириллическую [4].

Если с монастырской книжностью органы расправились в период 20–30-х гг. XX в., то с книжностью семейной бороться было сложнее. Тем не менее именно в период 20–30-х гг. население под страхом репрессий в массовости избавлялось от буддийской литературы⁷.

Обращаясь к культуре старообрядцев, отметим, что в 20-е гг. XX в. новая власть вначале расправилась с Русской православной церковью. В это время старообрядцы еще продолжали открыто проводить богослужения в сохранившихся церквях и часовнях, активно пользовались имевшимися книгами и рукописями, создавали новые, обучали грамоте подрастающее поколение. В 1930-е гг. ситуация

⁷ В ходе полевых исследований зафиксированы многочисленные рассказы о способах избавления от буддийской литературы в 20–30-х гг. XX в. Они в основном связаны с религиозными представлениями населения. Книги привязывали к березе (священному дереву) в лесу, оставляли возле источников, прятали в горах (под охрану хозяев воды, гор), сжигали вместе с убитыми хозяевами.

кардинально меняется. К концу третьего десятилетия XX в. были уничтожены и закрыты все старообрядческие храмы Забайкалья, подвергнуты преследованиям служители культа (как священники, так и уставщики) и наиболее активные деятели старообрядческих общин. Действия советских властей редуцировали (прервали) межпоколенную трансляцию КРТ старообрядцев региона. Большинство старообрядческих книг и рукописей в годы репрессий и гонений были спрятаны или уничтожены различными способами и тем самым надолго (или навсегда) выведены из повседневного пользования.

В разных районах Забайкалья информанты рассказывали о том, как в эти годы деревенские старики прятали книги «в скалах» – пещерах, закапывали в лесу, огородах, дворе, сжигали, топили в проруби, скрывали в подполье. В последующие годы в Забайкалье нередкими стали похороны уставщиков вместе с принадлежавшими им книгами. Эта традиция сохранилась в некоторых селах и в настоящее время⁸.

Последующие годы характеризуются угасанием КРТ. Разрушается механизм межпоколенной передачи основополагающих догматических и нравственно-этических представлений старообрядчества об окружающем мире, миропорядке и месте человека в этом мире. Репрессии по отношению к хранителям памятников старообрядческой письменности, уничтожение книг и рукописей, тотальная «атеизация» всей жизни старообрядческих сел Забайкалья привели к тому, что с середины XX в. изменился характер формирования старообрядческих книжных собраний.

Библиотеки немногочисленных современных уставщиков формировались, как правило, из литературы, передаваемой хранителю жителями одного населенного пункта после смерти прежних владельцев. На наш взгляд, к концу XX в. это привело к тому, что библиотеки отражали уже не личные интересы и предпочтения владельца, а репертуар сохранившейся к этому времени литературы в определенной местности.

Отметим двоякость борьбы с КРТ в культуре народов Забайкалья. Репрессия одного вида культуры сопровождалась развитием другой – светской и европоцентристской. Социалистический эксперимент по замещению предшествующей культуры новыми европоцентристскими просветительскими явлениями особо болезненно повлиял на так называемые восточные, религиозно-ориентированные культуры. Советское руководство, исходя из собственных идеологических позиций, принципов клас-

совой борьбы и т. п., осуществило именно революционный, во многом трагичный вариант развития культуры.

Обособленность, консерватизм, подавление официальным православием и госцензурой

Обращаясь к другому историческому аспекту в формировании книжности бурят-буддистов и старообрядцев, а именно, их социально-политическому положению в Российской империи, необходимо проанализировать истоки устойчивости их КРТ.

Буддисты в Российской империи, которая формировалась как оплот официального православного христианства, строили свою общину в весьма сложных условиях. Они прекрасно осознавали свое маргинальное положение в стране, свою культурную инаковость и чуждость основному направлению религиозного развития. В ходе перманентных миссионерских попыток православной церкви обратить бурятское население в христианство, буряты-буддисты приобрели устойчивое самосознание относительно своей стойкости и исключительности⁹.

Правительственная политика, исходящая из собственных интересов, не всегда поддерживала миссионерскую деятельность православной церкви, но подразумевала постоянный государственный (репрессивный) контроль и цензуру¹⁰. В этих условиях ординарное буддийское население рассматривает буддийскую литературу на тибетском и старомонгольском языках как основу своей этнической идентичности. Вероятно, этот фактор, когда вопрос о бурятской идентичности в конце XIX в. стал острым, повлиял на массовое распространение буддийских текстов.

Все исследователи старообрядческой культуры Забайкалья в XIX в. (Н. Н. Бурлаков, П. А. Ровинский, А. Е. Розен, А. М. Селищев, А. М. Станиловский) отмечают исключительность ее представителей в социальной, хозяйственной и религиозной жизни. Также отмечается особое отношение в государстве к их культуре. П. А. Ровинский в своей статье «Этнографические исследования в Забайкальской области» пишет: «Вследствие особенного религиозного толка, толка в сущности безвредного для общественного порядка и непротивного основным правилам церкви, они поставлены вне закона, терпят ограничения в правах и частью находятся под преследованием. Семейский не может быть избран в волостные старшины, хотя бы большинство

⁹ Интервью с Лодой-ламой в с. Цугол Забайкальского края (2002 г.).

¹⁰ В архивных материалах зафиксированы многочисленные случаи запретов на издательскую деятельность буддийских монастырей, ограничения ввоза монгольскоязычной и тибетоязычной литературы на территорию Российской империи и т. п. [5].

⁸ Информанты Республики Бурятия – Виктор Филиппович Иванов, Фекла Карповна Мартынова (с. Хасурга, Хоринский район), Елена Степановна Павлуцкая (с. Шаралдай, Мухоршибирский район), Иван Николаевич Яковлев (с. Михайловка, Кижингинский район).

населения было семейским. Семейские не имеют право на публичное отправление своего богослужения: их часовни заперты, колокола и кресты сняты, а иные обращены в единоверческие. Они не имеют права иметь священника по своей воле, должны приобретать его тайно, что сопряжено с громадными издержками и затруднениями, а, добывши, должны держать его в скрытности, что чрезвычайно тяжело, как для них, так и для него. Наконец, к ним определяют миссионеров, которые относятся к ним также как к инородцам шаманской или буддийской веры» [8]. В перманентной борьбе за идентичность старообрядцы выработали трепетное отношение к своим книгам, как основе своей исключительности. Так, еще в XIX в. Н. В. Ушаров отмечал: «Как зеницу ока хранят и стерегут старообрядцы свои книги не только от потери, но даже от малейшего повреждения. Раскрыть книгу лишней нужной раз составляет для старообрядца истинное мучение» [6, с. 322].

Что касается общности старообрядческой и буддийской книжности Забайкалья в области их консерватизма, отметим ярко выраженный изначальный эсхатологический аспект данных книжных культур. Если относительно старообрядческого консервативного эсхатологического аспекта культуры написано достаточно много, то о буддийском – информации практически нет. В этой связи укажем на генезис книжной культуры центральноазиатского буддизма (из которой происходит бурятская). Формироваться он начал в тибетском средневековом обществе в VII–XIII вв. Мы предполагаем, что наибольшее влияние на развитие данной книжной культуры оказал процесс постепенного исхода буддизма из Южной Азии в Центральную Азию под непосредственным давлением брахманизма и ислама. Массовое уничтожение буддийской книжности, основанной на санскрите¹¹, и эсхатологический космогонизм базовых тантрических культов северного буддизма (Калачакра) предопределили книжный собирательный консерватизм тибетцев, монголов и бурят, наиболее ярко выраженный в феномене канонических сборников Ганжур и Данжур.

Собрать и сохранить «истинные книги» – эти две функции определяли и определяют феномен буддийской книжности Центральной Азии. Большая часть Канона не используется, а только хранится. Охранительно-консервирующее действие в тибетском обществе получило статус сакрального и дало толчок к многочисленным другим действиям: переводу, отбору, собиранию, систематизации, тиражированию, поклонению, формированию лучшей кармы.

¹¹ Общеизвестный исторический факт, что южный буддизм (Шри Ланка, Бирма, Таиланд, Кампучия, Южный Вьетнам) исходит из текстов на языке пали, а северный буддизм – из текстов на санскрите.

Бурятская форма сакрализации книжного наследия помимо общих для центральноазиатской культуры парадигм строится на трех дополнительных социально-психологических основаниях. Осознание себя форпостом буддийской книжности в мире иной – русской (религиозной и светской) – книжности, перманентное преодоление не книжности собственного добуддийского мировоззрения¹² и переживание своей отдаленности от центров центральноазиатского буддизма.

В 20–30-х гг. прошлого столетия обе книжные культуры подверглись тотальному уничтожению. Тем не менее долгий опыт борьбы за сохранение идентичности позволил им функционировать в определенной целостности еще около полувека, вплоть до 1980-х гг.

В настоящее время с уходом последних носителей традиций и глобальными изменениями социальной и культурных областей семейная книжная культура бурят и старообрядцев постепенно исчезает, уступая место монастырским и храмовым собраниям.

Семейная книга как источник типологической общности

Семейная книга – это своеобразное культурное явление, уходящее корнями в средневековую культуру и характеризующееся:

- наличием книжных коллекций религиозного содержания практически в каждой семье ординарного человека (крестьян и скотоводов);
- практикой ежедневного чтения и обучением начальной грамотности в кругу семьи.

Благодаря семейной книге уровень грамотности и цельности мировоззрения внутри культур старообрядцев Забайкалья и бурят-буддистов был гораздо выше в XIX в., чем в среднем по стране.

Домашние библиотеки – неотъемлемая часть регионального историко-культурного наследия, связанная с религиозными представлениями. В большинстве своем владельцами домашних библиотек в забайкальском регионе являются представители сельского населения. В формировании этих собраний участвовали члены социума различного статуса и возраста. Истоки данного явления необходимо искать не только в особенности книжной культуры средневековья, но и в тех социальных особенностях, в которых она формировалась.

Семья, родственные связи всегда имели важное значение в бурятском обществе. Первоначальный

¹² Добуддийское религиозное сознание бурят отталкивалось от идеи священности произнесенного слова, поэтому тексты передавались друг другу устно, по памяти. Требовалось запоминать звучание текста. Книжность как форма ретрансляции не могла передать весь диапазон «звучащего знания».

трайбализм бурят был не только сохранен царским правительством, но и закреплён рядом указов. Немалую роль сыграло и фактическое вытеснение основной массы бурят (инородцев по статусу) из государственного строительства в Российской империи. В результате социальная активность бурят была направлена в основном на семью. Зачастую культ книги переплетён с культом семьи¹³.

Институт семьи старообрядцев Забайкалья отличался особой устойчивостью и традиционностью. Книжность всегда была частью данного института. Книги и рукописи в семьях старообрядцев в Забайкалье XIX в. не были редкостью, чаще всего они передавались по наследству – от отцов детям. Многочисленные записи на полях, переплетах книг являются важным материалом для понимания социальной стороны книжной культуры.

В этих записях можно обнаружить подробности биографии владельца, сведения о хозяйственной жизни, а также довольно частые записи о родственниках владельцев книг. Чаще всего речь идет о «Помяннике» или списке с указанием имен родственников и дат, с ними связанных (дни смерти, рождения и т. п.).

В записях об отдельных родственниках возможны различные подробности: «11 октября баба Кузеха именинница», «1942 года убит на войне 24 января Павлуцкий Фиефын Григоривич. На память Нам осталась Его фото карточка навечную вечную память спит Мой дарагой брат Феофан», «1959 год 17 ноября умер брат Даниил Федорович в Дерманий прожил в дерманий 45 годов, А всего прожил на свети 66 лет»¹⁴, «1797 году месецца сентебря 27 дня васкресения поутру к заутрени ... родился сын Алексей в Шацком...»¹⁵ (Орфография и пунктуация оригинала сохранены. – Прим. авт.).

Что касается ординарных бурят-буддистов, следует указать на материал, выявленный в ходе изучения социальной значимости наиболее распространенных текстов в среде обычных буддистов Забайкалья. Наиболее распространенный текст у местных мирян буддистов – Суварнапрабхасоттамасутра (Серод, Алтангэрэл). Сутру можно найти в семьях на тибетском, старомонгольском, бурятском языках. Также разнообразны места публикации ксилографических изданий (Тибет, Китай, Монголия и Бурятия), встречаются местные рукописи. Большинство респондентов осознают важность повседневного нахождения данного текста в их доме. Подчеркивают, что хранение и почитание книги способствует не

только процветанию буддийского учения, но и материальному благополучию семьи, хорошим переживаниям, защите родовой территории от нападений и достижению высокого социального статуса представителей рода.

Вторая по популярности книга среди мирян буддистов Бурятии – Панчаракша (Банзаракша). Данное сочинение состоит из пяти канонических текстов: Махасахасрапрамардананамасутра, Махамайюривидьяраджни, Махамапратисаравидьяраджни, Махаситаванасутра, Махамантранудхарисутра. Ксилографы (в двух вариантах на тибетском и старомонгольском языках) изданы как и предыдущий текст в самых разных местах, встречаются рукописи. Повседневная значимость книги определяется респондентами как средство защиты от различных опасностей и опора благополучия несовершеннолетних в семье.

Следующие значимые тексты – сборник Аштасахасрика-праджняпарамита (8 тысяч шлок, Джадомба) и Ваджрачхедика-праджняпарамита (Доржо жодбо). Оба текста найдены в 15 случаях (здесь и далее речь об обнаружении текста в частных книжных коллекциях Забайкалья. – Прим. ред.). Ксилографы на двух языках (тибетском и старомонгольском) изданы в Китае, Тибете, Монголии и Бурятии. Доржо жодбозачастую встречается в рукописном варианте (на черной лаковой бумаге, золотыми или серебряными минеральными красками). Рукописная Джадомба была найдена всего раз.

Оба сочинения Джадомба и Доржо жодбо в отличие от предшествующих сочинений, относящихся к разделу Тантр в Ганжуре, входят в раздел Праджняпарамита. Респонденты отмечают целый ряд благоприятных последствий хранения данных книг: улучшение микроклимата в семье (предупреждение ссор и конфликтов), очищение сознания от плохих побуждений и мыслей, достижение внутреннего равновесия, спокойствия и удовлетворения, успех в любой работе, перерождение в более благоприятных сферах.

Кроме вышеуказанных сочинений особую популярность имеют тексты Манджушринамасамгити (7 примеров) и Улигер-ун далай («Море притч», 3 примера). Эти тексты были ксилографами на старомонгольской графике. Текст Улигер-ун далай читается детям в качестве колыбельной для их будущего благополучия. Все вышеуказанные тексты относятся к буддийской канонической литературе.

Служебной литературой можно считать: сборник Зундуй (данный текст в коллекциях встречается на тибетском и старомонгольском языках), Этигел (тиб. Skyabs 'gro sems bskyed), Найман геген (тиб. Snang brgyad). Данные тексты встречаются исключительно на старомонгольском и служат решению семейных проблем в рамках буддийских мировоззренческих догматов.

¹³ Основные мотивы для ежедневного ритуального чтения религиозных книг у бурят связаны с процветанием семьи, поддержкой членов семьи.

¹⁴ Коллекция Этнографического музея народов Забайкалья.

¹⁵ Повесть о успении, Национальная библиотека Республ. Бурятия.

В ходе экспедиций отмечен рост в коллекциях буддийской литературы современных изданий самого разнообразного содержания (ритуальные, религиозно-философские, медицинские и астрологические). Подчеркнем, что три буддийские организации на территории Бурятии издают основной массив данной конфессиональной литературы: Традиционная буддийская сангха России, общество «Зеленая тара» Тинлэй багши и буддийская организация, духовным лидером которой является Елой-римбуши. Помимо местных изданий в коллекциях встречаются современные, выполненные в Китае и Монголии.

Состав современных домашних библиотек старообрядцев региона, несомненно, редуцирован. Идет процесс обретения нового культурно-религиозного облика. Нивелируется разница между поповскими и беспоповскими библиотеками.

В Забайкалье все больше «старых» книг и рукописей находится у родственников умерших владельцев литературы в качестве «памяти» о них. Это, как правило, одна-две, реже три-четыре книги, выбранные безо всякого принципа. Данное обстоятельство нуждается во фронтальном обследовании большинства сельских районов Бурятии. Книга в таких «библиотеках» становится скорее мемориальным, иногда сакральным предметом, полностью утрачивая обучающую функцию.

* * *

Подчеркнем, что вокруг книги и семьи несколько столетий строилась забайкальская идентичность,

шло осознание себя и своего места в окружающем мире. Кардинальное изменение механизма передачи традиции, гендерное изменение состава и резкое уменьшение числа носителей традиции, тотальная утрата самих памятников письменности изменили вектор развития традиционной книжной культуры Забайкалья, приоритетом которого становится не религиозный, а национальный компонент.

Литература

1. Бахтина О. Н., Дутчак Е. Е., Керов В. В. «Егда чтем, Господь к нам беседует ...»: к вопросу об институализации социальной археографии // Российского университета дружбы народов. Серия «История России». – 2006. – № 2. – С. 75–85.
2. Галданова Г. Р. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. – Новосибирск : Наука, 1983. – 240 с.
3. Петров Н. И. Раскол и единоверие с царствования Екатерины II до царствования Николая I // Труды Киевской духовной академии. – 1881. – № 8. – С. 367–390.
4. Синицын Ф. Л. Красная буря. Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. – СПб., 2013. – 544 с.
5. Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А. Буддийское книгопечатание Бурятии XIX – начала XX в. – Улаанбаатар, 2006. – 221 с.
6. Ушаров Н. В. Заметки о забайкальских старообрядцах // Сборник газеты «Сибирь». – СПб., 1876. – Т. 1. – С. 313–333.
7. Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России : (XVIII – начало XX в.). – Улан-Удэ. – 2013. – 314 с.
8. Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия СО РГО. – Иркутск, 1872. – Т. 3, № 3. – С. 120–133.

Данное исследование проведено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Традиционная книжность ординарного человека Восточной Сибири и Монголии: социально-археографическое исследование»).

Материал поступил в редакцию 06.08.2014 г.

Сведения об авторах: Базаров Андрей Александрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов, тел.: (3012) 43-32-64, e-mail: bazarow_andr@mail.ru,
Бураева Светлана Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов, тел.: (3012) 43-32-64, e-mail: ladys@inbox.ru

УДК 027.6:355(47+57)(091)"18/19"
ББК 78.347.59г+68.46г

КЛАССИФИКАЦИЯ ВОЕННЫХ БИБЛИОТЕК РУССКОЙ АРМИИ

© А. М. Панченко, 2015

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15*

Вторая половина XIX – начало XX в. – время наиболее динамичного развития военно-библиотечного дела в России. Данный период характеризуется многообразием библиотек разных типов и видов, каждому из которых присущи свои особенности и отличительные черты. Отсюда – различные точки зрения и подходы к проблеме терминологии, типологии и классификации библиотек в трудах специалистов отечественного библиотечного дела. В историко-библиотечных исследованиях нет универсальных схем.

Предложенная классификация библиотек военного ведомства основана на многолетнем опыте изучения истории военно-библиотечного дела. Собрано и проанализировано около 300 систематических (в основном) и алфавитных каталогов книг (и дополнений к ним) военных библиотек, изданных в 1862–1916 гг., а также более 70 каталогов книг библиотек военно-учебных заведений (1830–1916 гг.).

Изученные источники дают основание структурировать различные типы и виды военных библиотек не по хронологическому принципу, а по типобразующим функциям: военно-научные, военно-учебных заведений, войсковые офицерские, специальные, солдатские, а также книжные собрания известных военных деятелей. Для наиболее полной характеристики некоторых групп военных библиотек внутри их использованы различные иерархические схемы.

Ключевые слова: история библиотечного дела, военные библиотеки, терминология, классификация, типология, каталоги книг.

The second half of XIX – early XX centuries is a period of the most dynamic development of military libraries in Russia. This time is characterized by a variety of libraries of different types and forms with their inherent properties and distinctive features. Hence, different views and approaches to the problem of terminology, typology and classification of libraries appeared in papers of Russian librarianship researchers. There are no universal schemes in the historical-library studies. The proposed classification of military libraries is based on multiyear experience of studying the history of the military librarianship. It was collected and analyzed about 300 systematic (mainly) and alphabetical book catalogs (and amendments thereto) in military libraries, published in 1862–1916, as well as more than 70 book catalogs of libraries in military schools (1830–1916).

Studied sources give an opportunity to structure the different types and forms of military libraries not only in a chronological order, but according to type-forming functions: military research, military educational, army officers, special, soldiers, as well as book collections of famous military leaders. To characterize some groups of the military libraries more complete their different hierarchical scheme are used.

Keywords: history of librarianship, military libraries, terminology, classification, typology, book catalogs.

О нерешенности проблем классификации и типологии библиотек свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии специалистов библиотечного дела как дореволюционного, так и советского и постсоветского периодов. Неслучайно ученый-библиотековед М. Ю. Матвеев отмечает, что «одна из наиболее сложных, противоречивых и в чем-то даже неразрешимых проблем – это типология библиотек. Основное препятствие, возникающее перед любым исследователем, заинтересовавшимся данной проблемой, заключается в том, что классифицировать существовавшие в дореволюционной России библиотеки на основании одного принципа деления не представляется возможным» [72, с. 85].

В ходе работы над настоящей статьей автор столкнулся с еще одной проблемой, характерной для большинства историко-библиотечных исследований, которую специалист в области книжной культуры Т. Д. Рубанова называет «терминологически-типологической». Какие термины, обозначающие разные типы и виды библиотек, следует использовать: историко-современные (принятые в соответствующий исторический период) или актуально-современные (действующие в библиотековедении сейчас)? При любом подходе исследователя типология и соответствующая ей терминология не должны быть внутренне-противоречивыми и, без сомнения, авторский выбор (включая его обоснование) должен быть изложен» [93, с. 108].

В разработку проблем терминологии, классификации и типологии библиотек определен вклад в дореволюционный период внесли: Н. А. Рубакин [91, с. 152–154], Л. Б. Хавкина [118], В. И. Чарнолуский [120]. Работы исследователей, во-первых, послужили теоретической основой для типологизации отечественных библиотек, их разделения на академические, публичные (общественные, общеобразовательные) и народные библиотеки. Во-вторых, учеными даны определения понятиям «тип библиотеки» и «класс библиотеки». Известные специалисты в области военно-библиотечного дела: С. Д. Масловский [71], А. Р. Войнич-Сяноженцкий [22, с. 15–24], А. С. Лацинский [65] также внесли свой вклад в типологию военных библиотек, выделив из них три типа книжных собраний: академические, полковые (офицерские) и солдатские.

В советском и постсоветском библиотековедении разные трактовки и подходы к терминологии, классификации и типологии библиотек предлагали: М. И. Акилина [3, с. 3–9; 4, с. 40–54], Т. А. Белобратова [7], А. Н. Ванев [21, с. 161–173], Е. Н. Гусева [30, с. 102–104; 31, с. 27–31; 32, с. 6–19; 33, с. 3–10; 34], К. Н. Дерунов [36], Н. С. Карташов [41, с. 62–71; 42, с. 35–46; 43, с. 17–31], А. Н. Маслова [70, с. 10–19], И. Г. Матвеева [74, с. 6–8], М. Ю. Матвеев [72, с. 85–100; 73, с. 101–108], Р. С. Мотульский [75, с. 8–15; 76, с. 55–60], Л. В. Сокольская [98, с. 30–35], Ю. Н. Столяров [103, с. 16–23; 104, с. 63–89; 105, с. 25–39], Э. Р. Сукиасян [106, с. 5–15; 107, с. 3–10], И. М. Суслова [108, с. 6–17] и др. При этом ни один из вышеперечисленных специалистов библиотечного дела не дает в своих работах четких и однозначных подходов к типологии и классификации библиотек, а терминология, типология и классификация военных библиотек ими и вовсе не рассматривались.

Одним из первых предпринял попытку классифицировать дореволюционные военные библиотеки С. Н. Лютов [68, с. 124–149; 69, с. 16–22]. Он разделил военные библиотеки по типологическим характеристикам на три группы: 1) военные научные (академические) библиотеки, 2) войсковые офицерские библиотеки, 3) солдатские библиотеки. Последующее изучение истории военно-библиотечного дела, анализ каталогов книг военных библиотек позволили добавить еще одну, 4-ю группу библиотек – книжные собрания военно-учебных заведений [82].

Исследователь М. Ю. Матвеев [72, с. 86–87, 98–99] выделяет шесть основных групп библиотек второй половины XIX – начала XX в.:

- 1) библиотеки широкого профиля, общественные (публичные и народные);
- 2) специальные библиотеки;
- 3) военные библиотеки;
- 4) духовные библиотеки;

5) библиотеки светских образовательных учреждений;

б) личные библиотеки.

Во 2-ю группу М. Ю. Матвеев включил библиотеки военных обществ, а в 3-ю – библиотеки органов военного управления (Главного и Генерального штаба, Морского Генерального штаба); фельдъегерского корпуса; гвардии (Главного Гвардейского штаба, Роты Дворцовых гренадеров, Гвардейской пехоты, Гвардейской кавалерии, Гвардейской артиллерии); других армейских и флотских соединений – офицерские (полковые), солдатские и матросские библиотеки; библиотеки в сфере военного образования – высших военных учебных заведений, военных училищ, кадетских корпусов, военных гимназий, военных школ. Причем автор оговаривается, что предложенная схема не является идеальной и может быть подвергнута корректировке – в нее могут быть добавлены разделы, а некоторые из них переставлены местами.

Рассматривая вопрос терминологии, типологии и классификации библиотек, необходимо, прежде всего, уточнить правила использования избранного методологического инструментария. Определимся с такими теоретическими понятиями, как «классификация», «типология», «систематика».

Авторитетный военный ученый, начальник Николаевской академии Генерального штаба (1889–1898 гг.), генерал от инфантерии, профессор военного искусства Г. А. Леер так определял значение «классификации» для научного исследования: «сортировка научного материала, распределение его по степени относительной важности, иерархизация его, приведение сложных вопросов к простым, то есть классификация, является началом научности и методичности. Без разложения общего вопроса на его составные части можно разве только более или менее красиво болтать о деле, попросту фельетонировать, но не научно исследовать вопрос. Без соединения сходного (выражающегося в общих признаках) и без разъединения разнородного (выражающегося в отличительных признаках) нельзя прийти к уяснению сущности какого-либо дела или вопроса. Без расчленения предметов по общим их признакам, по разрядам, без расчленения науки (la science non-articulée) немислима наука, короче нет ее. Познать сходные признаки и отличительные признаки в наблюдаемых фактах, выделить существенное, неизменное, от второстепенного, случайного – такова *цель науки* (курсив автора. – Прим. Г. Л.). Расчлени сперва разбираемый вопрос путем анализа и потом воссоединить путем ассоциации идей, путем синтеза в целое, таков путь научного исследования какого бы то ни было вопроса к раскрытию общих основных положений (принципов, законов), чему правильная классификация ближе всего и содействует» [67, с. 185].

В Большой Советской энциклопедии терминам «типология», «классификация», «систематика» даны следующие определения: «“Типология”. 1) метод научного познания, в основе которого расчленение объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа. Типология используется в целях сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объектов как сосуществующих, так и разделенных по времени. 2) Результат типологического описания и сопоставления. <...> Типология может непосредственно основываться на понятии типа как основной логической единице расчленения изучаемой реальности, либо использовать иные логические формы. Это, во-первых, *классификация* (курсив авторов. – Прим. А. О. и Э. Ю.), цель которой сводится к построению иерархических систем классов и их подклассов на основе некоторых признаков, не свойственных самим объектам (название, число) или присущих им; во-вторых, *систематика* (курсив авторов. – Прим. А. О. и Э. Ю.), предполагающая максимально полную и расчлененную классификацию данного множества объектов с фиксированной иерархией единиц описания» [80, с. 563–564].

Есть и другие подходы к пониманию типологии, классификации и систематики. Так Н. С. Карташов [42, с. 35] отмечает, что классификация и типология – это два родственных метода. Границы (различия) между ними в значительной мере условны, и применение того или иного метода в определенных областях знания в большей мере зависит от исторических традиций. По его мнению, под классификацией принято понимать группировку изучаемых объектов исходя из количественных признаков, под типологией – группировку объектов по качественным признакам.

Полемику с Н. С. Карташовым Э. Р. Сукиасян, который утверждает, что: «Типологические исследования как бы подводят к следующему этапу – классификационному, в результате которого рождается классификационная группировка, система классов по одному или многим основаниям, в которых деления связаны друг с другом иерархическими отношениями. <...> Важно понимать, что методы и результаты типологической и классификационной деятельности различны, как различны сами термины – “типология” и “классификация”» [107, с. 9–10].

Приступая к разработке классификационной схемы военных библиотек как одной из составляющей общего библиотечного дела в России, прежде всего обратимся к результатам дореволюционных исследований. К первой половине XIX в. в отечественном библиотековедении появилось понятие «национальная библиотека» и были сформулированы ее основные типологические черты:

государственная библиотека; научная библиотека с универсальным фондом; национальное книгохранилище; общедоступное просветительское учреждение. В указанный период военное ведомство вместе с термином «военная библиотека» также стало использовать понятие «книгохранилище» применительно к библиотеке при штабе Гвардейского корпуса.

В статье В. Филимонова эта библиотека именовалась «общественным книгохранилищем» [117, с. 228]. Книгохранилищем называл это собрание книг военный писатель Ф. Н. Глинка [25, с. 10, 51]. Термин «книгохранилище» употреблен и в названии его труда. К библиотеке Главного штаба «по полноте ее и богатству собственно по военной части, так и по отличному выбору и множеству сочинений по всем прочим отраслям наук» применялось понятие «обширное книгохранилище» [28, с. 305–306]. В ряде работ обосновываются функции общественных, публичных библиотек, которые помимо ставшей уже традиционной просветительской функции призваны содействовать развитию отечественной промышленности и науки.

В литературе конца XIX в. мы находим лишь названия отдельных типов библиотек, но характеристика их типологических особенностей отсутствовала. Изучению проблем типологии мешала также неразработанность библиотечной терминологии. Перечень типов библиотек, существовавших в России к концу XIX в., создал Н. А. Рубакин [92, с. 286–313]. В него он включил библиотеки общественные, земские, фабричные, при школах, у частных лиц, передвижные и образцовые. В этот период назывались также ученическая и учительская библиотеки, а также публичные библиотеки (городские, общественные и частные). Взять за основу типологии предлагалось разные признаки, основным из которых была доступность библиотеки. Предпринимались попытки уточнить типологические функции губернских и городских публичных библиотек. Наибольшее внимание в эти годы уделялось проблемам национальной библиотеки. Некоторые специалисты типологизировали библиотеки по их принадлежности к земствам, общественным организациям, частным лицам. Другие – подразделяли библиотеки по признаку обслуживания читателей. Однако в большинстве случаев назывались отдельные типы библиотек, а характеристики их типологических особенностей не было [21, с. 134].

Указывая отдельные типы библиотек, отечественные специалисты библиотечного дела не относили военные библиотеки ни к одному из выше рассмотренных типов. В связи с предполагавшейся переписью российских библиотек комиссия «Общества библиотековедения» предложила на Первом общеземском съезде по статистике народного образования (1913 г.) выделить 13 классов (отде-

лов) библиотек. В основу классификации библиотек был положен признак их принадлежности, хотя он и не был выдержан до конца.

Ни в одном из 13 выделенных классов нет военной библиотеки. Лишь во 2-й класс «Общественные библиотеки» были включены книжные собрания казачьих войск. Комиссия отнесла военные библиотеки в отдельную группу вместе с крупными частными, больничными, тюремными, музыкальными, театральными собраниями книг, библиотеками для слепых и другими, не вошедшими в предыдущие отделы.

Как отмечает А. Н. Ванеев, «разработанная Обществом библиотковедения типология библиотек стала крупным достижением отечественного библиотковедения. Впервые все многообразие типов и видов библиотек было систематизировано и классифицировано» [21, с. 173]. Только в этом «многообразии типов и видов библиотек» не нашлось отдельного места военным библиотекам. Ссылка на то, что военные библиотеки представляли собой закрытые, корпоративные учреждения, лишь отчасти оправдывает составителей. Информации о военных библиотеках в дореволюционных изданиях имелось достаточно.

Так, в «Военных энциклопедических лексиконах...» 1838 г. [27, с. 320–326] и 1853 г. [28, с. 303–308] описаны библиотеки Главного штаба, штаба Отдельного Гвардейского корпуса, императорской Военной академии, Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, полковые библиотеки в гвардии и в артиллерийских бригадах. «Энциклопедия военных и морских наук» 1883 г. [90, с. 424–425] содержала сведения о библиотеках военных академий, Корпуса военных инженеров, отдельных частей войск, ротных библиотеках.

В «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина имелся ряд небольших статей, посвященных истории военных библиотек и книжным собраниям военно-учебных заведений. В них даны краткие, но очень информативные статьи об истории развития различных типов библиотек: военно-научных [8, с. 539; 9, с. 537–539; 10, с. 539–540; 13, с. 539; 14, с. 539; 15, с. 540], военно-учебных заведений [18, с. 540], полковых офицерских [17, с. 536; 19, с. 536–537], солдатских [20, с. 537]. Сведения о военных библиотеках содержались в указателях Г. Н. Геннади [23], Е. И. Аркадьева [5], М. Гольмдорфа [112], К. Патина [99] и др. Информация о типах военных библиотек имелась в многотомном издании «Столетие Военного министерства. 1802–1902» (СПб., Т. 1–13) и др.

Важное значение для классификации военных библиотек имел Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу в Петербурге (1911 г.). На нем библиотечный императорской Военно-медицинской академии А. Р. Войнич-Сяноженцкий отмечал:

«... я лично исповедую крайнюю индивидуальность библиотек. Даже в пределах одного и того же типа, условия, в которых приходится работать той или иной библиотеке, настолько различны, что у каждой из них видится свое “особливое лицо”, а следственно и свой – особливый для каждой из них – уклад. И чем выше “тип”, тем “особливее” каждая отдельная библиотека в пределах этого типа» [2, с. 4].

На съезде было предложено общими усилиями представителей академических библиотек составить сводный каталог русских библиографических указателей. Библиотекарь императорской Николаевской военной академии С. Д. Масловский указывал, что «существенным пособием представилось бы такое издание, в частности, для военных библиотек, особенно среднего – полкового типа» [2, с. 16]. Исполнение обязанностей секретаря академической секции, требовавшее постоянного присутствия С. Д. Масловского, лишило его возможности следить за ходом занятий 2-й секции – «Общественных и народных библиотек» – «в той части их, которая могла дать материал по вопросу правильной постановки подходящих под данный тип военных библиотек: полковых и, в особенности, библиотек солдатских» [2, с. 30].

В отчете С. Д. Масловского о работе съезда военные библиотеки подразделялись на следующие типы: книгохранилища «академического типа» (военных академий); библиотеки среднего полкового типа (офицерские общеобразовательные); солдатские (низшего типа) – наиболее упрощенный тип народных библиотек. Таким образом, мы видим достаточное количество дореволюционной литературы, где отражена типология военных библиотек, которые проигнорировала комиссия «Общества библиотковедения» при составлении классов библиотек.

То, что классификация и типология библиотек – актуальные и нерешенные проблемы, отмечает М. И. Акилина. Она пишет: «Единую типологическую схему вообще создать невозможно. Удобнее, практичнее и правильнее для каждого случая разрабатывать свою классификацию или типологию, используя общие методологические принципы» [4, с. 54].

Согласен с М. И. Акилиной и Н. С. Карташов: «Поскольку типология предполагает абстрагированное объединение в систему, она обеспечивает исследователю определенную свободу субъективных построений. Несомненно, в этом одна из причин весьма впечатляющего числа типологий библиотек и того очевидного факта, что эти типологии (и классификации) не обязательно согласуются между собой. Типология библиотек строится в соответствии с направлением интересов исследователя. Она создается на пересечении научного потенциала

и творческого воображения библиотековеда и фактических данных. Отсюда лучшие, научно обоснованные типологии библиотек способствуют научному взаимодействию и обмену, становятся носителями коллективной памяти. Они помогают аккумулировать знания о библиотеках, становятся своеобразными, периодически пересматриваемыми каталогами знания. Типология библиотек способствует умножению знаний...» [42, с. 45].

В нашем случае предложенная автором статьи классификация библиотек военного ведомства основана на многолетнем опыте изучения истории военно-библиотечного дела (Приложение). Собрано и проанализировано около 300 систематических (в основном) и алфавитных каталогов книг и дополнений к ним военных библиотек, изданных в 1862–1916 гг. [111], а также более 70 каталогов книг библиотек военно-учебных заведений (1830–1916 гг.) [82, с. 227–332]. В общее количество каталогов книг военных библиотек включены каталоги, обнаруженные уже после выхода в свет указателя и монографии.

Наиболее целесообразной классификацией военных библиотек, по нашему мнению, является разделение их на следующие группы:

1. Военно-научные библиотеки:
 - универсальные,
 - отраслевые (военных академий, офицерских школ),
 - военно-научных обществ.
2. Библиотеки военно-учебных заведений.
3. Войсковые офицерские библиотеки.
4. Специальные библиотеки.
5. Солдатские библиотеки.
6. Книжные собрания известных военных деятелей.

Универсальные библиотеки Генерального и Главного штаба (1811 г.), штаба Отдельного Гвардейского корпуса (1816 г.) с «Обществом военных людей» и типографией, Николаевской академии Генерального штаба (с 1909 г. – императорской Николаевской военной академии).

До 1874 г. библиотека Главного штаба была закрытым учреждением, доступным только для ограниченного числа офицеров Генерального штаба (живущих в Петербурге), профессорско-преподавательского состава, слушателей военных академий, членов Военно-Ученого комитета и военно-исторических комиссий, составителей историй полков и военно-учебных заведений и др. С 1 января 1875 г. доступ в библиотеку «по особым правилам» был открыт военнослужащим «всех родов оружия» и всем другим лицам, желающим в ней работать. Благодаря разнообразию библиотечных фондов услугами библиотеки Главного штаба могли пользоваться юнкера и вольноопределяющиеся, но «с разрешения начальства Главного штаба».

Сохранившиеся в библиотеке записи в журналах посетителей свидетельствуют о том, что в них нет ни одного офицера или генерала Генерального штаба, написавшего крупную военно-научную работу, чье имя не значилось бы в этих журналах: П. О. Бобровский, М. И. Богданович, К. М. Войде, князь Н. С. Голицын, М. И. Драгомиров, Г. А. Лерер, П. Л. Лобко, А. И. Макшеев, Д. Ф. Масловский, Н. Н. Обручев, Н. М. Пржевальский, А. К. Пузыревский, А. Ф. Риттих, И. А. Стрельбицкий, Н. К. Шильдер и др. Таким образом, по составу библиотечных фондов, доступности библиотека Главного штаба приобрела «характер, сходный с императорской Публичной библиотекой» [66, с. 94].

В 1816 г. при штабе Отдельного Гвардейского корпуса по инициативе генерал-адъютанта Н. М. Сипягина была образована библиотека. Ему же принадлежала инициатива создания при библиотеке «Общества военных людей» и издания «Военного журнала». Объясняя необходимость этих просветительных мероприятий, он отмечал: «Офицеры гвардейских войск, расположенных в столице, получившие уже познания многих наук, желали бы усовершенствовать способности... К сему нет еще легкого и надежного средства. Нет еще общего военного книгохранилища, где бы офицеры разных полков могли бы собираться вместе, и не только иметь полную свободу заниматься чтением, но и все средства упражняться в разных частях военной науки. На сей-то конец я предпринял составить при оном открытую военную библиотеку» [63, с. 1–2].

Кроме издания журнала и обсуждения статей члены «Общества...» переводили иностранные военные сочинения, устраивали по ним чтения и дискуссии. В 1834 г. книгохранилище передали в библиотеку Генерального и Главного штаба. В императорской Николаевской военной академии готовились офицеры для службы в Генеральном штабе, а также для всех родов войск, поэтому состав библиотечного фонда книгохранилища представлен большинством отраслей военного дела.

Книжное собрание академии было доступно для всех офицеров, служивших в гвардии, артиллерии, в Корпусе военных инженеров и в ведомстве военно-учебных заведений. Известный специалист в области библиотечного дела З. В. Левашева, составляя библиографический указатель, также отнесла эти книгохранилища к универсальным военным библиотекам [66, с. 7].

Библиотеки военных академий: Михайловской артиллерийской, которая была «первою по богатству сочинений по артиллерии и связанных с нею науками» [13, с. 539], Николаевской инженерной, содержавшей «богатейшее собрание специальных книг по военно-инженерному искусству» [14, с. 539], Военно-медицинской, «в ряду европейских медицинских библиотек занимает видное

место, а в России считается первой» [10, с. 540], Военно-юридической, в библиотеке которой «3/5 были книги специального и военно-юридического отдела» [8, с. 539], Интендантской. Учебные заведения имели целью «дать офицерам высшее образование по специальным частям, для коих эти академии учреждены» [94, с. 1]. Слушатели военных академий готовились не только для прохождения службы в войсках или в корпусе офицеров Генерального штаба, но и для военно-научной работы.

Библиотеки офицерских школ: Стрелковой [49], Кавалерийской [1, 115], Артиллерийской [39] и др. Школы помимо учебной работы (повышения квалификации офицерского состава) занимались еще и научно-исследовательской и испытательной деятельностью. Выпускникам военных академий и училищ ежегодно демонстрировались новые образцы вооружения и новинки в методах одиночного обучения и подготовке подразделений. В школах работали выдающиеся теоретики и практики военного дела: Н. М. Филатов, М. А. Бонч-Бруевич, А. А. Брусилов, Л. Н. Гобято и др. Библиотеки школ обладали хорошо подобранными книжными собраниями в зависимости от служебного предназначения их выпускников. Издавались периодические журналы.

Библиотеки военно-научных обществ: «Общества ревнителей военных знаний» при военном собрании Армии и Флота (1898 г.), «Императорского Русского военно-исторического общества» (1907 г.) и др.

О важности создания военно-ученых обществ и научной подготовки офицеров Н. П. Глиноецкий еще в 1869 г. писал: «от офицеров настоящего времени требуется значительно большая против прежнего степень развития, требуется, чтобы не только на службу они поступали с большею степенью научной подготовки, но особенно и во время службы сохраняли бы преданность своему делу и употребляли все старание к возможно лучшему ознакомлению с ним. Литература в этом отношении, конечно, немало помогает военному обществу, и повсеместно правительства, в более или менее значительной степени, поощряют таковую деятельность литературы, назначая премии за лучшие военные сочинения, объявляя конкурсы на военно-учебные руководства, выдавая пособия и субсидии военно-периодическим изданиям. Кроме того, принимаются меры для учреждения и поддержания разного рода военных и войсковых библиотек...» [26, с. 91].

Согласно уставу «Общества ревнителей военных знаний», оно имело целью: «1) взаимное содействие членов к увеличению их военных и общих знаний и 2) разработку военной науки» [113, с. 36]. Библиотека этого общества насчитывала около 10 тыс. томов книг [79, с. 88]. Имелась отдельная

библиотека сочинений по франко-германской войне, пожертвованная семьей генерала К. М. Войде. При «Обществе ревнителей...» работал «Отдел по сбору материалов по Русско-Японской войне» с библиотекой о ней (около 500 т.).

За 15 лет (1899–1913 гг.) в «Обществе ревнителей...» состояло около 40 тыс. человек, было организовано 330 военно-научных собраний членов, которые посетили около 70 тыс. человек. Издавались военно-научные труды, «Вестник Общества ревнителей военных знаний» (1906–1913 гг.), устраивались военно-научные поездки. Отделения «Общества ревнителей...» были открыты в 11 городах.

«Императорское Русское военно-историческое общество» (имело 2500 членов в 1911 г.) в своей деятельности преследовало следующие цели: объединение лиц, непосредственно работающих в области русской военной истории или способствующих расширению военно-исторических знаний; содействие упорядочению архивного дела; устройство справочных бюро, музеев военной старины, библиотек; издание военно-исторических трудов. Печатный орган организации – ежемесячный «Журнал императорского Русского военно-исторического общества» выходил в свет в 1910–1914 гг. Общество также выпускало: «Труды императорского Русского военно-исторического общества» (1909–1912 гг.), «Записки разряда военной археологии и археографии императорского Русского военно-исторического общества» (1911–1914 гг.). Местные отделения императорского Русского военно-исторического общества работали в 13 городах. Некоторые из них также издавали свои военно-исторические труды и периодические издания.

Библиотеки военно-учебных заведений: военных и юнкерских училищ, кадетских корпусов, военных гимназий и прогимназий, школ. К военным библиотекам они относились с определенной долей условности, в основном по их ведомственной принадлежности [18, с. 540]. Они имели общеобразовательную и учебную направленность, так как состав общеобразовательной и военной литературы определялся соотношением изучавшихся учебных дисциплин. Программы обучения в этих учебных заведениях в большинстве свидетельствуют о приоритете (по количеству и объему учебного времени) дисциплин общеобразовательного цикла. Анализ каталогов книг библиотек юнкерских училищ, военных гимназий и прогимназий, школ позволяет характеризовать их библиотеки как народные, общеобразовательные. В военно-учебных заведениях имелись: фундаментальные библиотеки; возрастные (в 1882 г. возрасты переименованы в роты), ротные, сотенные, эскадронные, юнкерские, кадетские; лазаретные собрания книг, а также склады и библиотеки учебных пособий. Некоторые из них имели библиотеки при церквях и для нижних

чинов. К библиотекам военно-учебного ведомства относились Педагогическая библиотека и музей. Они выполняли просветительские функции и играли роль методического центра Главного управления военно-учебных заведений.

Войсковые офицерские библиотеки в гвардии, армейских частях, армейской артиллерии, инженерных частях, штабах и управлениях военных округов, гарнизонных военных собраниях, казачьих войсках. Офицерские библиотеки появились в лейб-гвардии Семеновском (1810 г.), Преображенском (1811 г.), а затем и в других полках гвардии по «частному почину» и на личные средства офицеров. Учредителем библиотек в армии стал А. А. Аракчеев, который начал организовывать их в 1817 г. в поселенных полках 1-й гренадерской дивизии.

Благодаря активной позиции генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича единые правила устройства офицерских библиотек ввели сначала для 1-й Армии артиллерии, а затем и во всей артиллерии. Бригадные офицерские библиотеки создавались в артиллерийских полках и бригадах 1-й Армии по приказу генерал-лейтенанта Х. Х. Ховена, исполнявшего должность начальника артиллерии 1-й Армии (№ 237 от 16 декабря 1833 г.). На следующий год Великий князь Михаил Павлович установил единые правила для составления офицерских библиотек уже во всей артиллерии. Положением о бригадных библиотеках, введенным в действие в 1834 г., командиры и начальники артиллерийских частей руководствовались 18 лет, вплоть до приказа по артиллерии № 67 от 1852 г. «О бригадных библиотеках».

При генерал-инспекторе по инженерной части великом князе Михаиле Павловиче с 1838 г. стали централизованно устраиваться офицерские библиотеки и в Корпусе военных инженеров. «Положение о заведении офицерских библиотек в Инженерном корпусе» [86] классифицировало их как библиотеки инженерных команд и саперные библиотеки в саперных батальонах и бригадах.

С 1865 г. стали организовываться офицерские библиотеки во всех отдельных частях войск. Во второй половине XIX в. во время проведения военной реформы была создана военно-окружная система управления. При штабах военных округов, их управлений и отделов появились книжные собрания. Принципиальное значение для библиотек в составе офицерских собраний имели указы по военному ведомству (1874 и 1884 г.) [114, с. 3–20; 89, с. 3–21]. Первый приказ № 289 от 4 ноября 1874 г. вводил в действие «Устав военных собраний» для всех воинских частей и учреждений (уже существующих и вновь создаваемых). Военные собрания с библиотеками при них учреждались как для одной воинской части, так и для нескольких совместно расположенных. Итогом работы комиссии при во-

енном ведомстве, обобщившей правила различных военных собраний с библиотеками при них, стало «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск» (Приказ № 279 от 15 сентября 1884 г.). «Положения» 1863 и 1889 г. [87, с. ХСII–CVI; 88, с. 175–194] о создании в Корпусе военных инженеров библиотек классифицировали их как офицерские инженерные и саперные библиотеки при Главном Инженерном управлении, инженерных управлениях военных округов, инженерных командах и дистанциях, саперных батальонах и бригадах. Кроме офицерских библиотек, в «Положениях» указывались конкретные места, где разрешалось иметь только одни настольные книги.

В 1889 г. офицерские библиотеки были образованы еще в железнодорожных батальонах, бригадах, саперных ротах и полубатальонах, понтонных батальонах, военно-телеграфных парках и минных ротах. Начиная с 1838 г. Инженерное отделение Военно-Ученого комитета, Главное инженерное управление обращали серьезное внимание на комплектование их книгами, в первую очередь относящихся «к разным частям инженерных наук» и «преимущественно из книг специальных». Приведенные в «Положениях» 1838, 1863 и 1889 г. отделы, по которым должны были комплектоваться эти библиотеки, имели в основном техническую направленность. Просмотренные *de visu* каталоги книг библиотек Инженерного комитета Главного инженерного управления [46], военно-окружных инженерных управлений [11, 12, 52, 54, 57, 58] дают основание классифицировать их как научно-технические библиотеки.

Понятие «публичные библиотеки» к войсковым офицерским библиотекам применить нельзя, поскольку они обслуживали обособленный круг читателей, а широкой публике были недоступны. «Существуют еще библиотеки при полках, при правительственных учреждениях, но ведь такими библиотеками пользуются только военные, чиновники. Некоторые полковые библиотеки могут быть даже названы богатыми, как библиотека лейб-гвардии Волынского полка; но, доступ в эти библиотеки слишком ограничен» [6].

Специальные библиотеки: Азиатского отдела Главного штаба, Офицерского курса восточных языков (при Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента МИД) (Санкт-Петербург), Офицерского отделения Восточного института (Владивосток), окружных подготовительных школ при штабах Кавказского (Тифлисская офицерская школа восточных языков), Туркестанского (Ташкентская офицерская школа восточных языков), военно-окружных судов, военно-исправительных учреждений, военно-медицинские, технические библиотеки пороховых заводов, церковные, подчинявшиеся протопресвитеру армии и флота и др. [50, 59, 84].

Библиотека Азиатского отдела Главного штаба в 1904 г. насчитывала 362 наименования в основном специальных книг [44]. Учебное отделение Восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел обладало хорошо подобранной библиотекой с богатой коллекцией восточных рукописей [94, с. 337–340].

Особенностью подготовки офицеров в Восточном институте было то, что они получали специальное образование совместно со студентами. Обучаясь на офицерском отделении, они вместе с ними пользовались услугами институтской научной библиотеки, созданной в 1899 г. Ко времени своего открытия она насчитывала 2894 наименования книг в 16 027 экземпляров. В основном это были издания научного характера. В отчете правления Восточного института за 1904 г. отмечалось, что по богатству имевшейся в ней новейшей литературы по Востоку и сочинений по восточным языкам она по праву может считаться одной из первых среди однородных книгохранилищ в России [37, с. 117].

В библиотеке Канцелярии военного прокурора Казанского военно-окружного суда насчитывалось 227 названий книг и периодических изданий [47]. В составе военного ведомства находился Главный военно-тюремный комитет, заведовавший военными тюрьмами, военно-исправительными ротами, дисциплинарными батальонами и ротами, в которых осужденные офицеры и нижние чины отбывали наказание. Для них создавались тюремные библиотеки, библиотеки военно-арестантских рот, дисциплинарных батальонов и рот, а также библиотеки крепостных военно-арестантских отделений.

В военных тюрьмах допускалось чтение разрешенных законом книг. Так, библиотека Московской тюрьмы состояла: из книг военного содержания – 151 наименование; научных (популярных изданий) – 76, беллетристики – 181, периодических изданий – 591 [64, с. 288]. О существовании библиотеки в Киевской военной тюрьме говорит тот факт, что согласно решению общего собрания читателей библиотеки Инженерного управления Киевского военного округа для нее было передано 195 разрозненных номеров журналов литературного содержания, которые для них не представляли никакой ценности [38, с. 12].

Грамотным заключенным военных тюрем в свободное от работ время, в воскресные и праздничные дни выдавались для чтения книги, а неграмотных тюремные унтер-офицеры обучали чтению. С разрешения коменданта заключенным позволялось читать собственные книги и журналы. В военно-исправительных ротах арестанты в свободные и выходные дни «обучались грамоте и слушали чтение избранных ротным комитетом книг» [100, с. 474]. Обучали арестантов унтер-офицеры

под руководством и в присутствии священника или помощника командира роты. В помощь им назначались отличнейшие по поведению грамотные арестанты.

Согласно «Положению о крепостном военно-арестантском отделении», утвержденному 16 мая 1876 г., «все без исключения арестанты в праздничные дни и прочее свободное от работ время обучались грамоте и слушали чтение книг отделенной библиотеки» [100, с. 504]. О наличии библиотек в дисциплинарных ротах говорят слова из приказа начальника Омской дисциплинарной роты капитана Когана, который в 1905 г. отмечал: «Грустно, что в пользовании книгами проглядывается небрежность. Книги как сокровища надо накапливать» [24, с. 104].

К числу специальных библиотек относились собрания книг при Военно-медицинском ученом комитете, «Общества ревнителей военно-санитарных знаний» (1912 г.), в госпиталях и местных лазаретах. Библиотеки при штабах и медицинских учреждениях предназначались как специально для военно-врачебного персонала, так и для лиц, находившихся в них на излечении. В 1847 г. последовало утверждение «Положения о библиотеках» и было учреждено «до 130 библиотек, в которых число томов простиралось до 2000» [35]. Библиотеки были созданы при военных госпиталях 1–6 классов, штабах корпусов и войск, расположенных в Финляндии, резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса и округов пахотных земель [102, с. 107].

Положением Военного Совета от 18 мая 1887 г. (введено в действие приказом по военному ведомству № 293 от 31 декабря 1888 г.) учреждались при госпиталях и местных лазаретах библиотеки [101, с. 125]. В приказе оговаривалось, что положение Военного Совета не распространялось на местные лазареты, имеющие менее 50 мест каждый.

Для библиотек при военных госпиталях издавались каталоги книг [85]. Библиотека при Военно-медицинском ученом комитете насчитывала свыше 700 наименований медицинских книг [45]. «Общество ревнителей военно-санитарных знаний» имело целью «содействовать развитию и преуспеванию военно-санитарного дела и распространению сведений по военно-санитарным вопросам среди врачей и военных чиновников» [78, с. 88]. У общества были свои отделы и отделения в военных округах, оно выпускало периодические издания. Для его библиотек печатались каталоги книг [48].

Заботясь о религиозно-нравственном просвещении нижних чинов, протопресвитер В. Б. Бажанов (1849–1883 гг.) положил начало основанию церковных библиотек. В декабре 1858 г. он издал циркулярное предписание, в котором, выражая желание доставить грамотным нижним чинам полезное

чтение, просил своих подчиненных священников принять в этом деле активное участие. Каждую церковь он бесплатно снабдил книжками и брошюрами, преимущественно собственного сочинения, каталогами дешевых книг, рекомендуемых к приобретению на церковные суммы, и книгами для записи выдачи книг.

В дальнейшем, считая указанную меру весьма важным средством для правильного развития религиозной деятельности военного духовенства, протопресвитер А. А. Желобовский (1888–1910 гг.) поощрял подчиненных священников открывать церковные библиотеки, на церковные суммы с книгами военно-патриотического и религиозно-нравственного содержания [16, 77, 97, 109, 110, 116, 119, 121]. По распоряжению последнего протопресвитера Г. И. Шавельского (1911–1918 гг.) была учреждена специальная комиссия, которая составила и издала каталоги книг и брошюр, рекомендованные для чтения офицерам, нижним чинам и для составления пастырских библиотек [81].

В некоторых воинских частях создавались караульные библиотеки для офицеров. Так, в 1885 г. в лейб-гвардии Финляндском полку учреждена довольно значительная библиотека для офицеров при карауле Государственного банка [29, с. 245].

Солдатские библиотеки появились с 1859 г. для доставления нижним чинам чтения в свободное от службы время. Библиотеки разрешалось устраивать во всех батальонах, полках и бригадах. Кроме того, Устав Внутренней службы (1910 г.) рекомендовал командирам воинских частей устраивать одну общую для всей части солдатскую библиотеку, преимущественно для унтер-офицеров. Подчеркивалось, что библиотеки учреждались не для показа начальству, а для использования их нижними чинами по назначению.

Полковой библиотекой заведовал офицер, в помощь ему назначался библиотекарь – из нижних чинов. Руководство ротной библиотекой поручалось нижнему чину по возможности из числа желающих. Отвечал за нее командир подразделения. Для нескольких воинских частей, дислоцированных в одном гарнизоне, создавались гарнизонные библиотеки для солдат и унтер-офицеров [83, с. 87–94].

Книжные собрания известных военных деятелей: А. А. Аракчеева [56], И. А. Вельяминова, великого князя Михаила Павловича, К. М. Войде, А. В. Гадолина, А. И. Геккеля, Г. Г. Даниловича, М. А. Домонтовича, А. А. Жомини, А. И. Квиста, К. Л. Кирпичева, И. П. Липранди, Н. В. Маиевского, П. К. Менькова, А. С. Меньшикова, Д. А. Милютин, Н. Е. Нидермиллера, Г. Е. Паукера, А. С. Платова, А. К. Пузыревского, В. С. Себеки, П. К. Сухтелена, Н. К. Шильдера, Г. И. Черткова и др. Многие книжные собрания после смерти их владельцев были переданы наследниками или приобретены

русскими царями и Военным министерством для различных типов военных библиотек. Для книжных собраний А. И. Квиста [95, с. 360–398], Г. Е. Паукера [55] и Д. К. Чернова [53], Н. Е. Нидермиллера [61] в военных академиях были изданы каталоги книг. В некоторых военных библиотеках книги, завещанные или принесенные в дар, также включались в каталоги. Например, в Офицерской Стрелковой школе – книжное собрание начальника школы генерал-майора В. А. Вилламова (1882–1889 гг.) отдел VIII [60, с. 94–111], Пиротехнической артиллерийской школе (библиотека бывшего преподавателя генерал-майора Богданова) [62, с. 240–271], 4-м лейб-гвардии Саперном батальоне (книги генерала Н. Е. Нидермиллера и полковника В. А. Бартоломея) [96].

Кроме того, книги приносились в дар библиотекам гражданских учебных заведений. Так, ординарный профессор Военно-медицинской академии В. А. Манассеин в 1889 г. подарил библиотеке императорского Томского университета книги. Согласно письмам Манассеина на имя Ученого совета учебного заведения, подаренные книги должны были быть внесены в алфавитный каталог не позднее шести месяцев после их получения; переплетены; храниться в отдельных от других книг шкафах; выдаваться для чтения только в помещении библиотеки. Условия В. А. Манассеина были приняты. В 1890 г. по решению Ученого совета университета издан печатный каталог подаренной библиотеки [51].

Императрица Мария Александровна начиная с марта 1865 г. регулярно присылала в лейб-гвардии Кирасирский ее величества полк книги. К декабрю 1880 г. их число достигло 189 сочинений и журналов в 423 томах. Пожертвованные ею издания были сведены в «Каталог книг и сочинениям из библиотеки в бозе почившей государыни императрицы Марии Александровны переданным лейб-гвардии в Кирасирский ее величества полк» и в качестве приложения № 8 помещены в полковой истории [40].

Обстановка на фронтах русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1917 гг.) войн выдвинула новые формы существования библиотек в условиях ведения боевых действий. Широкое распространение получили походные, дорожные, эшелонные, вагонные, госпитальные (лазаретные) библиотеки, библиотеки для военнопленных и на автомобилях. Комплектовались они как для офицеров, так и для нижних чинов.

Таким образом, комбинированный подход в использовании терминологии, классификации и типологии различных типов и видов военных библиотек, принятых в отечественном библиотековедении в дореволюционный период, а также действующих в настоящее время, позволили выделить

шесть основных групп библиотек: 1) военно-научные; 2) военно-учебных заведений; 3) войсковые офицерские; 4) специальные; 5) солдатские и 6) книжные собрания известных военных деятелей. Каждой из указанных групп присущи свои характерные черты и особенности, основная из которых – принадлежность к Военному министерству, а также непосредственные условия, в которых они существовали.

Литература

- 1-е дополнение к Каталогу библиотеки Офицерской Кавалерийской школы. Книги и журналы на русском и иностранных языках : с 1-го янв. 1899 г. по 1-е янв. 1902 г. / сост. полковник Л. В. Де-Витт. – СПб. : Воен. тип., 1902. – X, 49 с.
- 1-й Всероссийский съезд по библиотечному делу. Отчет командированного на съезд Императорской Николаевской военной академии библиотекаря академии С. Д. Масловского // Известия Императорской Николаевской военной академии. Отд. 3. Военно-библиотечное дело. – 1911. – № 19. – С. 1–35.
- Акилина М. И. К вопросу о классификации библиотек // Научные и технические библиотеки СССР. – 1989. – № 12. – С. 3–9.
- Акилина М. И. Классификация и типология библиотек. Вопросы методологии // Советское библиотечное дело. – 1996. – № 3. – С. 40–54.
- Аркадьев Е. И. Материалы к указателю литературы военной библиографии и библиотечного дела. – М. : Товарищество А. А. Левинсон, 1891. – 39 с.
- Б. Е. Русские библиотеки в Варшаве // Неделя. – 1885. – № 46.
- Белобратова Т. А. Проблемы типологии библиотек : дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 1993. – 170 с.
- Библиотека Александровской Военно-юридической академии // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 4. – С. 539.
- Библиотека Генерального и Главного штаба // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 4. – С. 537–539.
- Библиотека императорской Военно-медицинской академии // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 4. – С. 539–540.
- Библиотека инженеров Киевского военного округа. Дополнительный каталог, книги, поступившие в библиотеку в 1907 г. Книги и периодические издания на русском языке. – Киев : Тип. Окр. штаба, 1908. – 24 с.
- Библиотека инженеров Киевского военного округа. Дополнительный каталог. Книги, поступившие в библиотеку в 1908–1911 гг. – Киев : Тип. Окр. штаба, 1912. – 16 с.
- Библиотека Михайловской артиллерийской академии и училища // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 4. – С. 539.
- Библиотека Николаевской инженерной академии и училища // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 4. – С. 539.
- Библиотека штаба Гвардейского корпуса // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 4. – С. 540.
- Библиотека, каких дай Бог побольше. (О библиотеке для нижних чинов при полковом храме 71-го пех. Белевского полка) // Вестник военного духовенства. – 1899. – № 7. – С. 223.
- Библиотеки военные в России // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 4. – С. 536.
- Библиотеки нашего военно-учебного ведомства // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 4. – С. 540.
- Библиотеки полковые (войсковые) // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 4. – С. 536–537.
- Библиотеки солдатские // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 4. – С. 537.
- Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в России (XI – начало XX в.) – М. : Пашков Дом, 2003. – 304 с.
- Войнич-Сяноженцкий А. Р. Библиотечное дело, как особая самостоятельная специальность и библиотекари, как обособленная группа в ряду других специалистов // Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 1-го по 7-ое июня 1911 г. – СПб., 1912. – Ч. 2. – С. 15–24.
- Геннади Г. Н. Указатель библиотек в России. – СПб., 1864. – 36 с.
- Гефнер О. В. Военные библиотеки в культурной инфраструктуре Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Культурологические исследования Сибири. – 2003. – № 3. – С. 100–106.
- Глинка Ф. Н. Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг; также о пользе и настоящем положении учрежденного при Гвардейском штабе для военных читателей, книгохранилища. – СПб. : В тип. Гвардейского штаба, 1818. – 75 с.
- Глиноецкий Н. П. Военно-ученые общества и их значение // Военный сборник. – 1869. – № 3. – С. 87–113.
- Горемыкин Ф. И. Библиотеки военные // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов... – СПб., 1838. – Ч. 2. – С. 320–326.
- Горемыкин Ф. И., Богданович М. И. Библиотеки военные // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов... – Изд. 2-е. – СПб., 1853. – Т. 2. – С. 303–308.
- Гулевич С. История лейб-гвардии Финляндского полка. 1881–1906 гг. – СПб., 1907. – Ч. 4. – 425 с.
- Гусева Е. Н. К развитию типов современных библиотек // Библиотека в контексте истории : материалы 5-й Междунар. науч. конф. (Москва, 21–23 окт. 2003 г.). – М., 2003. – С. 102–104.
- Гусева Е. Н. Проблема типологии библиотек: основные тенденции // Библиосфера. – 2008. – № 2. – С. 27–31.
- Гусева Е. Н. Проблемы типологии библиотек в современном отечественном библиотечном деле // Библиотечное дело – XXI век. – М., 2007. – № 2. – С. 6–19.
- Гусева Е. Н. Типология – классификация: сходство и различия // Библиография. – 2008. – № 1. – С. 3–10.
- Гусева Е. Н. Формирование типологии библиотек в отечественном и зарубежном библиотечном деле (XX – начало XXI в.) : дис. ... канд. пед. наук. – М., 2006. – 213 с.
- Дело. – 1847. – № 269.

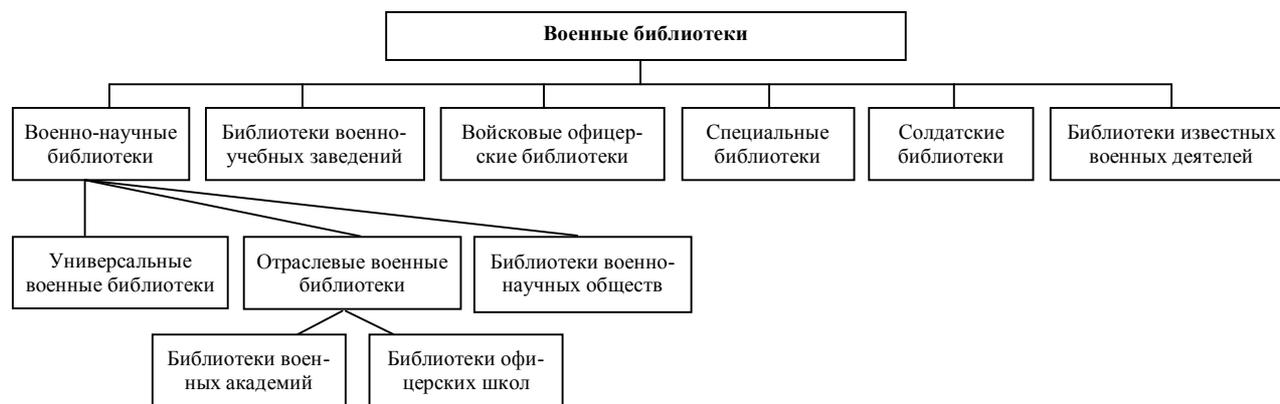
36. Дерунов К. Н. Типичные черты в эволюции русских центральных государственных книгохранилищ // Библиографические известия. – 1925. – № 1/4. – С. 1–32.
37. Дружинина И. А., Кудинова Н. И. Первая вузовская библиотека Дальнего Востока // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. – 1999. – № 5. – С. 117–124.
38. Записка о состоянии библиотеки инженеров Киевского военного округа, оказавшемся при приеме ее вновь избранным библиотекарем в 1906–1907 гг. – Киев. : Тип. С. В. Кульженко, 1907. – 41 с.
39. Инструкция для офицеров переменного состава Офицерской Артиллерийской школы. Устав и частные правила офицерского собрания школы. – Царское Село : Царскоесельская Центр. тип. С. М. Борова, 1912. – 74 с.
40. История лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полка : ист. очерк / сост. полковник Марков. – СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1884. – Т. 1. – С. 18–25.
41. Карташов Н. С. Методы классификации библиотек: дихотомия и типология // Библиография. – 2000. – № 1. – С. 62–71.
42. Карташов Н. С. Сущность и критерии типологии библиотек // Научные и технические библиотеки СССР. – 1996. – № 3. – С. 35–46.
43. Карташов Н. С. Типология библиотек (постановка проблемы и подход к ее решению) // Советское библиотековедение. – 1985. – № 4. – С. 17–31.
44. Каталог библиотеки Азиатского отдела Главного штаба : к 1-му марта 1904 г. / сост. капитан Карликов. – СПб. : Воен. тип. (в здании Гл. штаба), 1904. – 61 с.
45. Каталог библиотеки Военно-медицинского ученого комитета. – СПб. : Типо-литограф. А. Е. Ландау, 1878. – 26 с.
46. Каталог библиотеки Инженерного комитета Главного инженерного управления. – СПб. : Типо-литограф. Р. Голике, 1891. – 75 с.
47. Каталог библиотеки Канцелярии военного прокурора Казанского военно-окружного суда 1901 г. / сост. Г. В. Григорьев. – Казань : Лито-тип. И. Н. Харитонов, 1901. – 21 с.
48. Каталог библиотеки Общества ревнителей военно-санитарных знаний в г. Варшаве. Изд. 1-е. – Варшава : Тип. Окр. штаба, 1914. – 99 с.
49. Каталог библиотеки Офицерской Стрелковой школы. – СПб. : Типо-литограф. С. Н. Цепова, 1901. – 112 с.
50. Каталог библиотеки служащих в департаменте военной и морской отчетности 1903–1907 гг. / Ком. б-ки. – СПб. : С.-Петербург. губерн. тип., 1908. – 81 с.
51. Каталог библиотеки, пожертвованной ординарным профессором Военно-Медицинской академии Вячеславом Авксентьевичем Манассеиным. – Томск : Типо-литограф. В. В. Михайлова и П. И. Макушина, 1890. – 180 с.
52. Каталог библиотеки, состоящей при Окружном инженерном управлении Московского военного округа. – М. : Товарищество типо-литограф. И. М. Машистова, 1904. – 58 с.
53. Каталог книг заслуженного профессора и почетного члена Михайловской артиллерийской академии действительного статского советника Д. К. Чернова, принесенных им в дар библиотеке Михайловской артиллерийской академии. – СПб. : Литограф. Михайловского артиллер. училища, 1908. – 101 с.
54. Каталог книг инженерной библиотеки Киевского военного округа. Дополнительная часть каталога с 1892 по 1901 г. – Киев : Тип. Н. А. Гирич, 1901. – [2], 8 с.
55. Каталог книгам библиотеки военного инженер-генерал-лейтенанта Германа Егоровича Паукера, бывшего заслуженного профессора Николаевской инженерной академии и министра путей сообщения. Принесена в дар Николаевской инженерной академии и училищу его наследниками в 1889 г. – СПб. : В тип. Императ. акад. наук, 1897. – 309 с.
56. Каталог книгам Грузинской библиотеки Графа Алексея Андреевича Аракчеева / сост. флигель-адъютантом Его Императ. Величества подпоручиком Шумским. – СПб., 1824. – 342 с.
57. Каталог офицерской библиотеки при Окружном инженерном управлении Санкт-Петербургского военного округа. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1891. – 142 с.
58. Каталог технической библиотеки инженеров Киевского военного округа. – Киев : Тип. Окр. штаба, 1907. – VIII, 238 с.
59. Каталог технической библиотеки при химической лаборатории Охтенских пороховых заводов, составленный по 31 декабря 1894 г. : (ст. 1–7 инвентаря б-ки). – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1895. – 60 с.
60. Книги, завещанные Офицерской Стрелковой школе, бывшим ее начальником свиты Его Величества генерал-майора Вилламова в 1889 году // Каталог библиотеки Офицерской Стрелковой школы / составлен по поручению начальника Офицер. Стрелковой шк. генерал-майора Гапонова, правителем дел по учеб. части шк. капитаном Юнаковым. – СПб. : Типо-литограф. С. Н. Цепова, 1901. – 112 с.
61. Книги, принесенные в дар генералом от инфантерии Н. Е. Нилермиллером // Каталог библиотеки Николаевской инженерной академии и училища. 3-е дополнение к каталогу : по 1-е мая 1911-го г. – СПб. : Типо-литограф. А. Ф. Макарова, 1911. – С. 1–34.
62. Книги, принесенные в дар Пиротехнической артиллерийской школе бывшим ее преподавателем генерал-майором Богдановым // Систематический каталог библиотеки Пиротехнической артиллерийской школы. – Пб. : Литограф. Михайловского артиллер. училища. 1908. – 6, 271 с.
63. Краткое начертание Военного журнала, изданное действительным членом Общества, учрежденного при Главном Гвардейском штабе Ф. Н. Глинкою. – СПб. : В тип. Греча, 1817. – 59 с.
64. Курочкин И. Одинокое заключение в военной тюрьме // Военный сборник. – 1897. – № 8 – С. 271–289.
65. Лацинский А. С. К предстоящему 100-летию Библиотеки Генерального и Главного штаба. Краткий очерк возникновения библиотеки, развития и современного состояния. – СПб. : Тип. «Бережливость», 1906. – VIII, 134 с.
66. Левашева З. В. Библиография русской военной библиографии. Систематический перечень основных библиографических указателей с начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1950. – 60 с.

67. Леер Г. А. Значение классификации // Военный сборник. – 1897. – № 8. – С. 179–198.
68. Люттов С. Н. Военная книга в России (вторая половина XIX – начало XX века). – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2003. – С. 124–149.
69. Люттов С. Н., Панченко А. М. Военные библиотеки в России (XIX – XX века). – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2007. – С. 16–22.
70. Маслова А. Н. Типология академических библиотек // Научные и технические библиотеки СССР. – 1998. – № 12. – С. 10–19.
71. Масловский С. Д. Отчет командированного на съезд императорской Николаевской академией библиотекаря академии С. Д. Масловского // Известия Императорской Николаевской военной академии. Отд. 3. Военно-библиотечное дело. – 1911. – № 19. – С. 1–35.
72. Матвеев М. Ю. Вопросы типологии российских библиотек (вторая половина XIX – начало XX в.) // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований. – Краснодар, 2011. – Вып. 7. – С. 85–100.
73. Матвеев М. Ю. Типология народных библиотек в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века) // Библиотекосведение. – 2000. – № 6. – С. 101–108.
74. Матвеева И. Г. Типология и терминология российских библиотек // История библиотек дореволюционной России: становление и развитие: тез. сообщ. конф., Санкт-Петербург, 18–20 окт. 1994 г. – СПб., 1994. – С. 6–8.
75. Мотульский Р. С. Еще один подход к типологии библиотек // Научные и технические библиотеки СССР. – 1990. – № 10. – С. 8–15.
76. Мотульский Р. С. Классификация и типологизация библиотек // Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии. – 2006. – № 2. – С. 55–60.
77. Об открытии столовой-читальни в Очаковской крепостной артиллерии // Вестник военного духовенства. – 1906. – № 19. – С. 598–600.
78. Общество ревнителей военно-санитарных знаний // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 17. – С. 320 с.
79. Общество ревнителей военных знаний // Военная энциклопедия. – Пб., 1911. – Т. 17. – С. 88.
80. Огурцов А. П., Юдин Э. Г. Типология // Большая советская энциклопедия. – Изд. 3-е. – М., 1976. – Т. 25. – С. 563–565.
81. Опыт нормального каталога книг для военно-церковных библиотек. Ч. 1. Для чтения гг. офицеров / сост. Комиссиею, учрежденною по распоряжению о. Протопресвитера военного и морского духовенства. – СПб. : Тип. П. Ф. Воишинской, 1913. – Вып. 1. – 44 с.
82. Панченко А. М. Библиотеки военно-учебных заведений России (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. – 362 с.
83. Панченко А. М. Солдатские буфеты и чайные с библиотеками и читальнями при них как культурно-образовательные и информационные центры нижних чинов Русской армии // Румянцевские чтения–2014: Библиотека как феномен культуры в трансформирующемся обществе : материалы XIX междунар. науч. конф. (Москва, 15–16 апр. 2014 г.). – М. : Пашков Дом, 2014. – Ч. 2. – С. 87–94.
84. Первое дополнение к каталогу технической библиотеки при химической лаборатории Охтенского порохового завода. Книги и журналы, поступившие в 1895–1898 гг. : (ст. 8–34 инвентаря библиотеки). – СПб., 1900.
85. Перечень книг, находящихся в библиотеке лаборатории Виленского военного госпиталя. 1909. – Вильна : Тип. Окр. штаба, 1909. – 14 с.
86. Положение о заведении офицерских библиотек в Инженерном корпусе. – СПб., 1838. – 14 с.
87. Положение об офицерских библиотеках в Корпусе военных инженеров // Инженерный журнал. – 1863. – № 4. – С. ХСII–CVI.
88. Положение об офицерских библиотеках в Корпусе военных инженеров // Инженерный журнал. – 1889. – № 9. – С. 175–194.
89. Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск. Приказ по военному ведомству № 279 от 15 сентября 1884 г. // Руководство Распорядительному Комитету офицерских собраний в отдельных частях войск / сост. К. А. Сипович. – Керчь : Тип. Катковича и Вниковича, 1911. – С. 3–21.
90. Редигер А. Ф. Библиотеки военные и войсковые // Энциклопедия военных и морских наук. – СПб., 1883. – Т. 1. – С. 424–425.
91. Рубакин Н. А. Общий очерк теории библиотечного ядра // Избранное. – М. : Книга, 1975. – Т. 1. – С. 152–167.
92. Рубакин Н. А. Опыт программы для исследования литературы народа // Русское богатство. – 1889. – № 5/6. – С. 286–313.
93. Рубанова Т. Д. Библиотечная история прирастает Сибирью // Библиосфера. – 2011. – № 2. – С. 107–109.
94. Свод Военных постановлений 1869 г. Военные заведения. – Заведения военно-учебные. – Изд. 2-е (по 1 января 1896 г.). – СПб., 1896. – Кн. 15, ч. 4. – 428 с.
95. Систематический каталог библиотеки Николаевской академии Генерального штаба. (1866–1887 г.). – СПб., 1887. – Вып. 2. – 398 с.
96. Систематический каталог офицерской библиотеки лейб-гвардии Саперного батальона. – СПб. : Типолитогр. Н. Г. Уль, 1911. – 3, III, 194 с.
97. Соколов И. О библиотеках при полковых лазаретах // Вестник военного духовенства. – 1894. – № 3. – С. 92–95.
98. Сокольская Л. В. Типология библиотек: терминологический аспект // Библиотекосведение. – 2004. – № 3. – С. 30–35.
99. Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель всех действующих приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного штаба и проч. Главных управлений и приказов, приказаний и циркуляров по всем военным округам : за 45 лет, с 1859 по 1904 гг. Настольная книга для штабов, канцелярий, управлений, учреждений и заведений / сост. делопроизводитель упр. Тамбовского уезд. воин. начальника К. Патин. – Тамбов : Тип. губерн. земства, 1904. – Т. 1. – 803 с.
100. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения. – СПб. : Тип. поставщиков двора Его Императ. Величества Товарищества М. О. Вольф, 1911. – Т. 12, кн. 2, ч. 3. – 592 с.
101. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный военно-санитарный комитет. – СПб. : Тип.

- поставщиков двора Его Императ. Величества Товарищества М. О. Вольф, 1902. – Т. 3, отд. 2. – 275 с.
102. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития и деятельности Военно-медицинского ведомства в царствование императора Николая I. – СПб. : Тип. поставщиков двора Его Императ. Величества Товарищества М. О. Вольф, 1908. – Т. 8, ч. 2, отд. 1–4. – 288 с.
 103. *Столяров Ю. Н.* Классификация и типология библиотек // Школьная библиотека. – 2003. – № 4. – С. 16–23.
 104. *Столяров Ю. Н.* Опыт классифицирования библиотек по логическим и системным основаниям // Книга. Исследования и материалы. – М., 1996. – Сб. 73. – С. 63–89.
 105. *Столяров Ю. Н.* Родо-видовая и типологическая классификация библиотек // Советское библиотековедение. – 1996. – № 3. – С. 25–39.
 106. *Сукиасян Э. Р.* Классификационные системы в их историческом развитии: проблемы типологии и терминологии // Научные и технические библиотеки СССР. – 1993. – № 4. – С. 5–15.
 107. *Сукиасян Э. Р.* Классификация или типология // Научные и технические библиотеки СССР. – 1996. – № 10. – С. 3–10.
 108. *Суслова И. М.* Формирование библиотечной терминологии в дореволюционный период // Терминология библиотечного дела. – М., 1976. – Вып. 2. – С. 6–17.
 109. *Таранец И.* К вопросу об устройстве при полковых церквях библиотек // Вестник военного духовенства. – 1892. – № 18. – С. 574–576.
 110. *Таранец И.* Об устройстве библиотеки при церкви 114-го пех. Новоторжского полка // Вестник военного духовенства. – 1894. – № 16. – С. 509–512.
 111. Указатель каталогов военных библиотек русской армии (вторая половина XIX – начало XX века) / сост.: А. М. Панченко, Н. А. Балуткина, Л. А. Мандригина. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2010. – 217 с.
 112. Указатель-сборник распоряжений по артиллерии за 20 лет. Приказы, приказания и циркуляры с 1850 по 1875 гг. Сост. артиллерии полковник М. Гольмдорф. – М. : Тип. штаба войск Гвардии и Петерб. воен. округа, 1875. – 222 с.
 113. Устав «Общества ревнителей военных знаний» // Военный сборник. – 1899. – № 1. – С. 36–46.
 114. Устав военных собраний. Приказ по военному ведомству № 289 от 4 ноября 1874 г. // Правила офицерского собрания лейб-гвардии Волынского полка. – Варшава : В тип. Иосифа Унгра, 1880. – С. 3–20.
 115. Устав собрания Офицерской Кавалерийской школы. – СПб., Б.г. – 21 с.
 116. Устройство в 10 полках Московского гарнизона, военных госпиталях и тюрьмах церковных библиотек духовно-нравственных книг // Разведчик. – 1895. – № 224. – С. 98.
 117. *Филимонов В.* О библиотеке Главного Гвардейского штаба // Вестник Европы. – 1817. – Ч. 91. – С. 227–233.
 118. *Хавкина Л. Б.* Библиотеки, их организация и техника: Руководство по библиотековедению. – 2-е изд. – СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1911. – 404 с.
 119. Церковно-полковая библиотека при церкви 5-го гренадерского Киевского полка // Разведчик. – 1894. – № 194. – С. 557.
 120. *Чарнолуский В. И.* Основные вопросы организации внешкольного образования в России. – СПб., 1909. – 90 с.
 121. Школа-ясли и библиотека-читальня при военной Кронштадтской Князь-Владимирской церкви // Вестник военного духовенства. – 1906. – № 3. – С. 75–76.

Приложение

Классификация военных библиотек русской армии

Материал поступил в редакцию 10.10.2014 г.

Сведения об авторе: *Панченко Анатолий Михайлович* – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории книговедения, тел.: (383) 266-265-30, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

УДК 002.2:001.891
ББК 76.100.1

ТИПОЛОГИЯ КНИГИ: АНАЛИЗ ПОДХОДОВ И НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ

© Е. В. Саутина, 2015

*Вятский государственный гуманитарный университет
610002, Кировская область, г. Киров, ул. Красноармейская, 26*

Рассматривается проблема типологии книги, имеющая важное значение для выявления существенных свойств книги как объекта коммуникации. Анализируются существующие в книговедении концепции типологии книги, их достоинства и недостатки, и определяется дальнейшее направление исследования типологических характеристик книги. В книговедческих трудах определено важное значение типологии в познании существенных характеристик книги, сформулированы условия эффективной типологизации и принципы, составляющие основу типологических построений книги, названы методологические подходы к критерию, на основе которого возможна типологизация книги. В типологических построениях на основе этих положений имеются логические и методологические недочеты, устранить которые позволит исследование книги в рамках всей документивной системы, то есть в качестве типа документа. Такой подход даст возможность определить существенные свойства книги, отличающие ее от других типов документов, учитывая современные условия коммуникации.

Ключевые слова: типологический метод, типология книги, классификация, типологизация, систематизация, книга как объект коммуникационной системы, тип и вид как основа типологических построений, книга как тип документа.

The problem of book typology being of decisive importance to identify the essential properties of a book as an object of communication is examined. The paper analyzes existing in bibliology concepts of book typology, their advantages and disadvantages, and determines the future research directions of book typological characteristics. Bibliological papers identify the important role of the typology in studying the essential book characteristics, formulate conditions of effective typologization and principles forming the typological book structure basis, designate methodological approaches to the criterion based on which the book typologization is possible. There are logical and methodological shortcomings in typological constructions made on the base of these regulations, which could be eliminated by studying the book in frames of the whole documentative system, i. e. as a document type. This approach will make it possible to determine the essential features of the book distinguishing it from other types of documents, accounting the modern conditions of communication.

Keywords: typological method, book typology, classification, typologization, systematization, book as an object of a communication system, type and kind as a basis of typological schemes, book as a document type.

Проблема выявления существенных свойств книги, отличающих ее от других средств коммуникации, – одна из тех, которые определяют вектор дальнейшего развития книговедения, библиотековедения, библиографоведения. Ответ на вопрос «что есть книга?» в условиях современного социума, прежде всего даст возможность изучить книгу электронную. Это позволит разграничить понятия «электронная книга», «электронное издание», «электронный документ», а также существенно повлияет на практические разработки в области электронной коммуникации.

Для определения сущности того или иного явления в научных исследованиях традиционно используется метод типологии: в контексте научного знания он призван показать сходства и различия между явлениями, найти надежные способы их идентификации, сгруппировать предметы с помо-

щью обобщенной, идеализированной модели или типа [15]. Для книговедения актуальность типологии определяется еще и тем, что книга – это феномен, представляющий собой сложную социальную систему, а типологические построения часто применяются с целью выявления закономерностей строения подобных систем и позволяют предсказать существование неизвестных пока объектов, что особенно важно в рамках постоянно изменяющихся условий коммуникации.

Необходимость применения типологического метода в книговедении обоснована еще в первой половине прошлого столетия. Наиболее активно вопросы типологии книги изучались в 70–80-е гг. XX в. В современном книговедении интерес к ним угас: в начале XXI в. был издан только один фундаментальный труд по этой тематике – монография А. А. Гречихина «Библиотипология как научное

направление. Особенности становления и развития в российском книговедении» (2003 г.). Остальные работы проблемы типологии отражали как частные вопросы книговедения [6, 7]. Вместе с тем процесс книжной коммуникации претерпел большие изменения, поэтому по отношению к современной книге проблемы типологии требуют дальнейшего исследования, которые необходимо проводить с учетом уже разработанных в книговедении подходов.

Цель данной статьи – дать анализ существующих в книговедении типологических концепций; основываясь на логико-философских представлениях о типологии, выявить их достоинства и недостатки, наметить направления дальнейших типологических исследований книги.

Анализ подходов к определению понятия «типология» в книговедении

В книговедческих трудах, посвященных проблеме типологии книги, рассматриваются вопросы о сущности понятия «типология», месте типологии в науке о книге, методологических основах типологии и т. д. При этом термин «типология» понимается не одинаково, часто подменяется понятием «классификация». Например, А. Я. Черняк рассматривает типологию как совокупность классификаций произведений литературы «по форме издания, по целевому назначению, по читательскому назначению» [19, с. 42]. В некоторых трудах наряду с термином «типология» употребляется понятие «типизация». Так, Д. Ю. Теплов считал их синонимами [17]. И. Г. Моргенштерн предлагал закрепить различные значения: под типизацией понимать процесс классифицирования произведений или изданий по определенным признакам, предполагающим их разнесение по разработанным типологическим схемам [10, с. 53], а типологию рассматривать как: а) один из видов классификации явлений действительности (такое понимание совпадает с позицией А. Я. Черняка и др.); б) «знание категорий книги, их видообразующих свойств и логического соотношения различных категорий книги, выделяемых по признакам назначения и формы» [11, с. 43]. Таким образом, в работах этих авторов типология понимается как классификация, что противоречит современным научным исследованиям и существенно искажает представление о ней.

Для того чтобы доказать это, достаточно обратиться к законам логики, где классификация рассматривается как «распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов [10, с. 595]. Составление классификаций подчиняется всем правилам деления объема понятия, к которым относятся:

- необходимость применения одного и того же основания в рамках одной и той же классификации;
- объем членов классификации должен равняться объему классифицируемого класса;
- члены классификации должны взаимоисключать друг друга;
- подразделение на подклассы должно быть непрерывным.

Логическая процедура, основанная на этих правилах, позволяет точно распределить все многообразие предметов какого-либо рода на классы, но не предполагает группировку объектов на основе некоторой обобщенной модели, или типа, так как ее основу составляют наиболее общие свойства объектов. В этом случае группируемые предметы способны иметь взаимоисключающие признаки, но принадлежать к одному типу. Иными словами, согласно законам логики, типология основана на *понятиях о нечетких множествах*, в то время как законы классификации предполагают формирование классов, стремящихся к высокой четкости. Классификация возможна и на основе несущественных признаков, типология предполагает выделение существенных свойств предметов. Поэтому метод классификации может быть использован для изучения внутренней организации системы книги, но целостного представления о ней как о коммуникационной системе дать не может.

Против сужения понятия «типология» выступают и сами книговеды. Например, А. А. Гречихин в учебном пособии «Типология учебно-педагогической книги» (1985 г.) писал: «В книговедении при оперировании типологическими терминами до сих пор не изжиты два недостатка: многозначность и их произвольное использование, понимание систематизации только в узком смысле» [9, с. 9]. Вместе с тем в его работах понятие «типология» подменяется термином «систематизация», под которой автор понимает «диалектическое единство классификации и типизации» [8, с. 62]. В современных исследованиях по философии понятия «систематизация» и «типология» неравнозначны. Например, Г. А. Подкорытов считает эти термины близкими по содержанию, но не тождественными [14]. Р. Г. Баранцев пишет, что понятия «типология», «систематизация», «классификация» характеризуют разные аспекты и уровни познавательного процесса. «Классификация – это процедура, которая является деятельностью систематизации, а типология – аспект метаописания...» [1, с. 84]. Сходную позицию занимает А. Ю. Москвитин и др. [12, 13]. Поэтому употребление термина «систематизация» для обозначения процедур, характеризующих процесс типологизации, не совсем оправдано.

В рассуждениях А. А. Гречихина, согласно законам логики, также обнаруживается несоответствие. В «Словаре логических терминов» типология

характеризуется как «учение о классификации, упорядочении и систематизации сложных объектов, в основе которых лежат понятия о нечетких множествах и о типе» [15]. Исходя из этого, типология предполагает и классификацию, и систематизацию, то есть по сравнению с термином «систематизация» это более общее понятие и сужать его было бы неверно.

Г. Н. Швецова-Водка оперирует понятиями «типология» и «типологизация». Под типологией она понимает «раздел книговедения, изучающий принципы образования и систематизации различных категорий книги», а типологизацию характеризует как процедуру типологической группировки [21, с. 42]. Формулируя цель типологических построений в книговедении, исследователь отмечает, что необходимо создать «сущностную классификацию литературы по типам, через формулировку закономерностей образования классов, а не только через описание и объяснение» [21, с. 55].

Однако здесь обнаруживается некоторое противоречие: классификацию невозможно производить на основе типа, так как этот процесс предполагает логическую операцию разделения, а построение типа требует обобщения эмпирического материала на высоком уровне абстракции.

В учебном пособии «Общая теория документа и книги» [20] Г. Н. Швецова-Водка анализирует теоретические аспекты типологии книги и приходит к важному выводу о необходимости разграничивать понятия «классификация», «систематизация» и «типологизация». Под классификацией она предлагает понимать «метод группировки, в котором используется операция деления объема понятия»; под систематизацией – «метод группировки, в котором исследуются свойства отдельных групп с целью установления отношений, связей между ними и структуры исследуемой системы»; а под типологизацией – «метод группировки, в котором устанавливаются определенные типы как такие подразделы, которые отличаются комплексом признаков» [20, с. 30]. Определения понятий «классификация» и «систематизация», данные автором, соответствуют представлениям об этих процессах в логике и философии. Понимание типологии верно лишь отчасти: тип как научная категория предполагает наивысший уровень абстракции и не может быть соотнесен с подразделом. Подраздел же может быть частью классификации, что вновь ведет к подмене типологизации классификацией. Г. Н. Швецова-Водка пользуется также термином «типологическая классификация», который в ее трудах соответствует эмпирической типологии, имеющей целью конкретизировать общие свойства типа в отдельных переменных, то есть в объектах, принадлежащих этому типу [8]. Однако эмпирические построения производятся на основе уже определенных сущно-

стных свойств объекта типологии, а их выявление возможно лишь в рамках теоретической типологии.

Онтологическое значение термина «типология» отражено в работах С. П. Омилянчука и А. А. Беловицкой [2, 3]. Согласно их подходу, типология книги есть «высший уровень синтеза знаний о книге, накопленных конкретными книговедческими дисциплинами и общей теорией книговедения» [3, с. 138]. В этом случае типология книги осознается как теория типологического метода в книговедении, как процесс его применения и как результат этой теории и процесса. Такая позиция вполне обоснована и согласуется с представлениями о типологии логико-философских трудов. При этом в работах исследователей определены теоретические аспекты проблемы типологии книги, но отсутствует их эмпирическое применение.

Таким образом, к логико-философским представлениям о типологии как методе научного познания наиболее близки позиции С. П. Омилянчука, А. А. Беловицкой. В их трудах, а также в научных работах А. А. Гречихина, Г. Н. Швецово-Водки обосновано использование типологии с целью определения сущностных характеристик категорий, имеющих отношение к книге.

Анализ типологических построений в книговедении

Основные понятия книговедения, с помощью которых определяются типологические характеристики книги: «тип», «род», «вид». Но вопрос об их соотношении и определении, а также связанная с ним проблема классификации многообразной книжной продукции решаются неоднозначно.

В логике «тип» (*греч.* «τύπος») – отпечаток, образец) определяется как «образец, который выражает общие, существенные черты определенной группы предметов, явлений» [10, с. 595]. В современных философских исследованиях тип – это «моделирующий феномен», характеризуя который следует говорить «о теоретических построениях, основанных «на эмпирических построениях надэмпирического уровня» [12, с. 99]. С учетом этого типологические построения направлены на создание некой модели, которая выступает в качестве образа понятия, а материалом для нее служат группировки и обобщения.

В научных работах по книговедению наблюдается не только смешение главных понятий, определяющих типологическую характеристику, но и явные недочеты в логике типологических построений. Например, А. Я. Черняк рассматривает типологию изданий и строит совокупность их классификаций на трех разных основаниях, или аспектах: по форме издания – вид; целевому назначению – тип; читательскому назначению – группа [19, с. 39–52].

Но с философско-логической точки зрения понятия «тип», «вид», «группа» относятся к различным процедурам группировки, поэтому представленная автором классификация нарушает главное логическое правило – закон единого основания деления.

В работах И. Г. Моргенштерна сформулированы четыре главных принципа разработки типологии книги: 1) социальная детерминированность предлагаемых схем; 2) их логическая обоснованность, то есть учет логических правил деления, прежде всего закона единого основания деления; 3) их соответствие основным потребностям всех областей книжного дела; 4) отражение в схемах главных, существенных элементов книги [11, с. 43].

Первый принцип согласуется с принципом историзма и позволяет понимать исследуемые объекты как изменяющиеся системы, подчиненные некоторой закономерности развития. Третий и четвертый также соответствуют теории типологии. Однако второй принцип, определяющий логику построений, говорит о том, что автор имеет в виду не типологию, а классификацию.

Вместо типизации книги И. Г. Моргенштерн рассматривает типизацию произведений печати. Это противоречие объясняется методологическим подходом к определению понятия «книга», которую автор характеризует как опубликованное произведение. Такая позиция не позволяет различить понятия «книга», «произведение», «издание», а между тем именно это разграничение автор считает одним из условий создания обоснованной типологии [11].

Противоречие возникает и при выделении признаков, составляющих основу типологии произведений. К общим и универсальным автор относит: знаковый признак, в соответствии с которым выделяет текстовые, графические, нотные, картографические типы произведений (но не говорит об аудиальных); возрастное назначение (произведения для взрослых и для детей); целевое назначение (официальные, массовые политические, научные, научно-популярные, производственные и другие произведения); язык (оригинальные и переводные произведения); количество публикаций (первые и повторные произведения). Последний признак – количество публикаций – определяет не тип произведения, а лишь порядковый номер публикации.

Главным типизирующим основанием И. Г. Моргенштерн считал первый, знаковый признак, все остальные – дополнительные, они отражаются в частных типологических схемах [11]. Классификация на основе этих признаков отвечает принципу единого основания деления, но всем остальным принципам, сформулированным автором (см. выше), она не соответствует: не учтены тенденции дальнейшего развития книги, например, электронная книга в эту классификацию не вписывается; не отражены существенные элементы книги; она не от-

вечает потребностям всех областей книжного дела, так как охватывает далеко не все книжные формы. Наконец, выделенные признаки можно применить только к опубликованным произведениям. Таким образом, в концепции И. Г. Моргенштерна представлена классификация изданий, но с большим количеством оснований деления.

В работах Г. Н. Швецово-Водки книга рассматривается как главная категория книговедческой типологии. К основным категориям автор относит произведение, литературное произведение, литературу, произведение печати, издание. Она отмечает, что для создания этой теории необходимо уточнить понятие «книга», а также разграничить основные категории книги [21, с. 45].

Существенным в работах Г. Н. Швецово-Водки является рассмотрение книги в качестве особого рода документа: это позволяет изучить книгу в рамках документивной системы в целом и соответствует условиям современной книжной коммуникации. Автор выделяет признаки, общие для книги и документа, однако сущностные (типологические) свойства книги, позволяющие вычлени ее из массива документивной информации, до конца не определены, что не дает возможности уточнить понятие «книга» по отношению к документу.

Для создания типологических моделей и характеристик Г. Н. Швецово-Водка предлагает использовать понятия «вид», «тип», «жанр». Вид для автора – основа классификации и может быть обозначен как любой ее подраздел. Между совокупностью классифицируемых явлений и конкретным подразделом существуют родо-видовые отношения. Но в этом случае необходимо определить понятие «род», которое у автора по отношению к книжной классификации отсутствует [20].

Г. Н. Швецово-Водка пишет, что тип – основа для типологизации. Типы отличаются друг от друга не одним, а совокупностью признаков. Но, анализируя типологизацию книги, она пишет о типологизации литературы: «Типы литературы – это группы литературных произведений, обладающие существенными качественными отличиями, выделенные путем теоретической абстрагирующей работы научного мышления и представляющие собой идеализированную модель реальных объектов» [20, с. 319].

Согласно рассуждениям автора, книгой может считаться только литературное, то есть словесное произведение. Следовательно, сборники нотных, фотографических или изобразительных произведений, информационная основа которых представлена знаками, отличными от буквенных, книгой называть нельзя, что противоречит действительному положению дел. Такой подход сужает понятие «типология книги» и не дает полного представления о самой книге.

Эти противоречия в работах Г. Н. Швецово-Водки отражены и в типологических построениях. Автор выделяет типы литературы, а не книги. На основе классификационного и классообразующих (не типобразующих) признаков все многообразие литературных произведений делится на определенные классы.

Наиболее разработаны вопросы типологии книги в научных трудах А. А. Гречихина. Автор предпринял попытку создать метатеорию типологии книг – библиотипологию, «своеобразную теорию систем в книговедении» [5, с. 151], задача которой – изучение методологической сущности процесса систематизации книги, а также сущности типологического метода как системы.

В основе типологического метода, по А. А. Гречихину, находится понятие «тип». «Тип – это высшая систематическая категория в книговедении, которая соотносится с книгой как высшей систематической категорией» [8, с. 74]. Согласно автору, понятие типа «книга» в книговедении предельно широкое и отражает наиболее общие и существенные свойства, связи, признаки, отношения предметов и явлений объективного мира. Это выражается в самом общем, универсальном определении книги, тем самым устанавливаются «границы книговедения в системе других наук, книги как категории в системе других научных категорий...» [8, с. 74].

Однако из этого следует, что тип «книга» наивысший и единственный, хотя, согласно принципам системного подхода А. А. Гречихина, любая система является включенной в другую в качестве ее подсистемы. С этой позиции книга является частью современной коммуникационной системы, а тип «книга» соотносится с другими типами объектов, представленными в общей системе, например, документивной коммуникации. Следовательно, книга может быть осознана в качестве типа документа, имеющего определенные сущностные характеристики, которые позволяют выделить ее из массива документивной информации. Представление же о книге как о наивысшей категории противоречит принципам системного подхода, так как предполагает ее исследование лишь в замкнутых рамках.

А. А. Гречихин выходит на уровень построения общей типологической модели книги, которая, по его утверждению, должна носить системный характер [8, с. 143]. Обоснованно и верно автор соотносит типологические категории книги с философскими категориями «всеобщего», «особенного», «единичного». Категории «всеобщего», согласно автору, соответствует понятие «тип», которое находит свое воплощение в книге универсальной. С категорией «особенного» соотносится понятие «подтип», соответствующее универсально-функциональной книге. Наконец, категория «единичного» представлена в универсально-единичной книге, со-

относимой с разнотипностью. Определяя ступени восхождения от абстрактного к конкретному в процессе типологизации книги, А. А. Гречихин оперирует понятиями «род», «вид», «подвид», «индивид»: «... род книги – это особенная научная категория, подчиненная типу и в то же время подчиняющая видовые категории. По своему объему понятие «род» отражает не все многообразие реально существующих книг и их свойства, а лишь определенную (особенную) их часть. Вид книги – это единичная научная категория (понятие), определяющая нижний предел систематизации» [8, с. 145].

Здесь вновь обнаруживаются несоответствия логического характера. В логике тип-видовое деление не принято. Более общим понятием по отношению к виду считается род и признается родо-видовая классификация [10, с. 595]. Иными словами, понятия «тип», «род» и «вид» из разных систем представлений: вид и род соотносимы с классификацией как методом познания, а типология и классификация, как было показано выше, – совершенно разные конструкты.

Противоречия есть и в распределении конкретного книжного материала по главным категориям, соответствующим типологии книги, и в содержании системного критерия, предлагаемого А. А. Гречихиным в качестве основы типологической модели книги. Элементы системного критерия во многом требуют уточнения и дальнейшей доработки.

Таким образом, подходы к типологии книги, представленные в книговедении, обнаруживают явные недочеты как логико-философского, так и концептуального плана. Прежде всего это обусловлено желанием рассмотреть книгу лишь в узких рамках книговедческого знания, что не позволяет до конца ответить на вопрос: «что есть книга?» в системе других коммуникационных объектов.

Устранить названные противоречия поможет документологический подход к анализу книги, разработанный в трудах А. В. Соколова, Ю. Н. Столярова, Г. Н. Швецово-Водки и др. Он позволяет исследовать книгу на «метатеоретическом» уровне [16], то есть в общей системе документологии. В рамках этого подхода доказано, что книга как информационный объект принадлежит документивной системе, однако ответа на вопрос, чем она является: видом или типом документа, в научной литературе пока нет. Исходя из положений о том, что сущность книги не меняется от способов ее воплощения и нельзя ограничивать понимание книги только одной из ее материальных форм (например, печатной), можно предположить, что книгу следует рассматривать в качестве *типа документа*. Эта позиция находит подтверждение и в научных работах по документологии. Е. Б. Виноградова в статье «Электронный документ: вид или тип», сопоставляя электронные документы, различные по своим

основным свойствам, приходит к выводу, что их можно характеризовать в качестве типа документа, в этом случае они представляют собой группу размытую, допускающую «несоблюдение строгих логических принципов деления» [4, с. 68].

Имея в виду все многообразие современных средств коммуникации, необходимо выделить те свойства книги, которые помогут отличить ее от других коммуникационных объектов, например, от произведения изобразительного искусства, кинофильма, архивного, делового или музейного документа и т. д. Эти признаки станут для книги подлинно типологическими. Такой подход требует и более полной характеристики тех особенностей книги, на основании которых ее можно отнести к документу. Однако цель данной статьи лишь обозначить одно из направлений типологических исследований в области современной книжной коммуникации. Изучение книги в этом направлении может привести к созданию типологических построений, соответствующих как логико-философским представлениям о типологии, так и условиям современной социальной коммуникации.

Выводы

В книговедческих трудах определено важное место типологии книги в системе книговедческого знания, оценено ее значение в познании сущностных характеристик книги (А. Я. Черняк, И. Г. Моргенштерн, С. П. Омилянчук, А. А. Беловицкая, А. А. Гречихин, Г. Н. Швецова-Водка). Сформулированы условия эффективной типологизации и принципы, составляющие основу типологических построений книги (И. Г. Моргенштерн, А. А. Гречихин). Определены методологические подходы к структуре критерия, на основе которого может производиться типологизация книги (И. Г. Моргенштерн, А. А. Гречихин, Г. Н. Швецова-Водка). Однако типологические построения на основе этих положений имеют как логические, так и методологические недочеты, главная причина которых – рассмотрение книги в рамках лишь книговедческого знания.

Дальнейшее теоретическое и эмпирическое исследование этой проблемы требует документологического подхода к анализу книги, который позволит исследовать ее как тип документа, учитывая современные условия коммуникации. Такой анализ поможет не только определить сущностные свойства книги и уточнить место всех книжных форм в современном коммуникационном процессе.

Литература

1. Баранцев Р. Г. Системные триады и классификации // Теория и методология биологических классификаций. – М., 1983. – С. 81–88.

2. Беловицкая А. А. Омилянчук С. П. К содержанию понятия «советская книга». (Книга в процессе движения) // Советская историография книги. – М., 1979. – С. 99–138.
3. Беловицкая А. А. Система книговедческого метода // Книга и социальный прогресс : тез. докл. – М., 1986. – С. 131–139.
4. Виноградова Е. Б. Электронный документ: вид или тип // Научные и технические библиотеки. – 2014. – № 1. – С. 65–70.
5. Гречихин А. А. Библиотипология как научное направление. Особенности становления и развития в российском книговедении. – М. : МГУП, 2003. – 432 с.
6. Захарына Н. Б. Русские певческие книги: типология, пути эволюции: дис. ... д-ра пед. наук. – М.: 2007. – 211 с.
7. Захаров С. С. Научные журналы по философии: типологическая модель : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 178 с.
8. Гречихин А. А. Современные проблемы типологии книги. – Воронеж, 1989. – 246 с.
9. Гречихин А. А. Типология учебно-педагогической книги : учеб. пособие. – М., 1985. – 60 с.
10. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М. : Наука, 1975. – 721 с.
11. Моргенштерн И. Г. Проблемы типологии современной книги // Книга. Исследования и материалы. – М., 1975. – Сб. 30. – С. 38–54.
12. Москвитин А. Ю. Основные принципы общей теории типологии и их применение к анализу типологических проблем в социальном познании : дис. ... канд. филос. наук. – Владивосток, 1999. – 197 с.
13. Озурцов А. П., Юдин Б. Г. Типология // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1978. – С. 19–20.
14. Подкорытов Г. А. Систематизация // О природе научного метода / Г. А. Подкорытов. – Л., 1988. – С. 192–206.
15. Словарь лингвистических терминов – URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/log/t/tipologija.html> (дата обращения: 19.08.2014).
16. Соколов А. В. Документология как метатеория документной коммуникации // Книга. Исследования и материалы. – 2009. – Сб. 91. – С. 43–50.
17. Теплов Д. Ю. Типизация в книговедении и библиографии. Основные проблемы на примере научно-технической литературы и ее библиографии. – М. : Книга, 1977. – 190 с.
18. Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Советская энцикл., 1989. – 815 с.
19. Черняк А. Я. О типологии произведений печати // Актуальные проблемы книговедения. – М., 1976. – 123 с.
20. Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги : учеб. пособие. – М. : Рыбари ; Киев : Знання, 2009. – 487 с.
21. Швецова-Водка Г. Н. Типология книги // Книга. Исследования и материалы. – М., 1983. – Сб. 46. – С. 41–59.

Материал поступил в редакцию 05.09.2014 г.

Сведения об авторе: Саутина Елена Васильевна – доцент кафедры издательского дела и редактирования, тел.: (332) 37-48-99, e-mail: Sautinalina@yandex.ru

УДК 655.5:82(051):028.8(571.1/.5)(091)"193"
ББК 76.024.9+76.024.712.18+78.07

СТРАТЕГИИ РАБОТЫ РЕДАКЦИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ С ЧИТАТЕЛЯМИ В 1930-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛОВ «СИБИРСКИЕ ОГНИ» И «БУДУЩАЯ СИБИРЬ»)

© Е. В. Евдокимова, 2015

*Институт филологии, массовой информации и психологии
Новосибирского государственного педагогического университета
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28*

Рассматриваются основные издательские стратегии редакций сибирских литературно-художественных журналов в 1930-е гг. Проанализирована деятельность редакций журналов Западной и Восточной Сибири на материале журналов «Сибирские огни» и «Будущая Сибирь», выявлены основные формы работы редакций по продвижению изданий к читательской аудитории. Предпринята попытка классификации издательских стратегий, осуществляемых редакциями журналов.

Под стратегиями кадровой политики понимаются объединение вокруг журналов лучших писательских сил региона, использование журнального формата в качестве учебной площадки для подготовки писателей нового типа, проведение литературных конкурсов.

Стратегии, связанные с содержательной моделью журналов, включают: ориентацию на региональную тематику, введение в содержательную модель изданий газетных элементов, стирание границ между центральной и провинциальной литературой.

Под стратегией взаимной коммуникации понимается наличие публикаций читательских писем и рукописей, а также критических замечаний в адрес редакции. Особое значение для редакционной политики сибирских литературно-художественных журналов имели стратегии кооперации между печатными изданиями и их продвижение с помощью средств массовой информации.

Ключевые слова: литературно-художественные журналы, редакции, издательские стратегии, читательская аудитория.

The paper examines the basic publishing strategies of editorial boards of Siberian belles-lettres journals in the 1930s. Editorial staff activity of magazines in West and East Siberia is analyzed evidently for periodicals «Siberian Lights» and «The Future Siberia», the main forms of editor activity to promote editions to readership are identified. An attempt to classify the publishing strategies carried out by the magazine editorial boards is made.

The strategies of personnel policy are considered as joining the best writers in the region around the journal, the use of a periodical format as an educational base to train a new type of writers, holding literary competitions.

Strategies related to the content model of magazines include: focusing on regional issues, introduction newspaper elements to the editions conceptual model, boundaries blurring between the central and provincial literature.

The strategy of mutual communication is understood as publishing readers' letters and manuscripts, critical remarks addressed to the editorial board. The particular importance for the editorial policy of Siberian belles-lettres journals is a strategy of cooperation between prints and media promoting them.

Keywords: belles-lettres journal, editorial board, publishing strategy, readership.

Литературно-художественные журналы 1920–1930-х гг. стали платформой для подготовки литературных кадров в Сибири. Как отмечает А. Л. Посадсков, «выработанная формула творческого взаимодействия писатели – журнал – издательство закрепилась в провинциальной издательской практике на долгие десятилетия», при этом «региональные писательские организации полностью формировали содержание принадлежащих им журналов» [1, с. 23].

В течение почти десяти лет (с 1922 по 1931 г.) литературно-художественный журнал «Сибирские огни» оставался единственным изданием за Уралом, предоставлявшим свои страницы молодым писателям. Примечательно, что работа редакции журнала с самого начала была ориентирована на отбор произведений, соответствующих не только идеологическим установкам, но и художественной ценности публикуемых произведений. В этом редакция «Сибирских огней» следовала основному

направлению столичного литературно-художественного журнала «Красная новь», редактируемого А. Воронским.

Благодаря тщательной работе редколлегии журнала, отбирившей только лучшие поэтические и прозаические тексты, увидеть свои произведения на страницах «Сибирских огней» удавалось немногим авторам. Это вызывало недовольство начинающих писателей. Часть из них жаловалась на отсутствие целенаправленной работы с авторами: «Все писатели и поэты объединены в союз писателей, что около 300–500 человек. Это закрытая каста, в которую доступ очень нелегко. Работы в стороне. Учебы никакой. Рабочей молодежи нет. Рабочим читателем не интересуются. Не выступают перед рабочей аудиторией и не приближаются к нашей революционной литературе. Много доморощенных Пильняков» [2, л. 1].

Стратегия сдерживания редакции «Сибирских огней», с одной стороны, отсеивала конъюнктурные произведения, но в то же время ограничивала сибирскую литературу небольшим количеством имен. Подчиняясь требованиям времени, в конце 1920-х гг. журнал внес изменения в редакционную политику, наладив прочную обратную связь с начинающими писателями.

В 1931 г. в Иркутске увидел свет еще один литературно-художественный краеведческий журнал «Будущая Сибирь», активно заработала местная Ассоциация пролетарских писателей (АПП), одной из основных задач которой была «вербовка» молодых кадров. Количество «завербованных» подлежало строгому учету и служило самым важным показателем в литературном соревновании. Краевая организация Восточной Сибири в 1931 г. имела 18 филиалов и насчитывала 51 члена АПП, 560 литкружковцев, две трети которых составляли рабочие, «30% из них – рабочие от станка» [3, с. 73].

Количественные показатели вовлеченных авторов в писательский труд были непременным условием успешной работы пролетарских писательских организаций. Мерилом их эффективной деятельности считалось также количество проанализированных произведений на заседаниях литературных кружков: «Одна иркутская АПП за полгода на собраниях разобрала более 80 произведений, слюдянская – 70, черемховская – 36, красноярская – 76» [3, с. 74].

Стремление расширить сферу деятельности литературных объединений зачастую порождало курьезные случаи. Так, в многотиражке Канского совхоза, редактируемой литпризывником, половина второй полосы была отведена обращению литературного кружка. На первой полосе помещалась заметка под заголовком «Телятник фермы им. РАПП», из которой следовало, что литкружковцы дали обязательство осуществлять уход за телятами, «вни-

мательный и добросовестный», и выращивать «молодняк бодрый, здоровый, чистый» [4, с. 112].

К 1934 г. в Западной Сибири действовали более 40 литературных кружков – районных литературных объединений при редакциях газет; в крае выходило семь литературных газет; насчитывалось 60 членов Союза советских писателей [5]. Разрастающаяся сеть пролетарских писателей заставила задуматься редакционные коллективы журналов об организации постоянной работы с авторами и способах выявления «самородков» среди графоманов, эффективных методов сохранения самобытной сибирской литературы.

Для достижения поставленных задач коллективы «Сибирских огней» и «Будущей Сибири» в 1930-е гг. наметили основные редакторские стратегии сибирских журналов, касающиеся: кадровой политики, содержательной модели журналов, взаимной коммуникации, кооперации между журналистами и продвижения литературы с помощью средств массовой информации.

Стратегии в области кадровой политики

Объединение вокруг журналов лучших писательских сил региона. Для эффективной работы с начинающими авторами необходимо было объединить талантливых творческих людей, способных на собственном примере популярно рассказать о писательском труде, провести серию обучающих очных и заочных семинаров. К середине 1930-х гг. такое объединение было создано, его ядро составляли поэты, писатели, литературные критики: М. Басов, В. Вихлянец, А. Высоцкий, Г. Вяткин, В. Итин, И. Молчанов, И. Мухачев, А. Коптелов, Е. Пермитин и др.

Использование журнального формата в качестве учебной площадки для подготовки писателей нового типа. С этой целью редакция журнала «Будущая Сибирь» ввела специальные рубрики: «В помощь литкружку», где размещались программы учебно-творческих занятий литературных кружков, и «В помощь начинающему писателю», в которой давались рекомендации по созданию авторского текста. Постоянным стал отдел «Критика и библиография», содержащий аналитические комментарии произведений писателей центра и региона.

Произведения начинающих авторов подвергались критике в каждом номере литературных журналов. Строго оценивалось не только идейное содержание произведений, но и их соответствие жанровому канону. Ведущим критиком присылаемых в редакцию стихотворений был В. Итин из «Сибирских огней». В обзорах редакционной почты он пытался донести до начинающих авторов мысль о том, что стихи – это создание образа, а не набор рифм, к тому же, как правило, неудачных.

В литературно-критической статье «Мышление и образ» в качестве примера рифмоплетства В. Итин приводит следующие строки: «Сегодня в море будто качка, / И солнце светит с высоты, / Прими привет лихой, батрачка, / Видение чистой красоты» [6, с. 115]. В статье «О языке и критической бойкости» критик справедливо замечал: «Есть опасность, что чем больше мы будем править, тем небрежнее будут становиться рукописи... Надо добиваться, чтобы писатели отвечали за каждое свое слово» [7, с. 115].

О последовательности выступлений В. Итина свидетельствуют его постоянные публикации. В статье «Литература советской Сибири» В. Итин приводит примеры «почти поголовной стихотворной “грамотности”»: «Слесарь села Мало-Бещелак, Бийского округа, просит редакцию указать: “Какие излагать мотивы, какие рифмы и самые лучшие темы... какие недостатки и как нужно разрабатывать вопросы по поэтизму”» [8, с. 91]. Приведем еще выдержки из той же статьи: «Я безумно люблю писать стихи, – пишет из шахтерского Черемхова Т. И. Трухин, – но плохо знаком с техникой построения ямба, хорей и т. п.»... «Я не сверну с дороги этой, / Ну, что ж, что горы впереди, / Пушай и тучи – мне, поэту, / Дорогой этую иди» [8, с. 92].

Зачастую сами критики путались в понятийном аппарате. Вероятно, авторами подобных литературно-критических статей были рапповцы. Так, оценивая одно и то же произведение, критик пишет: «Сюжетно роман не представляет законченного целого; много в нем боковых, обрывающихся линий... Попытку Улина перейти от очерка к повести следует признать неудавшейся» [9, с. 79].

Предоставление журнальных площадей не только начинающим писателям, но и начинающим критикам следует считать еще одним элементом редакционной политики журналов.

Особое внимание уделялось произведениям представителей коренных народов Сибири. Основной мотив – невыносимое существование до октябрьской революции и чудесная жизнь после. В качестве примера приведем фрагмент «Стихотворения тунгуса Давлана», опубликованного в журнале «Будущая Сибирь»: «Спекулянты нас так обдирали, / Все до чиста, что было у нас, / Что за осень с трудом добывали, / Вот как жизнь – то в старинку велась... / А теперь – по иному живется, / Жизнь иная нас ждет впереди, / Ведь для светлой и радостной жизни / Нас Октябрь боевой пробудил» [10, с. 89].

Проведение литературных конкурсов. Начинающие авторы попасть на страницы литературно-художественного журнала могли, участвуя в ежегодных конкурсах литературного мастерства. Условия конкурсов с перечнем предполагаемых поощрений публиковались практически в каждом но-

мере. В качестве главной премии произведения победителей рекомендовались к печати, причем в основном это была проза и поэзия молодых писателей: «Если взять номера за 1934 г., – сообщалось в одном из отчетов об итогах конкурса, – то в них преобладает продукция литмолодняка» [11, с. 110].

Стратегии, связанные с содержательной моделью журналов

Ориентация на региональную тематику. Ведущие темы произведений, опубликованных на страницах «Сибирских огней» и «Будущей Сибири», в первую очередь были тесно связаны с развитием местного производства: стихотворения И. Молчанова (Сибирского) «Песня машиниста», В. Непомнящих «Изыскатели», очерк Ф. Илюхина «Борьба за уголь» и др. География прозаических и поэтических произведений охватывала весь сибирский регион: Кузбасс, Тюмень, Иркутск, Читу.

Введение в содержательную модель изданий газетных элементов. Определяя задачи существования журнала, редколлегия «Будущей Сибири» призывала авторов воздействовать на читателя не только художественным словом, но и «доступной статьёй ученого, хроникой наших успехов, боевым очерком журналиста, простым рассказом рабочего-ударника, рисунком художника и документальностью фотоаппарата» [12, с. 2], поэтому особое значение имели поэтические произведения, включающие элементы журналистских жанров.

Например, стихотворение А. Михалковского «Наш завод» предварялось газетной заметкой о вручении коллективу переходящего знамени, что придавало написанному достоверность, соответствовало «правде жизни»: «Наш завод, шагая буйным темпом, / Нормы планов грудью перешиб, / И кривая выработки лента / За пределы вышла на аршин...» [13, с. 46].

Стирание граней между центральной и провинциальной литературой. Говорить о провинциальности литературы, по мнению редколлегии сибирских журналов 1930-х гг., следовало, принимая во внимание не географический признак, а идейные и художественные качества текстов. Поэтому критике подвергались столичные писатели и поэты, не знавшие Сибири, но писавшие о ней.

«Прекрасным образцом литературной халтуры на сибирскую тему» названо редактором журнала «Будущая Сибирь» М. Басовым стихотворение М. Голодного «Путешествие в Сибирь», опубликованное в журнале «Новый мир» в № 7 за 1931 г. Поэтические фантазии поэта Голодного о будущем Сибири в основном концентрируются в кулинарной области: «Беру без денег в лавках снедь, / Я в пище знаю толк. / Пельмени подает медведь, / Салфетку тычет волк». В заключительной части

стихотворения поэт восклицает: «Сибирь, Сибирь, / Возьми меня, тряхни за волоса!». «Сибирь свое- временно это не сделала, – едко замечает критик, – и мы вынуждены читать это удивительнейшее произведение пельменного поэта» [14, с. 79].

Стратегии взаимной коммуникации

Публикации писем и рукописей читателей. Несмотря на поток рассказов, повестей, романов, стихотворений, не имеющих отношения к литературе, сотрудникам редколлегий тем не менее удавалось найти в общей массе своеобразные, самобытные вещи начинающих авторов, которые после редактирования можно было печатать в журналах.

Практически на все письма читателей редакция реагировала, помещая ответы либо на страницах журнала, либо в индивидуальном порядке.

Публикации критических замечаний в адрес редакции. Этим важным направлением редакционной политики занимался «Уголок переписки с читателем», введенный редакцией журнала «Будущая Сибирь». В основе обратной связи было утверждение: «Читатель журнала – это вместе с тем и творец его, читатель должен помочь редакции создать журнал, укрепить его, знать, что это его журнал, журнал массового читателя» [15, с. 80].

Полемика между писателями и редактором становилась достоянием гласности. Так, один из авторов описывает сложившуюся ситуацию с его произведением: редактор допустил рукопись к публикации, а затем, после выхода повести в журнале, сам подверг ее потоку критических замечаний. «Не есть ли это плод беспринципности: платят жалование за редактирование – подписывай к печати все, что издательство хочет выпустить, хотя ты и не согласен с этим... поругать можно и потом. Не так ли, тов. Вострышев? Хотелось бы думать, что не так. Так как же?» – пишет в редакцию возмущенный автор письмо под заголовком «Вопрос нашему критику» [16, с. 89].

Узнать мнение читателей о работе редакции журнала помогало анкетирование, в процессе которого аудитория делилась мнением о наиболее понравившихся прозаических и поэтических произведениях за год, отделах, которые следовало усилить или создать с нуля. Кроме того, выяснялись тематические предпочтения читателей в соотношении с жанрами: «На какую тему вы бы хотели прочесть в журнале роман, повесть, рассказ, очерк, стихи и пр.?» Предлагалось высказывать замечания по графической модели журнала [17, с. 122].

Стратегия кооперации между журналами

Журнал «Сибирские огни» на правах «старшего» товарища, несомненно, оказывал интеллектуальную

помощь «Будущей Сибири». В практику кооперации между журналами вошли обмен рецензиями на книги писателей Западной и Восточной Сибири, выезды писателей на предприятия по всей Сибири, подготовка и проведение совместных совещаний и литературных конкурсов. Подобное сотрудничество создавало общее литературное пространство, позволяло привлечь внимание к достойным образцам сибирской литературы.

Продвижение литературы с помощью средств массовой информации

Помимо сообщений в краевых и областных газетах о готовящихся публикациях, объявлениях о подписке на журналы, редакция «Будущей Сибири» в целях популяризации своего издания предлагала сибирским писателям использовать различные формы работы на радио. В расширенной информации «О связи писателей с радио» авторы журналов приглашались к ежемесячному чтению фрагментов основных произведений; участию в цикле систематических передач «Писатель у микрофона»; созданию произведений, специально предназначенных для радио» [18, с. 119].

Таким образом, основные редакторские стратегии сибирских литературно-художественных журналов 1930-х гг. касались доведения до читательской аудитории лучших поэтических и прозаических произведений, что несмотря на мощный идеологический компонент помогало формировать основной круг авторов и, в конечном итоге, способствовало становлению и развитию самобытной сибирской литературы.

Литература

1. Посадсков А. Л. От нигилизма к соцреализму: издание художественной литературы в Сибири и на Дальнем Востоке в довоенное десятилетие (1931 – июнь 1941 г.) // Библиосфера. – 2005. – № 1. – С. 23–31.
2. ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1669. Л. 1. 11.07.1926.
3. Искра И. За «магнотстрой литературы» // Будущая Сибирь. – 1932. – № 1. – С. 71–77.
4. За творческую работу! // Будущая Сибирь. – 1932. – № 3. – С. 111–113.
5. Итин В. Внимание к качеству культуры (выступление на краевой партконференции) // Сибирские огни. – 1934. – № 1. – С. 196–199.
6. Итин В. Литературная критика. Мышление и образ // Сибирские огни. – 1934. – № 5. – С. 114–115.
7. Итин В. Литературная критика. О языке и критической бойкости // Сибирские огни. – 1934. – № 5. – С. 115–118.
8. Итин В. Литература советской Сибири // Сибирские огни. – 1934. – № 5. – С. 89–96.
9. Неудачная попытка // Будущая Сибирь. – 1934. – № 5. – С. 79.
10. Стихотворение тунгуса Давлана // Будущая Сибирь. – 1934. – № 2. – С. 89.

11. Литературная хроника // Будущая Сибирь. – 1934. – № 4. – С. 109–110.
12. Вступительная статья // Будущая Сибирь. – 1931. – № 1. – С. 1–2.
13. Михалковский А. Наш завод // Будущая Сибирь. – 1931. – № 1. – С. 46.
14. Басов М. Путешествие голодного поэта // Будущая Сибирь. – 1931. – № 2. – С. 79–80.
15. К читателям // Будущая Сибирь. – 1932. – № 2. – С. 80.
16. Вопрос нашему критику // Будущая Сибирь. – 1932. – № 3. – С. 89.
17. Анкета читателя журнала «Будущая Сибирь» // Будущая Сибирь. – 1934. – № 2. – С. 122.
18. О связи писателей с радио // Будущая Сибирь. – 1934. – № 2. – С. 119.

Материал поступил в редакцию 14.07.2014 г.

Сведения об авторе: *Евдокимова Елена Вениаминовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, тел.: (383) 244-01-41, e-mail: evelven@mail.ru*

Юбилей

УДК 02(470)(092)
ББК 78.33(2)д

КЛАССИКУ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ АНАТОЛИЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВАНЕЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

К 90-летию со дня рождения

Уважаемый Анатолий Николаевич!

Коллектив Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук от всей души поздравляет Вас с замечательным – 90-летним юбилеем!

Вы – человек удивительной энергии, трудоспособности, ответственности. Талантливый ученый, исследователь и преподаватель. Уникальный историк библиотековедческой мысли, разработавший методологические подходы к изучению библиотековедения как науки и знания.

Вам принадлежат более 300 замечательных работ – монографий, учебно-методических и практических пособий, статей в отечественной и зарубежной печати, которые создают целостное

представление об этапах эволюции библиотековедения, системы библиотек и позволяют заглянуть в будущее.

Широта и глубина Вашей мысли неизменно сочетаются с доступным и простым изложением идей. Ваша толерантность, коммуникабельность, тонкое чувство юмора восхищают нас, Ваших коллег и учеников.

Мы желаем Вам здоровья и благополучия, хорошего настроения, активного продвижения своих идей!

*ГПНТБ СО РАН,
Новосибирск, январь 2015 г.*

Информация

Первое информационное сообщение

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БИБЛИОТЕКАХ»

21–24 сентября 2015 г. Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск) совместно с Алтайской государственной академией культуры и искусств (Барнаул) и Национальной библиотекой им. Н. Г. Доможакова Республики Хакасия (Абакан) проводят межрегиональную научно-практическую конференцию.

Адрес места проведения мероприятия: 655017, г. Абакан, ул. Чертыгашева, 65. Национальная библиотека им. Н. Г. Доможакова Республики Хакасия.

Цели конференции: обсуждение актуальных проблем научных исследований в области библиотековедения, библиографоведения, книговедения, развития информационных систем и информационно-коммуникационных технологий.

Темы для обсуждения:

1. Научные исследования в библиотеках разного статуса, типа и вида, а также вузах, осуществляющих подготовку специалистов в области библиотечно-информационной деятельности; особенности исследований.

2. Организация и проведение научных исследований как элемент методической деятельности областных и муниципальных библиотек.

В докладах может быть представлена характеристика научного исследования **по любому направлению** в области библиотечно-информационной деятельности. **Обязательно следует прописать алгоритм:** отразить актуальность исследования, проблемную ситуацию, обусловившую его проведение, цель, задачи, объект, предмет, методологический подход, методы сбора данных, полученные результаты.

3. Современные методы научных исследований в области библиотековедения, библиографоведения, книговедения и информационных систем (по материалам проведенных исследований).

Возможно представление обзорных докладов с примерами использования различных методов.

Будут проведены: сессия стендовых докладов, мастер-классы, выставки-продажи профессиональных изданий, экскурсии по библиотеке, Абакану и его окрестностям.

Координаторы конференции:

- *Артемьева Елена Борисовна* – д-р пед. наук, зав. отделом научно-исследовательской и методической работы ГПНТБ СО РАН, e-mail: artem@spsl.nsc.ru
- *Макеева Оксана Владимировна* – канд. пед. наук, научный сотрудник ГПНТБ СО РАН, e-mail: centre@spsl.nsc.ru
- *Лаврик Ольга Львовна* – д-р пед. наук, проф., зам. директора по научной работе ГПНТБ СО РАН, e-mail: lisa@spsl.nsc.ru
- *Аешина Ольга Владимировна* – зам. директора по развитию Национальной библиотеки им. Н. Г. Доможакова Республики Хакасия, e-mail: aeshina-olga@mail.ru
- *Ермоленко Ирина Ивановна* – зам. директора по библиотечной работе Национальной библиотеки им. Н. Г. Доможакова Республики Хакасия, e-mail: nbdrxirina@rambler.ru

Информация о конференции и регистрационная форма участников размещены на сайте ГПНТБ СО РАН <http://www.spsl.nsc.ru> (раздел научная работа – конференция).

Регистрация участников – до 29 мая 2015 г.

Тезисы доклада (объем – 1 стр. формата А4, кегль 12, Times New Roman) могут быть направлены по электронной почте: centre@spsl.nsc.ru

Тезисы должны включать: Ф. И. О., ученую степень, ученое звание, должность автора, полное название организации, название доклада.

Полные тексты докладов (не более 0,5 п. л. – 20 тыс. знаков с пробелами) принимаются **до 31 июля 2015 г.**

Доклады, не соответствующие концепции конференции, оргкомитет имеет право отклонить.

Материалы конференции будут опубликованы в Трудах ГПНТБ СО РАН (РИНЦ).

Оргкомитет

УДК 378.602:378.1.016:811.111
ББК 78.3р+81.432.1-9

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
БУДУЩИХ ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ НОМЕНКЛАТУРЫ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ)**

© Н. В. Лопатина, М. А. Романюк, 2015

*Московский государственный институт культуры
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, 7*

Рассматривается гармонизация информационно-библиотечного образования и новой номенклатуры направлений профессиональной подготовки, утвержденной приказом Минобрнауки России от 12.09.2013 № 1061 («Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования»). Эта тема связана с одной из наиболее острых и актуальных теоретических проблем современного библиотековедения – определения сущности библиотечной профессии. Цель авторов – показать, что место библиотечной профессии в данном перечне определяется содержанием и направленностью высшего образования в этой области, его компетентностных ориентиров.

Обозначены лакуны подготовки библиотекаря в системе культурологического образования и сложности формирования системного представления о едином информационном пространстве. Раскрыты комплекс научно-библиографических, науковедческих и наукометрических компетенций, профессиональная готовность к работе с отдельными видами информационных ресурсов и категориями пользователей, профессиональное владение арсеналом современных технологий информационно-библиотечного обслуживания.

Особое внимание уделено англоязычной подготовке будущего библиотекаря в вузе. Доказывается, что он должен овладеть иностранным языком не только на уровне общекультурных и профессиональных компетенций, достаточных для общения на профессиональные темы. Помимо этого важно обладать способностью к профессиональной деятельности с информационными ресурсами, осуществлять основные информационные процессы на иностранных языках. Развивается идея формирования новых компетенций, обусловленных расширением традиционного понимания библиотеки, преодолением локальности фонда возможностями и востребованностью удаленного доступа, открытием фондов российских библиотек и информационных центров для зарубежных читателей.

Практическим результатом проведенного исследования выступают формы и методы англоязычной подготовки будущих библиотекарей как информационных специалистов.

Ключевые слова: высшее образование, теория профессионального образования, «Перечень специальностей и направлений подготовки высшего образования», информационно-библиотечная деятельность, информационно-библиотечное образование, профессия, профессиональная структура общества, библиотекарь, содержание обучения, методика обучения, организационно-педагогические условия, иностранный язык в вузе, английский язык в вузе, англоязычные компетенции специалиста.

The paper examines the harmonization of information-library education and a new nomenclature of training directions approved by order of the Ministry of Science and education in Russia 12.09.2013 № 1061 («On the list of specialties and fields of training of higher education approval»). This topic is related to the acutest and most relevant theoretical problem of modern library science, namely to define the essence of the library profession. The purpose of the authors is to show that the library profession place in this list is determined by the content and direction of higher education in this sphere, its competency benchmarks.

The article designates gaps of librarian training in the system of cultural education and the complexity of forming the systemic view on a united information space, reveals the complex of scientific-bibliographic, scientometric competencies, professional readiness to work with certain types of information resources and categories of users, mastering modern technologies of information-library services.

A special attention is paid to the English-language training of the future librarian at the university. It is proved that he should learn a foreign language not only at the level of general cultural and professional competence sufficient to communicate on professional topics. In addition it is important to have the ability for professional work with information resources, to carry out basic information processes in foreign languages. The idea of forming new competences resulting as the expansion of traditional understanding of library, overcoming

the collection locality, opportunities and demand of remote access, opening Russian libraries and information centers collections, information files and flows for foreign readers is developed.

The practical results of the research are forms and methods of English-language training of future librarians as information specialists.

Keywords: higher education, theory of professional education, «List of training directions of in the higher schools», information-library activity, information-library education, profession, professional structure of society, librarian, training content, training technique, organizational-pedagogical conditions, foreign language in higher school, English-language training in higher school, the competence of a specialist in the field of English language.

Актуализация номенклатуры направлений высшего образования – важная задача управления взаимодействием социальных институтов образования и профессии. Изменения функционального и компетентностного содержания профессий, их позиций в профессиональной структуре общества, появление новых профессий и растворение в них прежних, потерявших социальную значимость – закономерные процессы профессионализации¹ всех сфер деятельности. Эти изменения требуют немедленного учета в содержании профессионального образования и, следовательно, должны оперативно отражаться организационно-педагогическими условиями высшего образования, в частности, Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС), учебными планами. Безрезультатность попыток гармонизировать социальные потребности в профессии и содержание подготовки в системе высшего профессионального образования нередко связаны с дисбалансом в организационно-педагогических условиях. Например, на это влияют позиции профессии в перечне специальностей и направлений подготовки высшего образования. То, к какой группе относится направление подготовки, обуславливает содержательные приоритеты, формирование отдельных профессиональных компетенций, развитие профессиональной культуры. Изменение места профессии в перечне специальностей и направлений подготовки высшего образования способно трансформировать содержательный компонент, а также набор и статус дисциплин и компетенций таким образом, что профессиональные станут общекультурными и наоборот. Особенно важны эти перемены становятся для профессий, чьи позиции в профессиональной структуре общества не могут быть определены однозначно, например, библиотечная профессия.

Понимание сущности библиотечной профессии и определение ее места в профессиональной структуре современного общества – актуальная проблема стратегического развития библиотеки в условиях информатизации, когда вероятна ее деформация

¹ Профессионализация в данном случае рассматривается как «процесс последовательного изменения образования профессионального разнообразия...», формирование конкретной профессии в качестве социального института и изменения ее социальных функций в ходе общественного развития [7, с. 76].

как социального института. Изучением этой проблемы занимаются ведущие ученые в области библиотекведения, документоведения, информатики Р. С. Гиляревский, М. Я. Дворкина, В. П. Леонова, Ю. П. Мелентьева, Ю. Н. Столяров, А. С. Чачко и др. [2, 3, 5, 6, 8, 11, 12]. Особое направление этих исследований – определение мест библиотекведения, библиографоведения и книговедения в современной системе наук [1, 10, 11].

В новом перечне специальностей и направлений подготовки, утвержденном приказом Минобрнауки России от 12.09.2013 № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования», информационно-библиотечная деятельность включена, с одной стороны, в укрупненную группу 42.00.00 «Средства массовой информации и информационно-библиотечная деятельность» (раздел «Науки об обществе»), объединившую направления подготовки специалистов² в области информационной деятельности. С другой стороны, эта группа в соответствии с ФГОС «Библиотечно-информационная деятельность» лишилась важного компонента – информационно-библиотечной деятельности, которая была включена в раздел «Искусство и культура» – укрупненную группу 51.03.06 «Культуроведение и социокультурные проекты». Учитывая то, что место библиотечной профессии в данном перечне определяется содержанием и направленностью высшего образования в этой области, компетентностными ориентирами, становится ясно, что именно сейчас формируется образ библиотекаря информационного общества.

Сегодня библиотечное образование находится в точке бифуркации. С одной стороны, библиотечный специалист может готовиться аналогично работнику культуры, в качестве организатора деятельности библиотеки как учреждения культуры. С другой стороны, основная функция социального института библиотеки – удовлетворение информационных потребностей личности и общества. Они связаны не только с деятельностью в сфере культуры (досугом, «свободным» чтением, художест-

² Понятие «специалист» в данном случае обозначает выпускников вуза, успешно освоивших программу одного, двух или всех трех уровней обучения (бакалавриат, магистратура и аспирантура), овладевших необходимыми для профессиональной деятельности компетенциями.

венным развитием, культурно-массовыми мероприятиями) и сохранением культурного наследия.

Информационные потребности возникают в рамках профессиональной, в том числе научной деятельности, социально-политической активности, экономической жизни, взаимодействия с государством, в процессе образования и самообразования. Учитывая усиление информационного компонента во всех видах и отраслях деятельности, потребность в специалисте, организующем доступную и комфортную информационную среду для каждого гражданина, делает поистине государственной задачей подготовку библиотекаря, способного и готового реализовать эту социальную функцию.

Подготовка будущих библиотечных специалистов в рамках раздела «Искусство и культура», группы 51.03.06 «Культуроведение и социокультурные проекты» искусственно ограничивает круг формируемых компетенций только сферой культуры. Неохваченными остаются:

- системные представления о едином информационном пространстве и социальной структуре, которая отражается в нем;
- комплекс научно-библиографических, науковедческих и наукометрических компетенций, в том числе знания и умения в области систематизации и классификации;
- профессиональная готовность к работе с отдельными видами информационных ресурсов, такими как: образовательные, ресурсы экономической и технической информации, патенты и др., с отдельными категориями пользователей, в том числе: учеными и другими специалистами негуманитарных отраслей, читателями школьных и вузовских библиотек и т. д.;
- профессиональное владение современными технологиями информационно-библиотечного обслуживания.

В условиях информатизации это означает снижение адаптивности к неизбежным трансформациям социальных коммуникаций и возможность столкновения с динамикой условий профессиональной деятельности, отсутствие полноценной, а не поверхностной, профессиональной адаптации к информационно-технологическому развитию и риски деградации выпускников в течение 3–5 лет после окончания вуза. Более острым становится вопрос о поливариативности карьеры библиотекаря как одним из мировых ориентиров высшего образования.

Основу готовности библиотекаря как информационного специалиста к эффективной профессиональной деятельности в условиях информационного общества составляет все разнообразие знаний о библиотеке, постигаемое в комплексе знаний о социальных коммуникациях прошлого и настоящего, и роли информации (документа) во всей со-

циальной системе, а не только в ее отдельном фрагменте.

Разработчики «Перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» продемонстрировали высокое понимание социальной значимости библиотеки и уважение к информационно-библиотечной науке и практике, впервые за последние десятилетия выведя их на уровень обозначения укрупненной группы специальностей 42.00.00, обеспечивая высокую степень суверенности в поиске новых ориентиров профессионального информационно-библиотечного образования. Отнести информационно-библиотечное направление высшего образования к этой группе в условиях информатизации целесообразно для развития всех библиотек, в том числе и тех, которые находятся в подчинении органов управления культурой.

В данном случае речь идет о наполнении учебного плана дисциплинами, необходимыми библиотекам разных типов и видов. Опасения вызывает перекоп в сторону культурно-досуговой деятельности и сокращение внимания к информационно-аналитическим компетенциям – основе основ библиотечной деятельности. Это может произойти, если культурологические дисциплины возьмут верх над информационными (что неизбежно в условиях ФГОС), хотя традиции отечественного библиотечного образования всегда предполагали паритетность в их взаимодействии, что отражено в первоначальном отнесении информационно-библиотечной деятельности к суверенной укрупненной группе.

Изменения ожидаются и в содержании отдельных компетенций, в частности, в соотношении их общекультурного и профессионального компонентов. Рассмотрим это на примере англоязычной подготовки будущих библиотекарей в вузе.

Необходимость совершенствовать знания иностранного языка библиотекарями определяется открытостью информационного пространства и доступностью разнообразных информационных ресурсов широким кругам пользователей. Вместе с тем современный пользователь испытывает проблемы, связанные с поиском информации, опубликованной на иностранных языках. Строгость норм зарубежных систем авторского права не всегда понятна российскому читателю, который привык использовать основные поисковые системы для удовлетворения всех информационных потребностей и испытывает проблемы, получая только библиографическую информацию при закрытом доступе к полным текстам.

Уровень владения отечественного читателя иностранными языками, в первую очередь английским, по-прежнему невысок. Это затрудняет обращение отечественных специалистов и массового читателя к достижениям зарубежной науки, практики, культурному наследию, не позволяет интегрировать

результаты научно-исследовательской и творческой деятельности российских авторов в мировое информационное, культурное и образовательное пространство.

В этой ситуации будущий библиотекарь должен овладеть иностранным языком не только на уровне общекультурных и профессиональных компетенций, достаточных для общения на профессиональные темы. Помимо этого важно вести профессиональную деятельность с информационными ресурсами на иностранных языках. Работа с книгой, другими документами, интернет-ресурсами составляют основное содержание профессиональной деятельности информационно-библиотечного специалиста. В основу компетентностного проектирования теории и практика библиотечного образования традиционно ставит готовность к осуществлению основных информационных процессов – созданию информации, аналитико-синтетической обработке, поиску, хранению, передаче. Готовность при этом определяется языковой компетентностью, уровнем владения и родным, и иностранным языком.

Между тем современные организационно-педагогические условия в ходе англоязычной подготовки библиотекаря в вузе не позволяют в должной мере уделить внимание формированию таких компетенций, как готовность:

- к поисковой и информационно-аналитической работе в каталогах и фондах зарубежных библиотек (в режиме удаленного доступа);
- работе с интернет-ресурсами на иностранных языках (в том числе к библиографированию, индексированию, аннотированию и реферированию публикаций на иностранных языках);
- информационно-библиотечному обслуживанию иностранных граждан, в том числе в дистанционном режиме;
- оказанию им электронных справок;
- организации и управлению коллекциями на иностранных языках, в том числе, их отражению в каталогах и других справочно-поисковых системах;
- работе в зарубежных базах и банках данных;
- самопубликациям и депонированию на иностранных языках;
- заключению соглашений, позволяющих организовывать работу читателей в фондах зарубежных библиотек;
- способности к общению с иностранными коллегами в современной системе профессиональных коммуникаций (в том числе в социальных сетях, блогосфере).

Эти новые компетенции обусловлены расширением традиционного понимания библиотеки, преодолением локальности фонда возможностями и востребованностью удаленного доступа. Ранее иностранный язык был необходим библиотекарю

в основном для профессиональной информационной помощи в работе с зарубежными источниками и фондами. Сегодня встает и новая задача: открыть фонды российских библиотек и информационных центров, информационные массивы и потоки для зарубежных читателей, что, несомненно, будет иметь позитивное культурное, экономическое и политическое значение.

Названные выше профессиональные компетенции имеют информационную сущность, что ставит под сомнение возможность их формирования в условиях культурологических приоритетов высшего библиотечного образования.

Новые компетентностные ориентиры предполагают одновременное изменение содержания англоязычной подготовки и методик, форм и средств обучения библиотекарей английскому языку в вузе. В первую очередь, необходимо отразить новые функции и задачи в лексическом наполнении общего курса английского языка вне зависимости от методики, которую использует преподаватель. Например, метод Шехтера, предполагающий освоение иностранного языка подобно порождению речи на родном языке, активно использует ролевые игры, следовательно, при разработке системы учебных заданий преподаватель моделирует разнообразие языковых практик современного библиотекаря, а не только применяет клише типа: «Представьте, что Вам необходимо рассказать своему американскому коллеге о Российской государственной библиотеке».

Задача совершенствования лексико-грамматических компетенций у будущих информационно-библиотечных работников выходит за рамки формирования общекультурных компетенций и трансформируется в проблему подготовки специалистов в процессе изучения иностранного языка в вузе. Овладение общекультурной и повседневной лексикой позволяет будущему информационно-библиотечному специалисту работать с источниками массовой, научно-популярной информации, новостной и художественной информации. Полностью несформированной остается готовность к работе с источниками специальной, в том числе научной, информации на иностранных языках.

Особым направлением оптимизации иноязычной подготовки библиотекаря должно стать формирование способности к работе с источниками специальной информации вне зависимости от их отраслевой принадлежности. Современное информационно-библиотечное образование не ориентировано на отраслевую специализацию, в отличие от библиотечного образования 1980-х гг. В этой ситуации для решения педагогической проблемы формирования готовности будущих информационно-библиотечных специалистов к работе с источниками специальной информации эффективна

методика формирования универсальных информационно-аналитических компетенций, разработанная и апробированная Н. А. Слядневой в 1980–2010-х гг. для работы с информационными ресурсами на родном языке [4, 9]. Методика Слядневой успешно адаптирована нами для англоязычной подготовки будущих библиотекарей.

Кроме того, актуальным становится преподавание ряда предметов на английском языке или организация специализированных модулей, позволяющих формировать готовность к работе с информационными ресурсами на английском языке (например, дисциплины «Мировые информационные ресурсы», «Информационная эвристика», «Информационно-библиотечное обслуживание»). Учитывая важность навыка работы именно с письменной информацией, особое значение приобретает проектная деятельность, связанная с информационными ресурсами на английском языке, в том числе выполнение курсовых работ.

Эффективными являются инновационные активные методы обучения будущих библиотекарей английскому языку: профессиональные экскурсии, посещение выставок, встречи с зарубежными коллегами, студенческие научные конференции и семинары на английском языке, видеоконференции и другие формы коллаборативной работы с молодыми англоязычными коллегами, формирующие прагматическую и социолингвистическую компетенции.

В информационном обществе библиотекарь – это информационный специалист, а уровень его подготовки (профессиональные ресурсы информационной деятельности) – один из базовых параметров современного общественного развития, демонстрирующий готовность к вступлению в информационное общество. Сможем ли мы сформировать этот кадровый потенциал, готовый и способный сохранить и модернизировать библиотеку как социальный институт, вопрос создания рациональных организационно-педагогических условий, выбора ориентира в содержании библиотечного образования.

Литература

1. Берестова Т. Ф. Статус наук документально-коммуникационного цикла в общей системе знаний. Материалы «круглого стола» // Библиотекосведение. – 2007. – № 1. – С. 29–31.
2. Гиляревский Р. С. О Номенклатуре специальностей научных работников // Научная и техническая информация. Сер. 1. – 2006. – № 11. – С. 56–57.
3. Дворкина М. Я. Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. – М. : ФАИР, 2009. – 256 с.
4. Информационно-аналитическая деятельность : сб. программ. – М. : МГУКИ, 2005. – 86 с.
5. Леонов В. П. Библиотечная профессия в контексте двух культур: между Гутенбергом и Интернетом. – URL: <http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?aid=59> (дата обращения 08.09.2014).
6. Лопатина Н. В. Библиотечный специалист в профессиональной структуре информационного общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 1. – С. 160–167.
7. Лопатина Н. В. Информационные специалисты: социология управления / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М. : Акад. проект, 2006. – 203 с.
8. Мелентьева Ю. П. Высшее библиотечное образование. Поиск новой концепции и необратимость перемен // Библиотечное дело–2001. Российские библиотеки в мировом информационном и интеллектуальном пространстве : материалы междунар. науч. конф. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 335.
9. Отраслевое библиографоведение : программа курса для студентов библиотечного факультета / сост. Н. А. Сляднева. – М. : МГУКИ, 1990. – 16 с.
10. Полтавская Е. И. Об обосновании места библиотекосведения в Номенклатуре специальностей научных работников // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 1. – С. 6–14.
11. Столяров Ю. Н. «Документальная информация» в государственной Номенклатуре специальностей научных работников // Научные и технические библиотеки. – 2011. – № 11. – С. 5–13 ; 2012. – № 1. – С. 121–130 ; № 3. – С. 12–19.
12. Чачко А. С. Библиотечный специалист: особенности труда и профессионализации. – 2-е издание. – Киев : Наукова Думка, 1986. – 191 с.

Материал поступил в редакцию 10.09.2014 г.

Сведения об авторах: Лопатина Наталья Викторовна – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой библиотекосведения и книговедения МГИК, тел.: (495) 570-01-44, e-mail: d210.010.01@rambler.ru,

Романюк Мария Александровна – аспирант кафедры библиотекосведения и книговедения МГИК, тел.: (495) 570-01-44, e-mail: mzjamay153@rambler.ru

УДК 021:028:316.77
ББК 78.07+60.562.1

БИБЛИОТЕКА В СОЦИАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ ЧТЕНИЯ

© Т. В. Майстрович, 2015

*Российская государственная библиотека
119019, г. Москва, ул. Воздвиженка, 3/5*

Обосновывается подход к библиотечной деятельности как к одной из общественных практик, реализуемых в рамках социального института чтения. Сопоставление с деятельностью книжных магазинов и архивов позволило выявить основную черту библиотечного дела – организацию общественного пользования документами в актуальном и длительном режимах. Показано, что отдельные компоненты электронной среды (электронные библиотеки, сайты, блоги и др.) включены в эту же социальную практику без процесса институционализации – образования учреждений.

Сделан вывод, что в настоящее время библиотеки не являются монопольной средой реализации социальной практики организации общественного пользования документами.

Ключевые слова: библиотека, библиотечная деятельности, социальный институт, социальная практика, организация использования документов, электронная среда.

The article proves an approach to library activity as one of social practice, realized within a social institution of reading. The main feature of a library science as social practice is revealed in comparison with bookstores and archives activities, which is the organization of public usage of documents in actual and longtime regimes. It shows that separate components of the electronic environment (electronic libraries, sites, blogs, etc.) are included in the same social practice without institutionalization process (forming establishments).

The conclusion is made that nowadays libraries are not the exclusive environment for realizing social practice of public documents usage arrangement.

Keywords: library, library activity, social institute, social practice, arrangement of documents usage, electronic environment.

Современным библиотекосведением проблема библиотеки как социального института рассматривается давно. Наиболее развернуто позиции ученых проанализировал Р. С. Мотульский [1]. Однако после выхода его книги «Библиотека как социальный институт» интерес к проблеме как отдельных ученых, так и научных коллективов не стал меньше [2–4]. В данной статье мы предлагаем несколько иной взгляд на библиотеку и библиотечное дело в контексте социологии.

Как известно, социальный институт складывается для удовлетворения определенной потребности общечеловеческого характера. К базовым потребностям социологи относят: безопасность, продолжение рода, обеспечение жизнедеятельности, образование, решение духовных проблем. Этим потребностям соответствуют социальные институты – государства, семьи и брака, политические, экономические, образования и религии. Не требует специальной аргументации, что функционирование социальных институтов невозможно без обмена информацией. Устойчивости этому процессу на определенном этапе цивилизационного развития добавил механизм фиксирования информации. По сло-

вам исследователей Н. А. Коряковцевой и В. А. Фокеева, письменность способствовала радикальному изменению взаимоотношений человека с миром знаний [5, с. 16]. Эти радикальные изменения обусловлены появлением документа, одновременно возникло чтение – новый способ получения информации.

По мнению Ю. П. Мелентьевой, в каждодневную практику чтение вошло в эпоху позднего Средневековья. К настоящему времени сформировались такие модификации чтения, как учебное, деловое, семейное, досуговое, повседневное и т. д. [6, с. 273]. Не углубляясь в детальное определение чтения, оговоримся, что, с одной стороны, чтение – частный случай получения информации. Но с другой – оно имеет особые качественные характеристики и иной конечный результат, чем получение информации.

На наш взгляд, попытка разделить эти понятия легла в основу системы научно-технической информации (НТИ), когда органы НТИ были ориентированы на удовлетворение информационной потребности, а библиотеки – на потребность в чтении. Данный подход не был в то время осмыслен

теоретически, хотя сейчас эта проблема является весьма актуальной, применительно к процессам, протекающим в электронном документном пространстве.

К основным параметрам, позволяющим говорить о наличии социального института, социологи относят достаточно устойчивый набор факторов:

- совместная деятельность людей, направленная на удовлетворение наиболее общей потребности;
- устойчивое распределение ролей для организации деятельности, необходимой для удовлетворения общей потребности;
- нормативное регулирование деятельности;
- совокупность учреждений, посредством которых происходит определенная деятельность, приводящая к удовлетворению социальной потребности.

Согласно этим признакам, чтение – социальный институт второго порядка, мы рассмотрим его с точки зрения распределения ролей и основных учреждений.

Функционирование института чтения поддерживают создатели текстов, их читатели и трансляторы, выполняющие функции посредников между ними. Значимость этих ролевых групп (социальных ролей) в различные исторические периоды не была равнозначной. На наш взгляд, первоначально доминировали создатели текстов. Вспомним большую роль писцов в древних высокоразвитых государствах, например, в Древнем Египте [7]. Косвенным образом это же подтверждается длительным существованием свитка, который является достаточно удобной формой для написания текстов, но представляет некоторые трудности при его прочтении.

Когда в социальном институте чтения на первое место вышла роль «читателя» (в силу развития экономики, образования, государства, расширения форм общественной активности и т. д.), свиток сменился кодексом, более удобным именно с точки зрения пользователя по целому ряду параметров. Например, восприятие текста значительно эффективнее, если глаз сразу может охватить законченный фрагмент текста [8].

В рамках данной статьи нет возможности подробно останавливаться на ролях создателя и читателя, поскольку наше внимание концентрируется вокруг библиотек – трансляторов (распространителей) в рамках социального института чтения. Создатели текстов выполняют функцию приращения знания в виде готовых текстов, то есть создают объекты для чтения. Задача трансляторов – ввести эти тексты в социальное пространство и организовать их общественное использование. Роль трансляторов, то есть тех, кто осуществляет передачу текстов от одного объекта социального взаи-

модействия к другому, постоянно растет. Мы считаем, что в настоящее время доминируют именно трансляторы.

Механизмом функционирования социального института чтения до недавнего времени служила система учреждений со всеми необходимыми полномочиями, финансовой и правовой базой для своей работы. Мы остановимся на очень ограниченном их круге, поскольку более детально они рассмотрены М. Я. Дворкиной [9].

Учреждения-трансляторы (распространители) образуют две группы. Первая включает тех, кто помогает довести текст созданного произведения (в широком понимании путем опубликования) до тех, кому он так или иначе адресован. Основные учреждения в этой группе – издательства. Задача трансляторов второй группы – доставить готовые к использованию документы до их целевой аудитории. Это реализуется в первую очередь книжными магазинами и библиотеками, а также архивами, но с большими оговорками.

Таким образом, существенная компонента института чтения – организация использования документов, то есть определенные устойчивые формы деятельности, вписанные в существующую структуру общественных отношений (социальные практики). При более глубокой дифференциации можно выделить социальные практики, направленные: на введение текстов (в широком понимании) и произведений в общественное пользование – издание, публикация; распространение готовых объектов для чтения в социальном пространстве.

Углубляя декомпозицию, распространение готовых объектов для чтения в социальном пространстве, обозначим два вида деятельности: доведение текстов до индивидуального пользователя (книжные магазины); организацию временного общественного пользования книгами и иными объектами для чтения (библиотеки, архивы).

Иными словами, перед нами четкие социальные практики¹, при этом вторая (организация временного общественного пользования книгами и иными объектами для чтения) в той или иной мере присутствует практически всем учреждениям, даже не принадлежащим непосредственно социальному институту чтения.

Для ряда учреждений – книжные магазины, библиотеки, архивы – эта функция (направление деятельности, социальная практика) является основной и составляет суть работы. Однако пользование документами необходимо практически во всех сферах деятельности, согласно закону документационного обеспечения любого социального явления и процесса [11, с. 12]. Это особенно заметно

¹ На целесообразность подхода к библиотечному делу как к социальной практике обратил внимание С. А. Басов [10].

на примере высших учебных заведений, для которых деятельность по организации использования документов является включенной в образовательный процесс, то есть поддерживает основное направление деятельности.

Есть группа организаций – клубы по интересам, общества, партийные организации, – для которых предоставление документов в общественное пользование является дополнительной деятельностью, позволяющей более полно и качественно осуществлять основную работу. Наконец, можно выделить учреждения, реализующие данную функцию как факультативную, появившуюся не в процессе естественного развития того или иного явления, а в результате стечения обстоятельств или волевого решения, наличие которой не влияет на качество функционирования учреждения. Наиболее наглядным примером является создание в структуре Министерства связи Информрегистра, выполняющего функции собирания обязательного экземпляра электронных изданий на компакт-дисках.

Часто приходится слышать, что основная функция библиотеки – это сохранение социальной памяти, культуры и т. д. Однако необходимо принять во внимание, что задача сохранения стоит далеко не перед всеми библиотеками. Например, нормативы Международной федерации библиотечных ассоциаций (ИФЛА) и отечественные рекомендации прямо предписывают муниципальным библиотекам обновлять ежегодно фонд на 10%.

Важно ответить на вопрос: для чего библиотеки сохраняют свои документные фонды? Если мы вынесем эту функцию в число приоритетных, получим библиотеку как вещь в себе, «черный ящик», в лучшем случае – музей. На самом деле мы сохраняем документные фонды всегда для их использования, в ряде случаев для пользования будущими поколениями. Таким образом, даже организовав архивное хранение документов, библиотеки все равно работают на поддержание института чтения.

Е. А. Плешкевич рассматривал хранение через призму потребления, что позволило ему выявить присущее архивам хранение как отложенное потребление, а библиотекам – обеспечение длительного потребления находящихся в их фондах документов [12, с. 61].

Следующий параметр для конкретизации деятельности учреждений института чтения – объем обслуживаемой целевой аудитории. Согласно этой градации, библиотеки призваны удовлетворять групповые потребности, в то время как книжные магазины ориентированы на индивидуальный спрос конкретного человека. Можно акцентировать степень актуальности находящихся в ведении учреждения документов. В этом случае библиотеки и книжные магазины сосредотачиваются (в принципе) на документах, сохраняющих свою прямую функцио-

нальность. Со своей стороны архивы организуют сбор, хранение и предоставление тех документов, которые, утратив свою изначальную функцию, перешли в разряд исторических источников.

Значимым в рассматриваемом нами поле является и временной фактор пользования документами, то есть на какой срок тот или иной текст нужен пользователю. По этому признаку можно обозначить две потребности и соответствующие им социальные практики: в постоянном использовании осознанного массива книг, что выражается в их покупке, то есть востребованности книжных магазинов; во временном использовании максимально широкого круга изданий, которая удовлетворяется системой библиотек.

Таким образом, библиотека в социальном институте чтения реализует социальную практику, характеризующуюся: организацией общественного временного пользования документами преимущественно прошедшими процедуру введения в общественный оборот (издание). Со своей стороны книжным магазинам, например, в рамках института чтения присуща социальная практика организации индивидуального постоянного пользования документами (путем их приобретения).

Обозначенные социальные практики, реализуемые различными учреждениями, достаточно четко разделены между классическими учреждениями. Однако электронная среда существенно расширила наше представление о рассматриваемых социальных практиках.

В первую очередь бросается в глаза легкость пересечения, объединения и взаимопроникновения создания документа и различных форм его доведения до пользователей. Подобное когда-то уже имело место. Достаточно вспомнить, что в XIX в. в книгопродавческих лавках печатные издания предоставлялись и для чтения. Весьма подробно ознакомиться с изданием, сделать выписки и даже снять ксерокопии с нескольких страниц можно и в современных книжных магазинах. Но гораздо интенсивнее к многофункциональности стремятся интернет-порталы, совмещая процесс электронного издательства с продажей электронных версий или предоставления их во временное пользование для чтения.

Наглядный пример – деятельность компании «Литрес» (<http://www.litres.ru>), которая выступает публикатором, книжным магазином и читальным залом, предоставляя при этом развернутую систему сервисов.

Таким образом, налицо комплексная реализация социальных практик в одном электронном ресурсе, что говорит об их единстве в рамках одного из социальных институтов второго порядка.

Электронная среда выявила и гораздо более важный факт, а именно то, что институт чтения

может быть реализован и вне организационных структур, то есть учреждений. Речь не только об электронных библиотеках, которые не имеют институционального статуса, но пользуются огромной популярностью и в сфере образования, и в сфере науки, и в сфере повседневности.

Очевидно, что помимо электронных библиотек возможности для чтения предоставляются сайтами, формирующими группы по интересам, познавательными ресурсами, блогами, файлообменниками и еще огромным количеством типов электронных ресурсов. Интернет в принципе является документной средой и местом активного межличностного обмена информацией во всех ее видах и формах. При этом тем, на кого направлена эта социальная практика, абсолютно безразличен правовой статус обнаружения необходимого им текста, отсюда большой спрос даже на нелегитимно созданные интернет-ресурсы. Тем самым заметно активизируется процесс замещения библиотек свободными сетевыми ресурсами, выигрывающими в составе и комфортности оказания услуг. Они уступают классическим библиотекам по тем параметрам, которые в глазах пользователей не являются существенными, – выверенность текстов, классификация, легитимность и ряд других.

В современном институте чтения задействован целый ряд учреждений, неформальных сообществ, частных лиц и т. д. При этом библиотеки, в том числе электронные, уже не являются уникальной средой общественного пользования книгами. Таким образом, мы можем зафиксировать существенные изменения в социальном институте чтения, в том числе доказывающие, что библиотека не социальный институт, ибо ее функции с успехом выполняют даже не учреждения, а такие трудно определяемые в настоящее время объекты, как интернет-сайты.

Подводя итоги, отметим еще раз, что собственно библиотека является учреждением, которое функционирует в рамках чтения как социального института второго порядка, реализуя социальную практику организации временного общественного

пользования документами, прошедшими процедуру введения в общественный оборот.

Литература

1. Мотульский Р. С. Библиотека как социальный институт. – Минск : Белорус. гос. ун-т культуры, 2002. – 374 с.
2. Тикунова И. П. Концептуальная модель современной библиотеки: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2007. – 18 с.
3. Полтавская Е. И. Библиотека: учреждение и/или социальный институт. – М. : Литера, 2009. – 176 с.
4. Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты : проблемно-ориентир. науч. сб. / Рос. гос. б-ка. – М. : Пашков дом, 2013. – 168 с.
5. Коряковцева Н. А., Фокеев В. А. Чтение и образование в информационном обществе : учеб. пособие. – М. : Литера, 2009. – 208 с.
6. Мелентьева Ю. П. Чтение в культуре повседневности. Обыденное чтение как наиболее распространенная современная модификация чтения: к постановке проблемы // Книга в информационном обществе : материалы XIII Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения. – М., 2014. – Ч. 1. – С. 273–276.
7. Коростовцев М. А. Писцы Древнего Египта. – СПб. : Журнал «Нева» : Летний Сад, 2001. – 368 с.
8. Солохьянц О. К. Особенности восприятия текста в электронной форме // Книга в информационном обществе : материалы XIII Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения. – М., 2014. – Ч. 1. – С. 294–296.
9. Дворкина М. Я. Библиотека как социальный институт и учреждение // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты. – М., 2013. – С. 13–30.
10. Басов С. А. Категория «библиотечный социальный институт» в понятийном аппарате библиотекведения // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты. – М., 2013. – С. 31–58.
11. Столяров Ю. Н. Документный ресурс : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М. : Либерея, 2001. – 152 с.
12. Плешкевич Е. А. Социальная миссия библиотеки в контексте информационного направления документального подхода // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты. – М., 2013. – С. 59–77.

Материал поступил в редакцию 03.07.2014 г.

Сведения об авторе: *Майстрович Татьяна Викторовна* – доктор педагогических наук, заведующий сектором НИО библиотекведения, тел.: (495) 695-42-47, e-mail: t-maistr@yandex.ru

УДК 025.5:005.6:027.4(470.23-25)
ББК 78.377+78.002+78.021

ОЦЕНКА БИБЛИОТЕКАРЯМИ КАЧЕСТВА РАБОТЫ ПО ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

© Е. В. Аврамова, 2015

*Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского»
191025, г. Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 46*

Рассмотрена взаимосвязь оценки библиотекарями качества справочно-информационного обслуживания читателей с профессиональной мотивацией. Результаты основаны на анкетировании 199 сотрудников сети публичных библиотек Санкт-Петербурга. Работа проделана в рамках исследования «Повышение квалификации сотрудников публичных библиотек Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга, осуществляющих информационно-библиографическое обслуживание» в 2013–2014 гг.

Ключевые слова: самооценка, библиотекари, персонал, публичные библиотеки, информационное обслуживание, качество, Санкт-Петербург.

The paper examines relationships of the quality estimation of the reference-information service for readers by librarians with professional motivation. Study results are based on the questionnaire survey of 199 employees of the public libraries network in Saint Petersburg. The study has been done in frames of research project «Staff development of public libraries of the corporate network of public libraries in Saint Petersburg executing the information-bibliographic service» in 2013–2014.

Keywords: self-esteem, librarians, staff, public libraries, information service, quality, Saint-Petersburg.

Качество библиотечных услуг и критерии их оценки – одна из самых актуальных тем профессионального сообщества. Повышение качества обслуживания служит важным фактором востребованности библиотеки в обществе. Об актуальности проблемы свидетельствует факт включения библиотечного обслуживания в структуру государственных услуг.

Исследователями отмечены следующие свойства библиотечных услуг: «неосязаемость, гетерогенность, несохраняемость» [4; 15, с. 24]. Результат процесса обслуживания не всегда можно измерить и выразить количественно [14, с. 124]. Критерии оценки качества работы библиотек разрабатывались в 1980–1990-х гг. [5]. К середине 90-х гг. появилось около ста методик и руководств определения эффективности [11, с. 64].

Качество услуг зависит от профессионального уровня сотрудников библиотеки, тесно связанного с системой повышения квалификации. Задачи квалифицированного роста библиотеки решают разными путями: используют образовательный потенциал своего региона (вузы, центры повышения квалификации), организуют собственную систему повышения квалификации. В Санкт-Петербурге Центральная городская публичная библиотека (ЦГПБ) им. В. В. Маяковского является методическим и профессионально-образовательным центром для пуб-

личных библиотек, с 2008 г. объединенных в добровольное профессиональное сообщество – Корпоративную сеть общедоступных библиотек Санкт-Петербурга (КСОБ СПб), насчитывающую 199 библиотек.

В свою очередь эффективность системы повышения квалификации определяется уровнем мотивации специалистов на профессиональный рост. Псковской областной научной библиотекой реализован опыт мотивации специалистов путем повышения квалификации и административной поддержки в форме «персонал – стратегии» [9, с. 39].

Для оценки качества системы повышения квалификации ЦГПБ им. В. В. Маяковского в сентябре 2013 – январе 2014 г. специалистами Управления библиографическими информационными службами проведено исследование «Повышение квалификации сотрудников публичных библиотек КСОБ СПб, осуществляющих информационно-библиографическое обслуживание». В его основе анкета из 23 вопросов, ответы респондентов на которые позволяют анализировать познавательные потребности, уровень мотивации к повышению квалификации и степень заинтересованности в качестве своей работы [3].

Нами обобщены ответы респондентов, касающиеся применяемых специалистами критериев оценки качества своей работы. Полученные ответы позво-

ляют эффективнее организовать обучение различных возрастных групп специалистов с учетом их мотивации и имеют большое значение для внутреннего маркетинга (internal marketing), ориентированного на повышение качества обслуживания [13]. Связь квалификации библиографов и качества информационного, в том числе справочно-библиографического, обслуживания отмечается ведущими специалистами [1].

Респондентам (199 библиографов и библиотечкарей отделов обслуживания) был предложен вопрос: Отслеживаете ли вы качество собственной работы по информационному обслуживанию пользователей? Предлагалось выбрать один из трех вариантов ответа: а) да, как правило; б) я не отслеживаю; в) иное. Конкретизировать форму самооценки должен был вопрос: По каким признакам вы судите о качестве своей работы по информационному обслуживанию пользователей? Предлагались 10 вариантов ответа, которые следовало ранжировать по степени важности (от 1 до 10). Хотя рейтинговые показатели не являются строгой фиксацией признака и дают относительную оценку значимости критериев.

Качество информационного обслуживания может быть выражено с помощью различных критериев. В специальных исследованиях предлагаются количественные методы оценки – число справок, консультаций, библиографических описаний и др. Статистика не показывает действительную полезность выполненной работы. Наряду с количественными показателями используется критерий оперативности. При этом итоговая оценка качества услуги субъективна. Как отмечают исследователи,

она должна определяться через удовлетворенность пользователей [4; 6, с. 32].

В этой статье были предложены критерии оценки с учетом фактора участия потребителя информационной услуги в процессе ее оказания. В рейтинге приведены несколько показателей, связанных с реакцией потребителей. Опыт подобных исследований в музейном деле [13], выставочной деятельности [16], соцуслугах показывает, что в каждом случае учитывается специфика сферы деятельности и вырабатывается собственный инструментарий оценки их качества на основе маркетинговых или психологических методик.

Анкетирование показало склонность сотрудников библиотек к самоанализу и оценке собственной работы. Большинство опрошенных (74%) отслеживают качество своего труда, прочие – нет (но в ответах на другой вопрос они смогли указать приоритеты оценки своей деятельности). При анализе анкет учитывалась профессиональная категория респондентов (библиографы и библиотекари отделов обслуживания). Результаты показали лишь незначительное различие в ответах специалистов.

Результаты ранжирования критериев самооценки по десятибалльной шкале представлены в таблице 1. Место в рейтинге определено по среднему баллу, который был получен методом сравнения балльных оценок в анкетах респондентов. Количественные показатели, в свою очередь, отражают число респондентов, включивших конкретный критерий в число используемых признаков самооценки. Ни один показатель не преодолел рубеж половины ответов (из 199 возможных). Числовые данные говорят о том, что ни один из предложенных критериев

Т а б л и ц а 1

Рейтинг критериев самооценки качества информационного обслуживания

Рейтинговый показатель	Критерий	Число респондентов, признающих данный критерий самооценки
1	Устные и письменные отзывы читателей	96
2	Формирование устойчивой группы постоянных пользователей, которые хотят общаться именно с Вами	89
3	Выполнение сложных запросов	82
4	Личная удовлетворенность от проделанной работы	77
5	Привлечение максимального круга источников информации	64
6	Индивидуальная реакция пользователей (мимика, жесты)	61
7	Повторное обращение пользователей виртуальной справочной службы	46
8	Положительный имидж в профессиональной среде	31
9	Вас выбирают в качестве консультанта коллеги, администрация	33
10	Соответствие нормам времени	17

не является абсолютно признанным в профессиональной среде. Личная профессиональная самооценка неоднозначна и является результатом сложного взаимодействия нескольких критериев.

Согласно общему рейтингу, специалисты в качестве наиболее важных признали критерии 1, 2, которые условно можно объединить в блок «реакции пользователей». В то же время 6-й показатель (индивидуальная реакция пользователей (мимика, жесты)), согласно опросу, не является важным критерием оценки. Это противоречит мнению ряда исследователей [4, 15], утверждавших обратное, хотя и признававших данный критерий косвенным и сложно выразимым в количественном отношении [15, с. 25].

Следующий блок условно можно назвать «профессиональные критерии». Сюда относятся показатели 3–5 «выполнение сложных запросов» (3) и «личная удовлетворенность от проделанной работы» (4) оказались достаточно значимыми для опрошенных, а формальный и поддающийся учету параметр «привлечение максимального круга источников информации», по мнению специалистов, не является ведущим для оценки качества информационного обслуживания, о чем один из респондентов написал: «Привлечение максимального количества источников – это не критерий оценки качества, а обычный способ поиска информации».

Последние места в рейтинге занимают критерии 7–9, которые можно условно назвать «профессионально-имиджевыми критериями». Отношение респондентов к такому важному критерию как «соответствие нормам времени» (критерий 10) будет прокомментировано ниже. Эти результаты оказались несколько неожиданными.

Существенным оказалось деление по стажу работы, соответствующему возрастным характеристикам опрошенных. Было выделено три группы. Специалистов со стажем работы до 5 лет (группа А) и со стажем работы от 5 до 10 лет (группа В) оказалось поровну (по 15% от общего числа опрошенных). Сотрудники со стажем работы свыше 10 лет (группа С) составили самую многочисленную группу респондентов (70% из 199 опрошенных).

Мы предположили, что для специалистов с разным стажем работы важны различные критерии оценки качества информационного обслуживания. Действительно, анализ данных по отдельным возрастным группам респондентов выявил разницу в выборе приоритетных критериев самооценки.

Две равные по количеству респондентов группы А и В по-разному ранжировали некоторые показатели (табл. 2).

Реакция пользователя очень важна для всех респондентов, включая группу С. При этом для молодых специалистов и для группы С устные и письменные отзывы читателей (1-й критерий) занимают

1-е место в рейтинге (очень важны), а для группы В (стаж от 5 до 10 лет) – только 2-е место.

Во всех трех группах 2-й критерий – «формирование устойчивой группы постоянных пользователей, которые хотят общаться именно с Вами» – вошел в тройку лидирующих критериев оценки качества обслуживания: 3-е место в группе А и В, и 2-е место в группе С. 6-й критерий «индивидуальная реакция пользователей (мимика жесты)», условно отнесенный к блоку «реакции пользователей», занял 7-е и 6-е места в группах А и С соответственно. Интересный результат показали респонденты из группы В – для них индивидуальная реакция пользователей выходит на 1-е место. Учитывая, что 2-е и 3-е рейтинговые места в этой группе заняли показатели 1 «устные и письменные отзывы читателей» и 2 «формирование устойчивой группы постоянных пользователей, которые хотят общаться именно с вами», можно предположить, что для этой группы важна реакция окружающих. Специалисты-психологи, возможно, дадут свою трактовку данному рейтингу, нам же рейтинг интересен как один из возможных индикаторов мотивации.

Интересно сравнить результаты рейтингов «профессиональных критериев» 3, 4. Выбор этих показателей в качестве важных говорит об акценте на содержание работы, о важности осознания себя как профессионала. В группе А (стаж до 5 лет) показатель «выполнение сложных запросов» вышел на 4-е рейтинговое место, в группе В (стаж от 5 до 10 лет) он оказался на шестом, а для респондентов группы С (стаж свыше 10 лет) – данный критерий оценки более важен – 3-е рейтинговое место.

Как отмечает Н. В. Рубцова, «выполнение важной, интересной работы» – один из факторов мотивации сотрудников, влияющих на повышение их удовлетворенности условиями работы, что в свою очередь повышает качество обслуживания пользователей [13, с. 239].

Интересно, что для молодых специалистов более значимый показатель «личной удовлетворенности от проделанной работы» (2-е рейтинговое место по сравнению с 5 и 4 местами у специалистов групп В и С соответственно).

Рейтинги «профессионально-имиджевых критериев» в отдельных группах также различаются между собой. Показатель 7 «повторное обращение пользователей виртуальной справочной службы» важен для группы В (стаж от 5 до 10 лет) – 4-е рейтинговое место, не актуален в группах А (9-е место) и С (7-е место). При этом близкий по смыслу критерий 2 – «формирование устойчивой группы постоянных пользователей» – во всех трех группах вошел в тройку наиболее важных для оценки качества. Вероятно, личное общение воспринимается лучше, чем заочная отложенная во времени коммуникация.

Сравнительная таблица рейтингов критериев оценки качества информационного обслуживания для специалистов с различным стажем работы

Рейтинговый показатель	Группа А (стаж до 5 лет)	Группа В (стаж от 5 до 10 лет)	Группа С (стаже свыше 10 лет)
1	Устные и письменные отзывы читателей	Индивидуальная реакция пользователей (мимика, жесты)	Устные и письменные отзывы читателей
2	Личная удовлетворенность от проделанной работы	Устные и письменные отзывы читателей	Формирование устойчивой группы постоянных пользователей, которые хотят общаться именно с Вами
3	Формирование устойчивой группы постоянных пользователей, которые хотят общаться именно с Вами	Формирование устойчивой группы постоянных пользователей, которые хотят общаться именно с Вами	Выполнение сложных запросов
4	Выполнение сложных запросов	Повторное обращение пользователей виртуальной справочной службы	Личная удовлетворенность от проделанной работы
5	Вас выбирают в качестве консультанта коллеги, администрация	Личная удовлетворенность от проделанной работы	Привлечение максимального круга источников информации
6	Привлечение максимального круга источников информации	Выполнение сложных запросов	Индивидуальная реакция пользователей (мимика, жесты)
7	Индивидуальная реакция пользователей (мимика, жесты)	Привлечение максимального круга источников информации	Повторное обращение пользователей виртуальной справочной службы
8	Положительный имидж в профессиональной среде	Положительный имидж в профессиональной среде	Положительный имидж в профессиональной среде
9	Повторное обращение пользователей виртуальной справочной службы	Вас выбирают в качестве консультанта коллеги, администрация	Вас выбирают в качестве консультанта коллеги, администрация
10	Соответствие нормам времени	Соответствие нормам времени	Соответствие нормам времени

Удивительное единодушие проявили все три группы, поставив 8 показатель «положительный имидж в профессиональной среде» на одинаковое 8-е место. Такой низкий рейтинг объясняется следующими факторами: информационное обслуживание не выделяется специалистами (в том числе администрацией библиотек) как важное отдельное направление библиотечного обслуживания (часто рассматривается как сопутствующее, вспомогательное). Библиотеки в последнее время делают акцент на культурно-досуговые формы работы, обеспечивающие большую посещаемость. В то же время информационное (и именно информационно-библиографическое) обслуживание позволяет сохранять библиотеке свою исконную информационную функцию, делает близкими для пользователей все прочие виды услуг.

Критерий 9 – «вас выбирают в качестве консультанта коллеги, администрация» – более важен

для специалистов со стажем работы до 5 лет (5-е рейтинговое место), по сравнению с респондентами старшего возраста (9-е рейтинговое место, табл. 2). Такое различие можно объяснить потребностью профессионального самоутверждения у молодых специалистов. Для респондентов старшего возраста, вероятно, статус личности получателя услуги (читатель, коллега) не существен, важен пользователь как таковой. Об этом говорят высокие рейтинговые показатели в блоке критериев «реакции пользователей». Для них важно выполнить запрос (в том числе и сложный) любого потребителя.

Проведенное исследование дает представление о важности тех или иных критериев оценки качества информационного обслуживания для различных групп библиотечных специалистов. Полученные рейтинги могут стать вспомогательными ориентирами при составлении программ курсов

повышения квалификации и организации самих занятий с учетом специфики мотивации специалистов с различным стажем работы.

Опрос позволил выявить отличия в мотивации специалистов. В свою очередь это позволит найти более убедительные доводы при наборе учебных групп курсов повышения квалификации, формировании учебных планов.

Все респонденты единодушно назвали мало-значительным критерием «соответствие нормам времени». Для специалиста важнее дать полную справку, выполнить более сложный запрос, не считаясь с временными затратами. Данный показатель можно отнести к количественным.

С точки зрения ряда исследователей, оперативность обслуживания – обязательный критерий качества [6, с. 31]. Но это не равнозначно выполнению нормативных показателей. Во всех рейтингах 10 критерий оказался на последнем месте. Как реально действующий показатель качества он не используется. Рекомендуемые межотраслевые нормы времени на библиотечные процессы датируются 1997 г. и давно не отражают реальных потребностей современной практики. Библиотеки самостоятельно разрабатывают экспериментальные нормы времени. Однако говорить об их полноценном применении в повседневной практике работы рядовых специалистов нет оснований.

Показатель «устные и письменные отзывы читателей» не случайно был выбран респондентами как один из основных для оценки качества информационного обслуживания. Удовлетворенность читателя – субъективный критерий, не поддающийся формальному статистическому количественному учету, но он от этого не менее важен.

По гипотезе настоящего исследования, статус специалиста в профессиональной среде рассматривался в качестве значимого критерия самооценки. Между тем 8-й критерий – «положительный имидж в профессиональной среде» – и статус авторитетного консультанта вошли в тройку последних в рейтинге. Исключением – категория молодых специалистов (стаж до 5 лет), у которых 8-й критерий «вас выбирают в качестве консультанта коллеги, администрация» занял 5-е место из 10. Вероятно, для самооценки консультанта гораздо более значимо мнение клиента-пользователя, на которого направлена профессиональная деятельность.

Отметим, что такие, казалось бы, очевидные критерии оценки качества, как грамота, похвала руководителя, материальное поощрение, не были указаны ни составителями анкеты, ни 12 из 199 респондентов, выбравших пункт «Иное». Можно предположить, что эти факторы, безусловно, значимые в карьере специалиста, не воспринимаются напрямую как лично значимые для оценки качества информационного обслуживания.

Если мы изначально утверждаем, что информационное обслуживание – сквозной процесс, обеспечивающий продвижение библиотеки и ее ресурсов в целом, то и оценка качества этой работы должна занимать соответствующее место в числе показателей оценки (административного поощрения). Должная оценка труда и получение новых знаний и навыков являются одними из факторов мотивации персонала, которые в свою очередь влияют на качество информационного обслуживания.

Проведенный анализ определил значимость возможных альтернативных критериев оценки качества информационного обслуживания. Эти показатели позволяют дополнительно оценить качество работы библиотеки, не только на основе статистических данных, но и с точки зрения качественных характеристик.

Литература

1. Авдонина Н. А., Масловская Н. С. Методическое обеспечение справочно-библиографического обслуживания // Библиография. – 2012. – № 1. – С. 65–67.
2. Аврамова Е. В. Есть ли у библиотекарей потребность в повышении квалификации? : предварительные результаты исследования // Библиотечное дело. – 2014. – № 5. – С. 38–40.
3. Аврамова Е. В. Содержание актуальных компетенций в области информационно-библиографического обслуживания в оценке специалистов публичных библиотек Санкт-Петербурга : [докл. на конф. СПбГУКИ «STUDIUM: педагогика высш. шк. Самостоят. работа студентов в условиях формирования единого образоват. пространства», 12 марта 2014]. – В печати.
4. Брежнева В. В. Информационное обслуживание: концепция сервисного развития. – СПб. : Изд-во СПбГУКИ, 2006. – 331 с.
5. Дрешер Ю. Н., Атланова Т. А. Система управления качеством в библиотечно-информационном производстве // Научные и технические библиотеки. – 2005. – № 12. – С. 3–13.
6. Кипа И. Н. Квалиметрия качества библиотечного обслуживания // Научные и технические библиотеки. – 2009. – № 9. – С. 28–40.
7. Лузанова Н. А. Основные подходы в работе с персоналом в системе менеджмента качества в Централизованной библиотечной системе Сургута // Научные и технические библиотеки. – 2013. – № 2. – С. 57–64.
8. Неццет М. Ю. Результаты библиографического поиска: критерии оценки качества и субъективный фактор // Библиография. – 2006. – № 1. – С. 21–25.
9. Павлова В. И. Менеджмент качества в стратегии развития библиотеки // Информационный бюллетень РБА. – М., 2007. – № 42. – С. 36–39.
10. Пономарева Т. А., Супрягина М. С. Качество услуг: качественные параметры оценки // Маркетинг в России и за рубежом. – 2005. – № 1. – С. 47–58.
11. Редькина Н. С. Измерение эффективности работы библиотек // Библиосфера. – 2009. – № 1. – С. 63–72.
12. Рогозин Д. Оценка качества социальных услуг людьми старшего возраста // Менеджмент качества. – 2012. – № 4. – С. 256–277.

-
13. *Рубцова Н. В.* Роль внутреннего маркетинга в обеспечении качества музейных услуг // *Маркетинг услуг.* – 2006. – № 3. – С. 230–243.
14. *Рубцова Н. В.* Эффективность сервисной деятельности в обеспечении маркетинга услуг // *Маркетинг услуг.* – 2011. – № 2. – С. 122–130.
15. *Тикунова И.* Качество библиотечных услуг // *Библиотечное дело.* – 2008. – № 6 (31 марта). – С. 23–26.
16. *Симонов К. В.* Качество выставочных услуг: трактовка, составляющие, оценка // *Менеджмент качества.* – 2014. – № 2. – С. 110–119.

Статья подготовлена на основе материалов исследования, проведенного в 2013–2014 гг.: «Повышение квалификации сотрудников публичных библиотек Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга, осуществляющих информационно-библиографическое обслуживание».

Материал поступил в редакцию 25.11.2014 г.

Сведения об авторе: *Аврамова Елена Викторовна* – главный библиограф управления библиографическими информационными службами, соискатель кафедры Информационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, тел.: (812) 712-57-43, e-mail: avratova@pl.spb.ru

УДК 027.021:37:004(477)
ББК 78.347.8+78.347.57

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА ГНПБ УКРАИНЫ ИМ. В. А. СУХОМЛИНСКОГО КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИНТЕГРИРОВАННОГО ОТРАСЛЕВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА УКРАИНЫ

© Н. В. Варакина, 2015

*Государственная научно-педагогическая библиотека Украины им. В. А. Сухомлинского
04060, Украина, г. Киев, ул. М. Берлинского, 9*

Представлены основные результаты научно-исследовательской работы «Теоретические и научно-практические аспекты создания интегрированного отраслевого информационного ресурса в Государственной научно-педагогической библиотеке Украины им. В. А. Сухомлинского». Описана сформированная система интеграции библиотечных информационных ресурсов на базе ИРБИС64, включающая электронные каталоги, сводные базы данных периодических изданий и диссертаций по вопросам образования, педагогики и психологии, реферативную базу данных по тем же дисциплинам. Важнейшим структурным элементом этой системы стала научно-педагогическая электронная библиотека, состоящая из фонда электронных документов, справочно-поискового аппарата и программно-технологического комплекса. Даны общие принципы ее организации, а также представлены результаты экспериментального внедрения.

Ключевые слова: Государственная научно-педагогическая библиотека Украины им. В. А. Сухомлинского, научно-педагогическая электронная библиотека, интегрированный отраслевой информационный ресурс, полнотекстовая база данных, электронные документы, электронный каталог, электронная коллекция, программное обеспечение, система автоматизации библиотек ИРБИС64, веб-модуль ИРБИС64, система управления электронными коллекциями Digitized Content Visualizator (DC-Visu).

The paper presents main results of research project «Theoretical and practical aspects of creating an integrated branch information resource in V. A. Sukhomlinsky State Scientific-Pedagogical Library of Ukraine». It describes the integration system of library information resources generated on IRBIS64 basis, including electronic catalogs, united databases of periodicals and dissertations on education, pedagogy and psychology, an abstract database on the same subjects. The most important structural element of this system is the scientific-educational digital library consisting of electronic documents collection, reference-retrieval aids and a software complex. The general principles of its organization as well as the results of the pilot implementation are represented.

Keywords: V. A. Sukhomlinsky State Scientific-Pedagogical Library of Ukraine, scientific-pedagogical electronic library, integrated branch information resource, full-text database, electronic documents, electronic catalogue, electronic collection, software, library automation system IRBIS64, web module IRBIS64, electronic collections management system Digitized Content Visualizator (DC-Visu).

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется развертыванием информационно-технологической революции, глобализацией общественных процессов и формированием единого информационного пространства. Информационное общество, ориентированное на интересы людей, развивается на основе широкого использования современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и позволяет каждому человеку создавать и накапливать информацию и знания, получать к ним свободный доступ, пользоваться и обмениваться ими, в полной мере реализовывать свой потенциал, что способствует общественному и личностному развитию и повышает качество жизни [11].

Формирование информационного пространства Украины, модернизация системы информационного

обеспечения отечественной педагогической науки и образования требуют от отраслевых библиотек оптимизации традиционных методов работы с информацией, внедрения новых форм и методов организации информации в электронную среду.

Поэтому Государственная научно-педагогическая библиотека (ГНПБ) Украины им. В. А. Сухомлинского как главный методический и координационный центр сети образовательных библиотек Министерства образования и науки (МОН) Украины и Национальной академии педагогических наук (НАПН) Украины в своих научных проектах целенаправленно разрабатывает теоретические, организационные и методические аспекты инновационных направлений работы, их внедрения как в собственную деятельность, так и в работу библиотек сети.

На протяжении 2011–2013 гг. коллективом ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского проводилась научно-исследовательская работа (НИР) «Теоретические и научно-практические аспекты создания интегрированного отраслевого информационного ресурса в Государственной научно-педагогической библиотеке Украины имени В. А. Сухомлинского». Актуальные цели проводимой работы:

- углубить теоретические, методические и организационные принципы формирования отраслевых электронных ресурсов,
- создать эффективную систему интеграции отраслевого информационного ресурса ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского и сети образовательных библиотек Украины,
- сформировать единое окно доступа к данному ресурсу.

В рамках данной НИР были подготовлены «Концепция создания интегрированного отраслевого информационного ресурса в ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского» и «Концепция научно-педагогической электронной библиотеки» [1, 5]. В этих документах зафиксирована главная цель создания интегрированного ресурса: отображение структуры знаний по вопросам педагогики и образования и обеспечение к ним равного доступа для всех участников образовательного процесса независимо от их статуса и места пребывания. Кроме того, указаны виды интегрированных ресурсов (электронные библиотеки (ЭБ), сводные и распределенные библиографические и реферативные базы данных (БД), корпоративная каталогизация, корпоративные библиотечно-информационные системы) и дано определение интегрированного отраслевого информационного ресурса (ИОИР) – аккумулярованные отечественные и зарубежные электронные ресурсы по вопросам педагогики, психологии и образования, специализированные, персонифицированные БД научной информации, к которым будет предоставляться доступ пользователям благодаря соответствующему программному обеспечению [8].

Система автоматизации библиотек ИРБИС64 современными специалистами признается одним из самых доступных для библиотек Украины решением интеграции библиотечных информационных ресурсов.

Библиографические записи (БЗ), созданные библиотечными специалистами, могут многократно использоваться для служебных и информационных целей. Структура записей для всех БД предполагает совместимость основных поисковых элементов метаописаний (авторы, название, год издания, ключевые слова, предметные рубрики, индексы УДК). Это формирует единое информационное пространство библиотеки, позволяет разрабатывать комплексные профильные и специализированные информационные ресурсы с интегрированным поис-

ковым аппаратом и пользовательским интерфейсом. ИРБИС предлагает средства корпоративной каталогизации, интегрированные в модуль (АРМ) «Каталогизатор», и использует Google-подобный интерфейс для быстрого поиска элементов библиографического описания [10]. Для подключения собственного каталога в систему корпоративной каталогизации библиотеке необходимо иметь доступ в Интернет и онлайн-каталог, реализованный средствами WEB-ИРБИС или J-ИРБИС. Кроме того, система располагает средствами распределенного поиска в каталогах библиотек через протокол Z39.50 [6, 9].

Комплексный подход к формированию информационно-библиографического сервиса создает значительные преимущества для пользователей, поскольку поиск идет во всех БД одновременно – на один поисковый запрос приходится целый пакет необходимой справочной информации: записи из электронного каталога (ЭК) о наличии источников, в том числе полных текстов документов в ЭБ, ссылки на соответствующие веб-ресурсы, записи из сводных БД.

С 2006 г. ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского занимается комплексной автоматизацией библиотеки на платформе ИРБИС. Так, ЭК главной педагогической библиотеки Украины систематично пополняется новыми БЗ. На 1 января 2014 г. общий объем ЭК насчитывает 236 225 БЗ, в том числе БД «Книги» – 67 678; «Периодика» – 151 202; «Редкие книги» – 4002; «Библиотечное дело» – 3180.

С 2013 г. совместно с ведущими библиотеками сети ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского формирует сводные БД, которые представлены на веб-портале библиотеки:

- «Сводная БД периодических изданий», на которые подписываются образовательные библиотеки Украины, в частности ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского, библиотеки учреждений НАПН Украины и вузов III–IV уровня аккредитации педагогического и инженерно-педагогического профиля;
- «Сводная БД диссертаций по вопросам образования, педагогики и психологии», хранящихся в образовательных библиотеках Украины, в частности ГНПБ им. В. А. Сухомлинского, библиотеках учреждений НАПН и вузов III–IV уровня аккредитации педагогического и инженерно-педагогического профиля на 1 января 2014 г. насчитывает 7790 БЗ.

Реферативная база данных (РБД) по вопросам педагогики, психологии и образования, формируемая как отраслевой сегмент общегосударственной РБД «Украиника научная» под руководством Института проблем регистрации информации Национальной академии наук Украины и Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, содержит рефераты на 2120 статей из периодических

и продолжающихся изданий. В ее создании с 2007 г. принимают участие ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского совместно с 17 ведущими библиотеками сети, которые предоставляют реферативную информацию из 20 периодических и продолжающихся изданий.

Для расширения возможностей информационного поиска пользователей в 2013 г. на веб-портале библиотеки представлены «Распределенные БД ИРБИС-корпорация». Эта система осуществляет поиск по БД ЭК других библиотек, но только тех, что имеют веб-модуль ИРБИС. На 1 января 2014 г. подключено 13 библиотек, в том числе ЭК Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, ГНПБ им. К. Д. Ушинского Российской академии образования и др.

Электронная библиотека – это важный интегрированный ресурс, который обеспечивает доступ к социально значимой информации научного, образовательного и культурного характера. Под электронной библиотекой подразумевают «распределенную информационную систему, что позволяет надежно сохранять и эффективно использовать разнородные коллекции электронных документов¹ (ЭД) (текст, графика, аудио, видео и т. д.), представленные в виде цифровых наборов данных, через глобальные сети передачи данных в удобном для конечного пользователя виде» [12, с. 325].

Назначение любой ЭБ – удовлетворить определенный сегмент информационных потребностей пользователей наиболее подходящими для их специфики методами на основе организованного массива ЭД, сформированного по соответствующим критериям, а отраслевой ЭБ – создать модель предметной области.

Научно-педагогическая ЭБ (НПЭБ) является составной частью ИОИР ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского, формируется на ее материально-технической базе, функционирует в ее локальной сети, доступ к которой предоставляется в онлайн-режиме, а также через веб-портал библиотеки. Электронная библиотека состоит из фонда электронных документов, справочно-поискового аппарата и программно-технологического комплекса.

Фонд электронных документов (ФЭД) – это интегрированный информационный ресурс отраслевой направленности, который является совокупностью ЭД на многих языках мира, предназначается для онлайн-использования. Основное содержание ФЭД составляет литература по вопросам образования, педагогических наук и психологии, публикации из смежных отраслей знаний и библиотечного дела.

¹ Под электронным документом понимается документ, информация в котором представлена в форме электронных данных и для использования которого необходимы технические средства [2].

Состав ФЭД:

- ЭД, которые поступают в ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского в качестве обязательного бесплатного экземпляра отечественных документов отраслевой тематики;

- электронные аналоги печатных изданий отраслевой тематики из фонда ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского, созданные с использованием современных технологий оцифровки документов;

- ЭД, подготовленные сотрудниками ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского согласно научным планам;

- ЭД, подготовленные сотрудниками институтов НАПН Украины, сети образовательных библиотек МОН Украины и НАПН Украины и других учреждений Украины и зарубежья, в частности психолого-педагогического и гуманитарного профиля.

Для размещения в НПЭБ ЭД принимаются на любых машиночитаемых носителях, в текстовых и графических форматах. Интернет-ресурсы могут стать источником пополнения фонда библиотеки, если соответствуют тематическим, видовым критериям отбора, а библиотека имеет программы-клиенты для их использования. При этом объектами комплектования не становятся ресурсы, содержащие определенную действующим законодательством вредную информацию, а именно: порнографию, призывы к насилию, разжигание расовой и международной розни и т. п.

В целях сохранности документов ФЭД структурно делится на пользовательский фонд, в котором хранятся документы в форматах pdf, djvu, mp3 и т. п.; и архивный фонд (электронный архив) – архивные копии в форматах хранения tiff, jpg, wav и т. п.

Фонд ЭД формируется как система, структурной единицей которой служит коллекция как наиболее распространенная форма организации информационных ресурсов в таких системах. Коллекции организованы по тематическим, видовым или целевым признакам. В процессе их формирования соблюдаются принципы систематизации коллекции, обеспечивается полнота и непротиворечивость ресурсов. Коллекции являются открытыми, то есть могут пополняться. Для определения их состава используются два метода: путь явного задания – статические коллекции и неявного – динамические коллекции [4].

Фонд ЭД НПЭБ формируется по трем тематическим направлениям: образование, педагогические науки; психология; библиотечное дело и организован в виде коллекций и рубрик (рис. 1):

- Книжные памятники, в частности книги и периодические издания до 1917 г., включающие документы отраслевого направления психолого-педагогического профиля (история народного образования

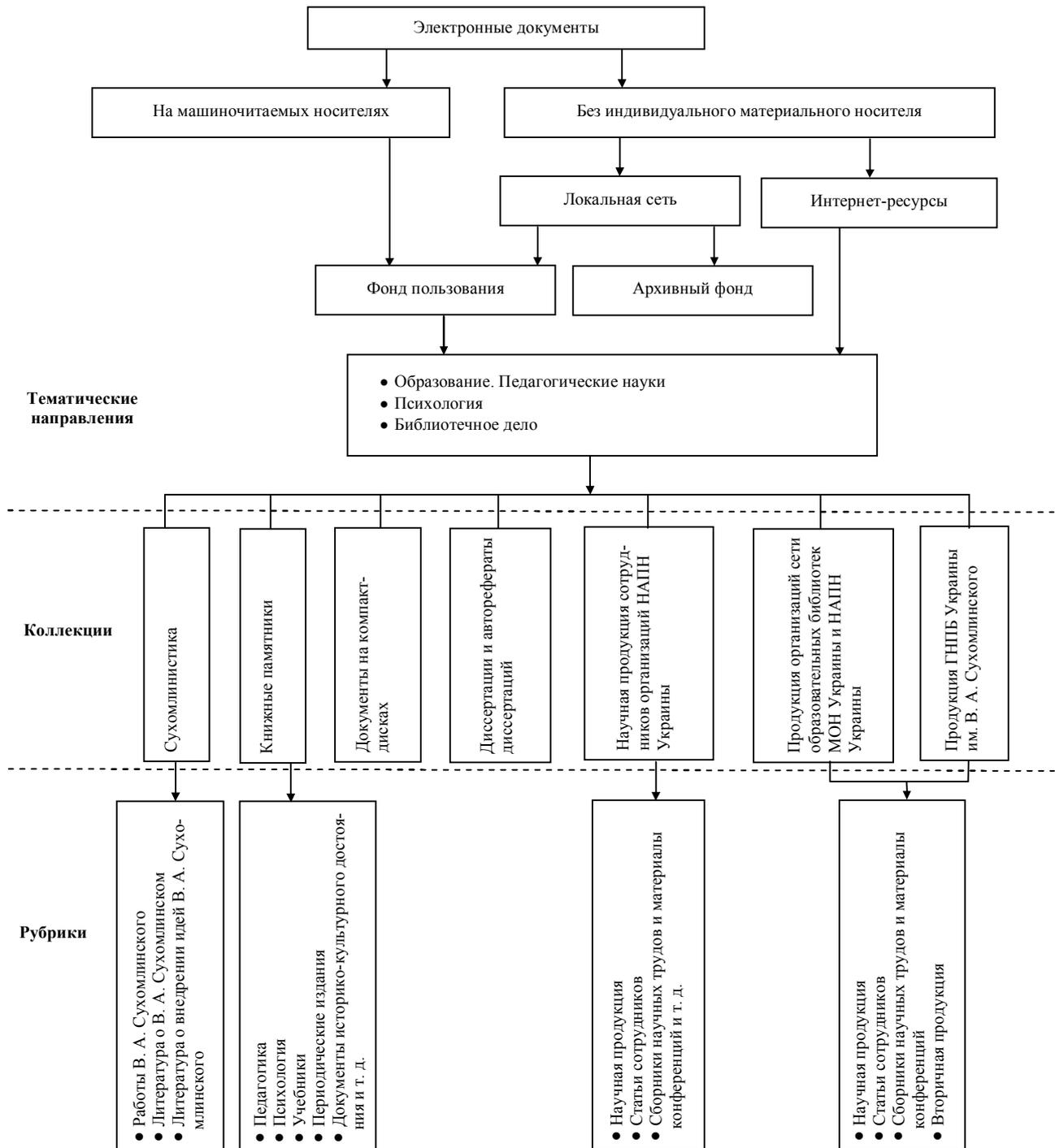

Рис. 1. Структура ФЭД

и педагогической мысли, организация народного образования и реформа школы, организация и методы педагогических исследований, вопросы педагогической психологии, учебники и т. д.).

- Сухомлинистика (работы В. А. Сухомлинского и литература о нем).
- Диссертации и авторефераты диссертаций отраслевой направленности.
- ЭД на компакт-дисках.

- Продукция ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского (инструктивно-нормативные и методические материалы, указатели, научные труды, отдельные статьи).

- Научная продукция сотрудников научных институтов НАПН Украины.

- Продукция ведущих библиотек сети образовательных библиотек МОН Украины и НАПН Украины (указатели, научные труды, отдельные статьи).

На 1 января 2015 г. НПЭБ содержит 1799 документов, из них: книжные памятники – 1052 документа; Сухомлинистика – 210; продукция ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского – 32; продукция сети образовательных библиотек МОН Украины и НАПН Украины – 9 монографий; другие документы – 359; БД диссертаций (в локальной сети) – 137 документов.

Справочно-поисковый аппарат (СПА). С целью управления формированием, функционированием и обеспечением хранения НПЭБ создаются наборы описательных (библиографических), структурных, административных и других метаданных. Основу формирования массива библиографических описаний ЭД, обеспечивающих многоаспектный поиск, составляют записи библиографических БД ЭК в формате RUSMARC, научная обработка ЭД осуществляется согласно действующим стандартам, правилам и инструкциям. Специальные наборы метаданных обеспечивают структурирование, администрирование НПЭБ, взаимодействие ее элементов, поддержку сервисов и режима доступа и могут создаваться автоматически в процессе формирования и использования фонда НПЭБ. Полнотекстовый поиск осуществляется только в отдельном модуле ИРБИС64 «Полнотекстовый», размещенном в локальной сети ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского.

Программно-технологический комплекс (ПТК) выполняет полный технологический процесс – сбор, накопление, обработку, хранение и обновление данных, а также управляет этим процессом. Программно-технологический комплекс состоит из следующих трех систем: хранения данных, распростра-

нения информации и администрирования. Основа ПТК – ИРБИС64, для просмотра ЭД используется модуль системы управления электронными коллекциями DC-Visu.

Одна из важнейших задач при создании ЭБ – предоставление пользователям доступа к информации. Доступ к НПЭБ со второй половины 2013 г. осуществляется в онлайн-режиме через веб-интерфейс системы автоматизации библиотек ИРБИС64 на портале ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского, АРМ «Читатель» в локальной сети библиотеки, через выдачу компакт-дисков в медицентре главного помещения и читальных залах (для просмотра на оборудованных рабочих местах) и через службу электронной доставки документов в рамках действующего законодательства Украины.

Портал ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского представляет собой комплекс статических и динамических веб-страниц двух типов: информационных и сопроводительных – служебных (рис. 2).

Комплекс информационных страниц – это собственно контент библиотеки (содержание всех введенных в библиотеку информационных объектов), он имеет структуру, соответствующую информационной структуре библиотеки. Комплекс сопроводительных страниц представляет навигационный и сервисный аппарат сайта. Корневой в иерархии веб-страниц является главная страница. Она служит главным входом в НПЭБ. Ее функции: репрезентация главных целей НПЭБ; информирование о составе и структуре НПЭБ; доступ к основным функциональным возможностям (навигация, поиск, обратная связь и т. д.); информирование о новых поступлениях.

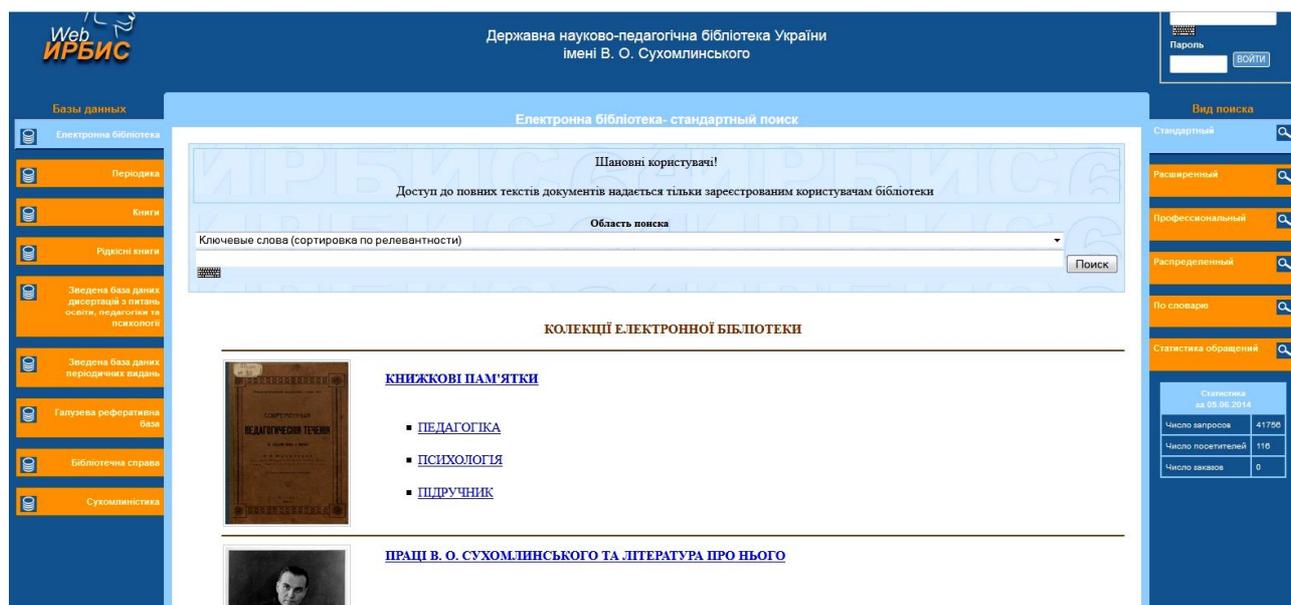

Рис. 2. Интерфейс НПЭБ

Основу НПЭБ составляют сервисы поиска и просмотра, обеспечивающие навигацию по информационным ресурсам. Поиск предусмотрен стандартный и расширенный с применением фильтров. Для перехода к просмотру документа используется одно из средств выбора: указатели авторов и заглавий, рубрикаторы, список новых поступлений, поисковый запрос. В библиографическом описании каждого документа есть ссылка на его полный текст.

Все посетители портала ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского могут свободно искать и просматривать аннотации и рефераты докумен-

тов. Доступ к полным текстам ЭД НПЭБ предоставляется авторизованным пользователям библиотеки. Механизм аутентификации для этой группы сервисов предусматривает предварительное введение имени и пароля пользователя. Ограничения на доступ к полным текстам и их копирование вводятся в соответствии с Законом Украины «Об авторском праве и смежных правах» [7].

Режим просмотра полных текстов документов без возможности их копирования обеспечивается программой DC-Visu (рис. 3).

За 2014 г. НПЭБ посетило 7657 пользователей.

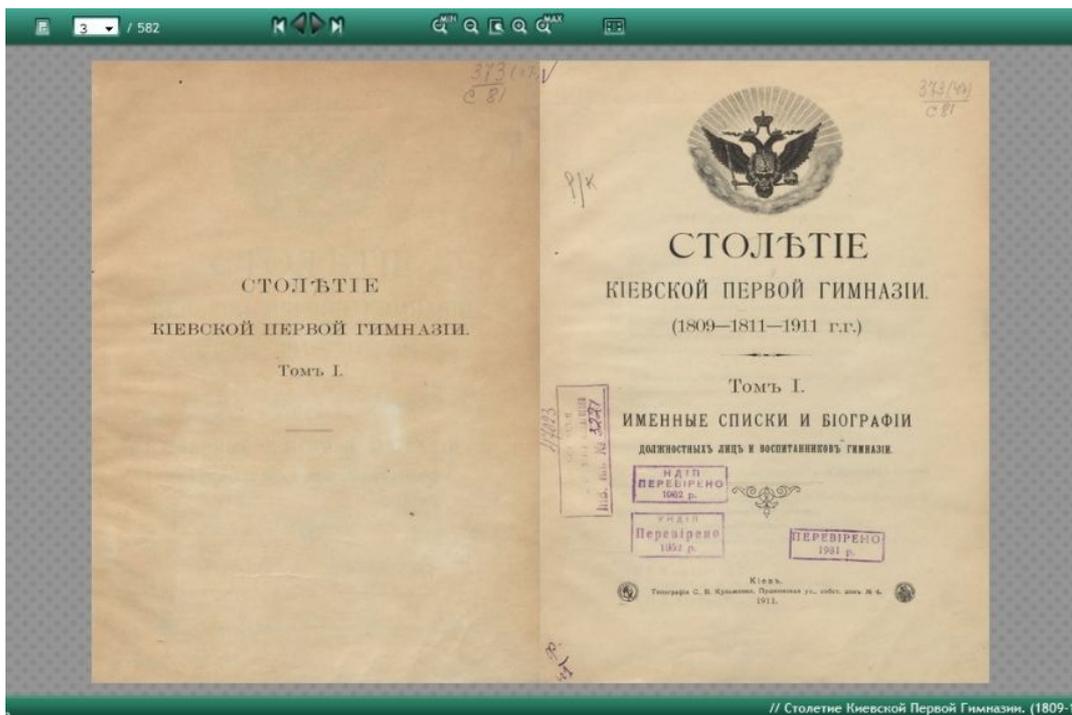

Рис. 3. Просмотр документов в DC-Visu

* * *

Многолетние традиции кооперативной работы в библиотечной среде создают условия для интеграции информационных ресурсов библиотек с целью создания единого информационного пространства. Современные библиотечные системы предлагают различные средства поддержки интеллектуальных библиотечных инструментов и метаданных современных объектов. Создание НПЭБ на базе ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского – актуальный инновационный проект, способствующий информационному обеспечению современного образования на базе сохранения и развития опыта отечественной педагогики.

Благодаря созданию НПЭБ в ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского сохраняется научное наследие Украины и отечественный опыт в области

педагогики и психологии (через создание депозитарного фонда электронных копий печатных оригиналов). Педагогам предоставляется удобная среда для активной, творческой работы путем интеграции отраслевых информационных ресурсов. Повышается эффективность научных исследований, учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях Украины. Растет информационная культура ученых, педагогов, аспирантов и студентов. Становится возможной эффективная обратная связь с пользователями.

Результатами создания интегрированной информационной системы становятся:

- адекватное отражение структуры современного знания в области педагогики, психологии, образования и смежных отраслей знаний, а также

библиотековедения, библиографоведения, книговедения и информационной деятельности;

- доступ к полным текстам актуальных работ современных украинских и зарубежных педагогов (научные статьи, монографии, учебники, методические материалы и др.), трудам классиков педагогической, психологической науки и научной продукции сотрудников ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского;

- возможность обращаться к разнородным электронным документам из одной точки в единой поисковой среде благодаря общему интерфейсу;

- достижение качественно нового уровня полноты и оперативности удовлетворения информационных потребностей специалистов сферы образования Украины, ученых НАПН Украины, работников библиотечно-информационной сферы за счет использования современных ИКТ;

- повышение уровня индекса цитируемости работ сотрудников учреждений НАПН Украины;

- координация научной деятельности сети образовательных библиотек в организации информационного обслуживания пользователей;

- создание корпоративной ЭБ совместно ГНПБ Украины им. В. А. Сухомлинского и сетью образовательных библиотек МОН Украины и НАПН Украины;

- дальнейшее развитие научных связей с ведущими учеными сферы образования Украины и мира.

Литература

1. *Вараксіна Н. В.* Концепція науково-педагогічної електронної бібліотеки Державної науково-педагогічної бібліотеки України імені В. О. Сухомлинського / наук. ред. П. І. Рогова ; НАПН України, ДНПБ України ім. В. О. Сухомлинського. – Вінниця : Нілан-ЛТД, 2013. – 24 с.
2. ДСТУ 7157:2010 Інформація та документація. Видання електронні. Основні види та вихідні відомості / Держспоживстандарт України. – Вид. офіційне. – Чинний від 2010.07.01. – Київ, 2010. – 17 с.

3. *Ковальчук Г. І.* Книжкові пам'ятки (рідкісні та цінні книжки) в бібліотечних фондах / Нац. акад. наук України, Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського, Ін-т укр. кн. – Київ : НБУВ, 2004. – 643 с.
4. *Когаловский М. Р.* Научные коллекции информационных ресурсов в электронных библиотеках // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, коллекции электронных ресурсов : сб. тр. Первой Всерос. науч. конф. RCDL'2009, Санкт-Петербург, октябрь 1999. – URL: <http://redl.ru/proceedings.php?year=1999> (дата обращения: 18.12.2013).
5. Концепція створення інтегрованого галузевого інформаційного ресурсу в Державній науково-педагогічній бібліотеці України імені В. О. Сухомлинського / [П. І. Рогова, Ю. І. Артемов, Н. В. Вараксіна, І. Г. Лобановська ; наук. ред. П. І. Рогова ; НАПН України, ДНПБ України ім. В. О. Сухомлинського. – Вінниця : Нілан-ЛТД, 2013. – 20 с.
6. *Лобузина Е. В.* Интернет-комплекс научной библиотеки как средство интеграции информационных ресурсов // Научные и технические библиотеки. – 2012. – № 12. – С. 20–27.
7. Про авторське право і суміжні права : закон України № 3792-12 від 12.12.1993 // Відомості Верховної Ради України. – 1994. – № 13. – Ст. 64.
8. *Рогова П. І.* Інтеграційні процеси у діяльності освітнянських бібліотек МОН України і НАПН України в умовах інформатизації // Інформаційні технології і засоби навчання. – 2013. – Т. 38, № 6. – С. 217–233. – URL: <http://journal.iitta.gov.ua/index.php/itlt/article/view/937/700#.UvC28vvcqSE> (дата обращения: 08.05.2014).
9. Система автоматизации библиотек ИРБИС64: общее описание системы. – М. : ГПНТБ России, 2004. – 259 с.
10. *Соколинский К. Е.* Новые подходы к каталогизации заимствованием в ИРБИС-корпорации // Научные и технические библиотеки. – 2010. – № 1. – С. 96–102.
11. Стратегія розвитку інформаційного суспільства в Україні : схвалено розпорядженням Кабінету Міністрів України № 386-р від 15.05.13 // Відомості Верховної Ради України. – 2013. – № 44. – С. 79. – Ст. 1581.
12. Глумачний словник з інформатики = Computer science glossary / Г. Г. Півняк, Б. С. Бусигін, М. М. Дівізінюк [та ін.] ; за заг. ред. Г. Г. Півняк ; Нац. гірн. ун-т. – 2-ге вид., переробл. і доп. – Дніпропетровськ : Нац. гірн. ун-т, 2010. – 600 с.

Матеріал поступив в редакцію 28.11.2014 г.

Сведения об авторе: *Вараксіна Наталья Владимировна* – заведуючий відделом науково-технічного забезпечення і впровадження комп'ютерних технологій, тел.: 10380 (44) 239-11-02, 10380 (44) 440-35-48, e-mail: varaksina@bigmir.net

УДК 027.7:001.8
ББК 78.347.61+78.606+78.349.5

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК ФАКТОР РОСТА ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

© Т. В. Еременко, 2015

*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46*

Обосновывается актуальность новой функции современной вузовской библиотеки, которая связана с поддержкой публикационной активности учебного заведения. Охарактеризованы основные направления реализации данной функции, приведены примеры из опыта отечественных и зарубежных вузовских библиотек.

Ключевые слова: вузовские библиотеки, публикационная активность, функции библиотек.

The article shows actuality of a new function of a modern university library supporting publication activity of the institution. The ways of the function realization are described and illustrated by experiences of domestic and foreign libraries.

Keywords: university libraries, publication activity, library functions.

Современные вузовские библиотеки, как и все остальные типы библиотек, сейчас проходят в своем развитии сложный этап. Проверке подвергаются сущностные основания библиотечной деятельности, осмысливается сам феномен библиотеки и ее будущее. Настоящий период в библиотечном деле можно назвать «кризисом идентичности», главная характеристика которого – отсутствие у библиотек ясного представления о собственной роли в современном обществе. В такой период, чтобы прогнозировать стратегические направления дальнейших действий, важно тщательно оценить сильные и слабые стороны социального института.

Сильные и слабые стороны вузовской библиотеки определяются спецификой ее типа. *Сильной стороной* следует считать то, что вузовская библиотека интегрирована в целостный организм учебного заведения, живет его проблемами и задачами. Это снижает остроту переживания кризиса идентичности, так как вуз ставит перед своей библиотекой конкретные цели и тем самым определяет стратегические направления ее работы. Принадлежность к вузу означает и более высокую степень социальной защищенности по сравнению с публичными и специальными библиотеками, поскольку наличие библиотеки в вузе – условие лицензирования и аккредитации его деятельности.

В то же время сильные стороны могут стать слабостью вузовской библиотеки, если она работает «по старинке», не стремится двигаться вперед, ста-

новится так называемой заповедной страной, тихим забытым уголком в вузе. Соответственно, руководство начинает рассматривать ее наличие лишь как обязательное условие для существования вуза. Такое отношение логично оправдывает политику минимальных затрат на содержание вузовской библиотеки.

Поддержка публикационной активности вуза

Полноценное осознание вузовской библиотекой своей сопричастности учебному заведению ведет к принятию ею на себя новых функций, так как принадлежность к системе образования означает сегодня готовность к постоянным изменениям. Как уже отмечалось ранее, вузовским библиотекам не нужно специально ничего изобретать и выстраивать искусственные концепты своего будущего. Их направления деятельности органично связаны с современными задачами, встающими перед вузом, – главным внешним системообразующим фактором в развитии библиотеки этого типа. Вузовской библиотеке принципиально важно уяснить эти задачи как свои и интегрировать их в библиотечный функционал.

В связи с вышесказанным обратимся к такому достаточно новому направлению работы, осваиваемому сегодня отечественными вузовскими библиотеками, как поддержка публикационной активности своих вузов. Уточним, что понятие «публикационная активность организации» охватывает показатели

количества публикаций и индексов цитирования авторов, в трудах которых идентифицируется принадлежность этих авторов к данной организации. Индекс цитирования – это показатель авторитетности автора, измеряющийся частотой цитирования его трудов.

Сегодня публикационная активность вуза является важнейшим показателем его научной репутации. Именно показатели публикационной активности в международных базах данных (БД) Web of Science и Scopus (в качестве дополнительных также привлекаются данные из Web of Knowledge, Astrophysics, PubMed, Mathematics, Chemical Abstracts, Springer, Agris и GeoRef), а также в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ):

- выступают критериями отбора вузов и отдельных ученых для участия в федеральных целевых программах и получения грантов от научных фондов;
- влияют на получаемые вузами государственные задания в сфере научно-исследовательской деятельности;
- определяют рейтинг учебных заведений в ежегодном мониторинге эффективности вузов.

Публикационная активность в настоящее время – показатель действия государственной научной политики. Указом Президента от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (раздел 1, п. «г») предусматривается: «увеличение к 2015 г. доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных “Сеть науки” (Web of Science), до 2,44%» [8].

В связи с вышесказанным понятно, насколько востребован вклад вузовской библиотеки в рост публикационной активности учебного заведения. Более того, есть основание утверждать, что ряд отечественных вузовских библиотек уже рассматривают такую деятельность как свою важную функцию.

Так, на сайте Российской библиотечной ассоциации (РБА) в обзоре материалов IV Всероссийской научно-практической конференции «Информационные технологии в медицинских библиотеках» (23–27 октября 2012 г.) отмечается, что «... большой резонанс среди вузовских библиотек вызвало выступление М. В. Тереховой о мониторинге публикационной активности ученых вуза, в котором в качестве новой функции современной библиотеки была определена ее роль в повышении индекса цитирования ученых» [5].

В информации об Общероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию научной библиотеки Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, 26–27 ноября 2013 г.), сообщается о специальной секции «Биб-

лиотека и публикационная активность авторов вуза» [1]. На секции, в частности, обсуждались доклады «Технологические вопросы выявления и учета публикационной активности авторов университета» и «Современные библиометрические индикаторы в науке – помощь при мониторинге публикационной активности ученых вуза». В сообщении о проведенном 25–26 июня 2014 г. заседании регионального методического совета библиотек вузов Западной Сибири «Вузовские библиотеки Западной Сибири – актуальные вопросы практической деятельности» отмечен в числе обсуждавшихся доклад И. В. Котовой «Публикационная активность университета: роль библиотеки. Первые шаги. Первые итоги. Алгоритм на завтра» [4].

Еще один пример: в материале об опыте работы библиотеки Тихоокеанского государственного медицинского университета, размещенном на сайте Дальневосточного федерального университета, сообщается, что в рамках Дня молодого ученого – 2013 внимание привлекла презентация И. Г. Косенковой «Мониторинг публикационной активности ученых вуза» [6].

Реализация функции поддержки публикационной активности

Проиллюстрируем основные направления, в которых современная вузовская библиотека реализует функцию поддержки публикационной активности своего учебного заведения, примерами из опыта отечественных и зарубежных вузовских библиотек.

Консультационная помощь. Сотрудники вузовских библиотек консультируют преподавателей и сотрудников вуза по вопросам использования российских и международных баз данных научного цитирования, в том числе:

- по поиску публикаций авторов;
- присоединению публикаций и ссылок к авторскому профилю;
- идентификации организации в публикациях автора;
- определению индекса цитируемости и индекса Хирша автора;
- определению импакт-фактора журналов, в которых публикуется автор.

Консультации оказываются при непосредственном общении, через виртуальную справочную службу и по электронной почте. Одним из примеров может служить работа сотрудников научной библиотеки им. Н. Н. Страхова Белгородского государственного национального исследовательского университета (НБ им. Н. Н. Страхова БГНИУ) (см. раздел «Консультационные услуги на сайте библиотеки <http://library.bsu.edu.ru/library/scwork/publ>).

Информационная поддержка. Сайты ряда вузовских библиотек сегодня имеют специальные раз-

дела, посвященные публикационной активности. В качестве примеров назовем уже упоминавшийся выше сайт НБ им. Н. Н. Страхова БГНИУ; сайты научной библиотеки Новосибирского государственного технического университета (www.nstu.ru); библиотеки Уфимского государственного нефтяного технического университета (УфГНТУ) (www.rusoil.net); научно-технической библиотеки Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (НТБ КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева) (www.Kuzstu.ru).

Библиотечные специалисты создают и размещают на своих сайтах аннотированные списки БД научного цитирования, методические рекомендации по работе с такими базами, словари терминов. Например, список «Международные и отечественные базы цитирования» на сайте библиотеки УфГНТУ, «Термины и определения» на сайте научной библиотеки им. Н. Н. Страхова БГНИУ, раздел «Методы повышения публикационной активности» на сайте НТБ КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева.

Образовательные услуги. На базе вузовских библиотек организуются обучающие семинары и тренинги по работе с БД научного цитирования и улучшению показателей публикационной активности авторов. Активно в этом направлении действуют западные вузовские библиотеки. Остановимся для примера на обучающих семинарах, проводимых библиотеками Государственного университета Райта (США) и библиотеками Государственного университета Миссисипи (США).

Объявления на сайте библиотек университета Райта сообщают о записи на семинары по таким темам, как: «Оценка публикационного портфолио преподавателей инженерного дела», «"Указатель цитирования в науке" Института научной информации»¹, «"Отчеты о цитировании журналов"»² и Web of Science» [10]. Согласно кратким аннотациям, на семинарах вузовские библиотекари обучают методике измерения публикационной активности, объясняют понятия импакт-фактора журнала и индекса Хирша, учат поиску в БД научного цитирования.

В библиотеках Государственного университета Миссисипи в сентябре – ноябре 2014 г. проводились семинары по темам: «Использование Scopus для совершенствования результатов исследований», «Исследование и написание работ: повышение вашей исследовательской продуктивности» и «Кто вас цитирует? Отслеживание эффекта ваших исследований» [9].

¹ ISI/Science Citation Index – БД Института научной информации, США (Institute for Scientific Information, ISI), существует с 1961 г.

² Journal Citation Reports – библиометрический справочник статистических данных, отражающих продуктивность и степень использования научных журналов, которые применяются для подготовки информационных продуктов ISI.

Библиометрическая экспертиза. Специалисты вузовских библиотек берут на себя роль экспертов и создают работы, посвященные публикационной активности своих вузов. Например, в журнале «Библиосфера» опубликована статья директора научной библиотеки Южно-Уральского государственного университета С. Г. Смолиной «Анализ публикационной активности и опыт организации мониторинга Южно-Уральского государственного университета» и статья специалистов научной библиотеки Оренбургского государственного университета (ОГУ) П. А. Болдырева и Р. И. Хасанова «Публикационная активность ОГУ в зеркале Российского индекса научного цитирования» [2, 7].

Ввод информации в РИНЦ. Вузовские библиотеки берут на себя роль организатора работы по уточнению информации, исправлению ошибок и добавлению новых публикаций авторов своего учебного заведения, отсутствующих в РИНЦ, в информационно-аналитической системе SCIENCE INDEX, построенной на основе данных РИНЦ. На секции библиотек высших учебных заведений XIX конференции РБА (18–23 мая 2014 г.) в докладе «Организационно-методическая деятельность вузовской библиотеки как фактор роста публикационной активности университета» [3, с. 94] автором настоящей статьи был представлен опыт работы НБ Рязанского госуниверситета им. С. А. Есенина по этому направлению.

В целом деятельность по поддержке публикационной активности вуза укрепляет рабочие связи библиотек и кафедр учебного заведения, расширяет круг обращающихся в библиотеку преподавателей, способствует росту авторитета библиотеки как экспертного сообщества, повышает профессиональную квалификацию библиотечных сотрудников. Формирование у современной вузовской библиотеки новой востребованной функции ревитализирует ее важнейшую социальную функцию содействия науке и образованию. Несомненно, поддержка публикационной активности вуза в недалекой перспективе станет предметом углубленных исследований, в том числе на уровне диссертационных работ по научной специальности 05.25.03 – библиотечное дело, библиографоведение и книговедение.

Литература

1. Библиотека университета в современной информационной среде : материалы конф. / Науч. б-ка ЮУрГУ. – 2013. – URL: http://lib.susu.ac.ru/Professionalnaja_dejatelnost/Konferencii_seminary/2013_BIS/Materialy.
2. Болдырев П. А., Хасанов Р. И. Публикационная активность ОГУ в зеркале Российского индекса научного цитирования // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры :

- материалы Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием). – Оренбург, 2013. – С. 2500–2503.
3. Всероссийский библиотечный конгресс : XIX ежегод. конф. Рос. библ. ассоц. (18–23 мая 2014 г.) : программа. – Рязань, 2014. – 224 с.
 4. Вузовские библиотеки Западной Сибири – актуальные вопросы практической деятельности / Том. политехн. ун-т ; Науч.-техн. б-ка. – 2014. – URL: <http://www.lib.tpu.ru/event-201407161509.html>.
 5. Информационные технологии в медицинских библиотеках – 2012 : конференция / Рос. библ. ассоц. – 2012. – URL: http://www.rba.ru/content/news/vid_news_str.php?id=1471.
 6. *Ничутина С. В., Косенкова И. Г.* Библиотека и вуз: грани сотрудничества (опыт библиотеки ТГМУ) / Дальневост. федер. ун-т. – URL: <http://www.dvfu.ru/documents/210702/2412897/Nichutina.pdf>.
 7. *Смолина С. Г.* Анализ публикационной активности и опыт организации мониторинга Южно-Уральского государственного университета // Библиосфера. – 2013. – № 2. – С. 82–86.
 8. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» – М., 2012. – URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>.
 9. Practical Professor Workshops / Mississippi State Univ. Libr. – 2014. – URL: http://guides.library.msstate.edu/practical_professor.
 10. Workshops on Demand / Wright State Univ. Libr. – 2014. – URL: http://www.libraries.wright.edu/special/calendar/workshops_on_demand.php.

Материал поступил в редакцию 02.09.2014 г.

Сведения об авторе: *Еременко Татьяна Вадимовна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры культурологии, тел.: (4912) 28–45–17, e-mail: t.eremenko@rsu.edu.ru*

УДК 025.1:004
ББК 78.349.2+78.023

МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ БИБЛИОТЕКОЙ И РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

© И. Г. Ольгина*, Е. В. Тесля**, 2015

* Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина
644043, г. Омск, ул. Красный Путь, 1

** Омский государственный институт сервиса
644043, г. Омск, ул. Певцова, 13

Рассматривается необходимость переосмысления системы управления библиотекой в условиях информационного общества, глобальной автоматизации библиотечных процессов и перехода к использованию электронных библиотек и, как следствие, подчеркивается важность создания нового структурного подразделения, занимающегося информационно-аналитической деятельностью. Описаны требования к автоматизированной информационно-аналитической системе управления библиотекой как части системы поддержки принятия управленческих решений. Представлена модель нового подразделения библиотеки, которая может быть использована в научных библиотеках различных уровней и ведомств.

Ключевые слова: модель, реинжиниринг, автоматизация, автоматизированная система управления, информация, информационно-аналитическая деятельность, государственное задание, муниципальное задание.

The article concerns the necessity to overestimate the library management system under conditions of the information society, global automation of library processes and transition to digital libraries, and consequently it emphasizes the importance of creating a new structural unit dealing with information-analytical activity. It describes the requirements for an automated information-analytical system of library management as a part of the system to support management decisions making. The model of a new subdivision of the library, which can be used in scientific libraries of various levels and departments, is presented.

Keywords: model, reengineering, automation, automatic control system, information, information analytics, state task, municipal tasks.

Рост функций, осуществляемых как публичными научными, так и вузовскими библиотеками в условиях информационного общества, нуждается в новых технологиях и организационных решениях для эффективного управления информационными ресурсами в библиотечной сфере.

В последней четверти XX в. активно создаются информационно-аналитические службы (подразделения) в структуре органов власти, министерствах и ведомствах, органах СМИ, бизнесе, при политических партиях и движениях [2]. Основная их задача – информационное сопровождение деятельности органов управления в соответствующих сферах, которое включает упорядочивание информационного пространства, оптимизацию информационных потоков, сохранение накопленных информационных ресурсов и т. п.

Сфера культуры также нуждается в специально созданном подразделении, способном адекватно оценить ситуацию, спрогнозировать и создать оп-

тимальные управленческие решения. Это касается и библиотек, которые стоят перед выбором приоритетов в области развития библиотечного дела в связи с перманентным развитием современных информационных технологий и систем.

Реинжиниринг¹ системы управления библиотекой

Необходимость целенаправленной политики и эффективных действий в условиях информационного общества определила потребность в реинжиниринге системы управления учреждений культуры, в частности библиотек. Для более совершенной модели управления необходимо объединение информационных ресурсов структурных подразделений библиотеки и создание интегрированной

¹ Кардинальная перестройка и перепроектирование бизнес-процессов и организационных структур.

информационной системы управления, которая функционирует в реальном времени и базируется на объективных данных по всем показателям библиотечной деятельности, способствующей оперативному и эффективному принятию управленческих решений.

На сегодняшний день аналитика в библиотеках в той или иной степени осуществляется различными структурными подразделениями.

К примеру, в 2012 г. в структуре библиотек аналитическую функцию выполняли следующие подразделения:

- отдел библиотечного развития (Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова);
- служба мониторинга сферы культуры Иркутской области (Иркутская областная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского);
- отдел прогнозирования и развития библиотечного дела (Кемеровская областная универсальная научная библиотека им. В. Д. Федорова);
- отдел развития библиотечного дела (Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края);
- отдел библиотечного маркетинга (Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова);
- сектор по развитию библиотеки и связям с общественностью (Липецкая областная универсальная научная библиотека);
- центр прогнозирования и развития библиотечного дела (Московская областная государственная научная библиотека им. Н. К. Крупской);
- отдел мониторинга информационно-библиотечной деятельности (Центральная универсальная научная библиотека им. Н. А. Некрасова);
- отдел сводного статистического учета и контроля (Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека);
- отдел развития библиотеки и связей с общественностью (Ульяновская областная научная библиотека им. В. И. Ленина);

- отдел библиотечного маркетинга (Кировская областная научная библиотека им. А. И. Герцена);
- сектор маркетинга (Ярославская областная универсальная научная библиотека им. Н. А. Некрасова).

Управленческий персонал нуждается в информации, которая в достаточной мере подготовлена для принятия управленческих решений. Актуальность и своевременность организации аналитических служб не раз подчеркивались специалистами практиками в области библиотечного дела [2].

В 2013 г. в структуре Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина была осуществлена попытка создания информационно-аналитического отдела. Проанализировав задачи, стоящие перед руководством, изучив их мнение об информационных потребностях, специалисты в области аналитики признали целесообразным создание самостоятельного подразделения в структуре библиотеки, осуществляющего информационно-аналитическую деятельность. Задачи нового подразделения: мониторинг показателей деятельности библиотеки по всем видам работ и услуг; подготовка информационно-аналитических материалов и статистических отчетов; организация и проведение социологических исследований по изучению удовлетворенности пользователей качеством и доступностью предоставляемых услуг.

Эффективное функционирование проектируемого подразделения достигается при непосредственной подчиненности аппарату управления библиотеки и тесном взаимодействии как со всеми структурными подразделениями, осуществляющими основную деятельность учреждения, так и со вспомогательными отделами, выполняющими другие виды работы.

Укрупненная организационная структура учреждения изображена на рис. 1. Организационно-функциональную структуру проектируемого подразделения можно представить, основываясь на содержании информационно-аналитической работы и его кадровом составе (рис. 2) [3].

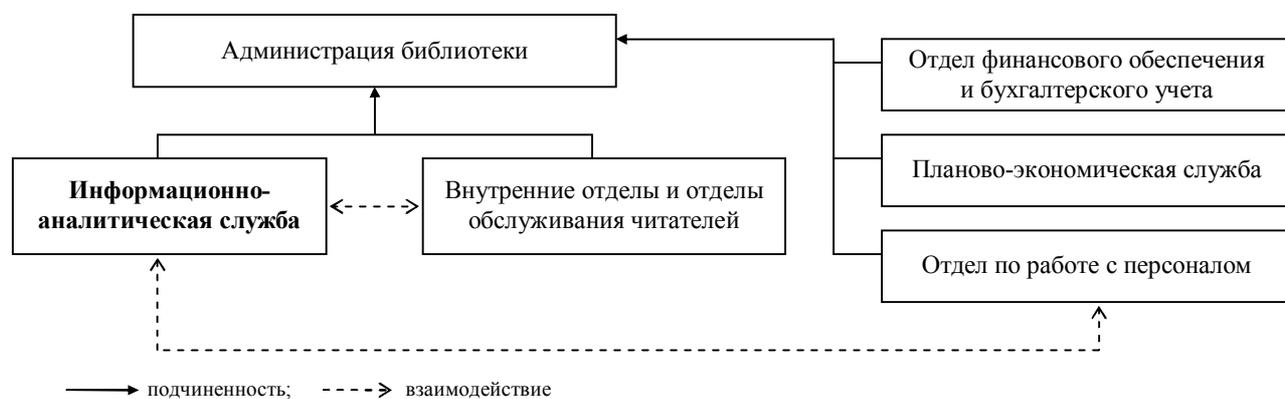

Рис. 1. Организационная структура учреждения

Рис. 2. Организационно-функциональная структура информационно-аналитической службы

Автоматизированная информационно-аналитическая система управления библиотекой

Продуктивной и эффективной работе информационно-аналитической службы может способствовать и реализация проекта по созданию автоматизированной информационно-аналитической системы управления библиотекой (АСУБ). Средства автоматизации работы с информацией, призванные облегчить процесс принятия решений, сделать его более обоснованным и менее рискованным, – одним из важнейших инструментов современного управленца [1].

Цели создания АСУБ:

- повышение эффективности принятия управленческих решений;
- информационное и аналитическое обеспечение мероприятий и управленческих решений, направленных на улучшение качества предоставления государственных (муниципальных) услуг;
- оперативное получение актуальной и достоверной информации по всем направлениям деятельности структурных подразделений библиотеки;
- централизованное хранение информации;
- введение единых форм составления планов и предоставления отчетов структурными подразделениями библиотеки;
- сбор и хранение данных, необходимых для подготовки аналитических материалов с целью прогнозирования и развития деятельности библиотеки;
- предоставление подробной информации по информационно-образовательной и культурно-просветительской деятельности.

Основанием для разработки АСУБ стали в основном возникшие в силу влияния человеческого

фактора причины, которые отрицательно сказываются на качестве и оперативности получения информации. Они выявлены в результате исследования библиотечной деятельности, также вызванные потребностью создания единой электронной информационной базы.

Предлагаемая АСУБ позволяет оперативно контролировать деятельность структурных подразделений библиотеки, осуществлять аналитические и статистические расчеты по всем показателям, участвующим в оценке любых услуг (работ), предоставляемых библиотекой.

Деятельность библиотек подчиняется государственным (в том числе и муниципальным) заданиям и включает определенный перечень услуг и работ, оказываемых (выполняемых) библиотекой. Деятельность вузовских библиотек определяется стратегией развития учебного заведения. Разработанная АСУБ – один из основных способов повысить оперативность и полноту информирования руководства библиотеки по выполнению плана по основным показателям деятельности учреждения.

Использование АСУБ позволит:

- поддержать принятие управленческих решений при планировании и распределении нагрузки по структурным подразделениям с целью выполнения государственного (муниципального) задания для библиотеки, оценки работы структурных подразделений библиотеки по всем видам деятельности;
- обеспечить руководство библиотеки оперативной и достоверной информацией по основным показателям качества и объема оказываемых государственных (муниципальных) услуг;
- автоматизировать процесс составления отчетной документации по основным цифровым показателям деятельности учреждения;

- централизованно контролировать деятельность подразделений библиотеки;
- вести учет и контроль по всем показателям библиотечной статистики;
- получать информацию по культурно-просветительской и информационно-образовательной деятельности;
- иметь аналитические материалы по предоставлению (выполнению) государственных (муниципальных) услуг (работ).

Преимуществом данной системы, а также определяющим фактором ее функционирования является создание банка данных (БнД) – системы специальным образом организованных данных – баз данных (БД), программных, технических, языковых, организационно-методических средств, предназначенных для обеспечения централизованного накопления и коллективного многоцелевого использования данных [4].

Разрабатываемая АСУБ имеет модульную структуру, в состав которой должен входить основной модуль системы (интегрированные БД), а также модули расширений, позволяющие независимо от особенностей проявления одних функций модифицировать реализацию других. Необходимо возможность подключать неограниченное количество модулей расширений, наращивать функционал системы за счет разработки и добавления новых функциональных модулей. Интерфейс между ядром системы и модулями расширений должен быть стандартизирован.

АСУБ разрабатывается с многоуровневой архитектурой. Она должна быть выполнена в виде системы с «тонким клиентом» для удобства поддержки и дальнейшего развития, а также для более надежной защиты информации, хранимой и передаваемой в системе. Непременными базовыми подсистемам АСУБ являются: учетная, поддержки принятия решений, ведения статистики, информационно-аналитическая, ведения специальных справочников, администрирования и безопасности.

Учетная подсистема обеспечивает ведение следующих БД: по культурно-просветительским, информационно-образовательным мероприятиям и выставкам; экскурсий; по информационно-библиографической работе; структурных подразделений; показателей библиотечной статистики.

Подсистема поддержки принятия решений позволяет определять сроки и качество работы структурных подразделений, а также уровень выполнения цифровых показателей на конец каждого квартала или к определенному числу по требованию; ставить новые задачи; оценивать эффективность проведения мероприятий и работы структурных подразделений в целом. Данная подсистема также определяет качество и объем выполнения государственного задания для библиотеки.

Подсистема ведения статистики обеспечивает сбор, хранение и представление данных по всем показателям библиотечной статистики, гарантирует целостность и уникальность данных; дает возможность получить информацию отдельно по каждому структурному подразделению и библиотеке в целом.

Согласно государственному (муниципальному) заданию, подсистема должна содержать данные по всем показателям, характеризующим качество и объем госработы (услуги). У Омской областной государственной научной библиотеки им. А. С. Пушкина насчитывается около 100 таких показателей.

Информационно-аналитическая подсистема в свою очередь должна позволять:

- анализировать (сравнения по заданным условиям) информацию, хранящуюся в БнД системы, в том числе архивную, с целью последующего создания аналитических отчетов;
- искать, сравнивать и выбирать данные по заданным критериям;
- определять вид представления результата выборки, в том числе и графический;
- контролировать (аудит) соответствия плановых нормативов и показателей конечных результатов.

Подсистема ведения специальных справочников охватывает: перечень основной внутробиблиотечной документации (положения, инструкции, правила и др.) со ссылкой на полнотекстовую версию; руководство по работе с АСУБ.

Подсистема администрирования содержит средства администрирования, настройки и модернизации АСУБ, обеспечивающие решение общесистемных задач, установление или изменение атрибутов, отчетов, запросов, процессов, изменение прав доступа, настройку входных и выходных форм. Модернизация АСУБ средствами подсистемы администрирования должна осуществляться без программирования, чтобы администратор мог самостоятельно формировать новые отчеты в соответствии со структурой БД, менять представление данных для конечного пользователя или создавать новые справочники с возможностью их заполнения и редактирования. Также обеспечивает возможность проведения анализа актуальности данных на предмет истечения сроков их обработки с возможностью автоматического перевода таких данных из БД АСУБ в архивную базу (и обратно) данных (или удаления) по любым условиям выборки.

Функции подсистемы безопасности:

- идентификация пользователя;
- организация доступа к функциям и объектам БД АСУБ на основе прав, ролей и групп пользователей;
- защита информации от несанкционированного доступа;

- выбор по запросу администратора учетных данных пользователей системы;
- выполнение резервного копирования информационных ресурсов.

Для работы с АСУБ выделяются три группы пользователей. Первая группа: руководство структурных подразделений библиотеки и сотрудники, выполняющие ввод данных по осуществляемым видам деятельности.

Вторая группа: сотрудники информационно-аналитического подразделения библиотеки (выполняют функции аналитики) и представители отдела автоматизации – специалисты АСУБ, контролирующие пополнение и обновление информации в БНД АСУБ, подготовку и предоставление аналитической информации; администраторы АСУБ – курируют работу первой группы пользователей, консультируют и обучают первую и третью группы пользователей работе с АСУБ, а также отвечают за качество работы АСУБ; технические специалисты – обеспечивают работоспособность системы, обслуживают и сопровождают АСУБ.

Третья группа: администрация библиотеки – обращается к АСУБ за соответствующей информацией.

Создание и внедрение АСУБ позволит оценивать:

- потребности в предоставлении государственных (муниципальных) услуг (работ) библиотекой;
- эффективность работы структурных подразделений;

- эффективность проведенных мероприятий;
- нагрузку на структурные подразделения.

Таким образом, проектируемая автоматизированная информационно-аналитическая система управления библиотекой отвечает всем потребностям современного руководства в библиотечной сфере. Предусмотрена возможность использования данной системы в библиотеках различных уровней и ведомств. Поэтому есть основания полагать, что АСУБ получит широкое распространение, благодаря своей многофункциональности, универсальности и эффективности использования.

Литература

1. *Березовский М. Р.* Подход к использованию сбалансированной системы показателей в решении задач построения эффективных ситуационных центров // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар, 2012. – № 76 (02). – С. 21–34. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/02/pdf/03.pdf> (дата обращения: 28.06.2014).
2. *Киселева Т. М.* Перспективы развития аналитических служб в сфере культуры // Информационный бюллетень Российской библиотечной ассоциации. – 2010. – № 58. – С. 143–146.
3. *Кузнецов И. Н.* Информация: сбор, защита, анализ : учеб. по информ.-аналитической работе. – М. : Яуза, 2001. – 318 с. – URL: <http://www.vipstudent.ru/index.php?q=lib&r=12&id=1196943244&p=0> (дата обращения: 23.07.2014).
4. *Общепромышленные руководящие материалы по созданию банков данных.* – М. : ГКНТ, 1982. – 158 с.

Материал поступил в редакцию 28.11.2014 г.

Сведения об авторах: *Ольгина Инна Геннадьевна* – аспирантка Омского государственного института сервиса, главный специалист Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина, e-mail: inna_olgina@mail.ru,
Тесля Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, директор библиотеки, e-mail: aev77@yandex.ru

Юбилей

УДК 02(470)(092)
ББК 78.33(2)д

70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО, ДИРЕКТОРА БИБЛИОТЕКИ ПО ЕСТЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК НИКОЛАЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА КАЛЕНОВА

Глубокоуважаемый Николай Евгеньевич!

Коллектив Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук сердечно поздравляет Вас с замечательным юбилеем!

Ваша трудовая биография более 40 лет связана с Библиотекой по естественным наукам РАН, руководителем которой Вы являетесь с 2004 г.

Мы знаем и высоко ценим Вас как ученого и эксперта в области разработки автоматизированных систем управления в информационно-библиотечной сфере, проектирования баз данных, создания электронных библиотек. Широко известна Ваша профессиональная деятельность в ученых советах ГПНТБ России, МГУКИ, Межведомственном экспертном совете по проблемам информатизации деятельности библиотек Роскультуры и редколлегиях журналов «Информационные ресурсы России» и «Библиосфера».

Будучи заместителем председателя информационно-библиотечного совета РАН Вы отдаете много сил и энергии развитию и совершенствованию всей информационно-библиотечной системы РАН. Являясь доктором технических наук, профессором,

научным руководителем аспирантов, принимаете активное участие в подготовке молодых научных кадров.

Вами создано более 200 научных работ, в том числе монография «Проектирование и эксплуатация региональных АС НТИ». Ваша плодотворная научно-организационная деятельность заслуженно отмечена медалью «850 лет Москвы» и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Мы знаем Вас и как необыкновенно творческого человека, большого любителя дальних странствий, который во

время путешествий по миру создает прекрасные фильмы.

Дорогой Николай Евгеньевич! От всей души поздравляем с юбилеем! Пусть не оставляет Вас творческое вдохновение, а успех сопутствует и в научной, и в административной деятельности! Здоровья, благополучия Вам и Вашим близким!

ГПНТБ СО РАН,
Новосибирск, январь 2015 г.

УДК 02:004-028.22:027.021:061.12:5(470)
ББК 78.349.3+78.347.41(2Рос)

КОНЦЕПЦИЯ ТИПОВОГО САЙТА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ, ВХОДЯЩЕЙ В СТРУКТУРУ БЕИ РАН

© А. А. Ивановский, 2015

*Библиотека по естественным наукам Российской академии наук
119991, г. Москва, ул. Знаменка, 11/11*

Типовой сайт научной библиотеки, входящей в структуру Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук (БЕИ РАН), ориентирован на удовлетворение информационных потребностей определенного научного коллектива – сотрудников научного учреждения, обслуживаемого конкретной библиотекой.

Основная функция сайта – позволить пользователю виртуально посещать библиотеку как в информационных, так и в справочных целях. Концепция сайта подразумевает совместимость технологии его создания с готовыми программными решениями БЕИ РАН и простые методы обновления контента, доступные неспециалистам в области программирования.

Ключевые слова: информационные потребности, справочно-информационное обслуживание, библиотечно-информационное обслуживание, централизованная библиотечная система, БЕИ РАН.

A typical site of a scientific library entering the structure of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences (LNS RAS) is aimed to meet information needs of a certain scientific team – employees of scientific institutions served by a particular library.

The main function of the site is to permit the user visiting the library virtually with both information and reference purposes. The site concept assumes compatible technology of its creation with ready software of LNS RAS and simple methods of content updating available to non-specialists in programming.

Keywords: information needs, reference-information service, library-information service, centralized library System, LNS RAS.

Б иблиотека по естественным наукам РАН обслуживает свыше 23 тысяч читателей – сотрудников более 70 научных учреждений. Очевидно, что информационные потребности разных коллективов, не говоря уже об отдельных пользователях, существенно отличаются. Одна из востребованных технологий удовлетворения информационных запросов пользователей научной библиотеки (НБ) – поддержание библиотечного сайта в сети Интернет [1].

Сайт БЕИ РАН (benran.ru) предлагает пользователям (читателям) большое количество самой разной информации: электронные каталоги (ЭК), выставки новых поступлений, указатели сетевых ресурсов; базы данных (БД), генерируемые или технически поддерживаемые БЕИ РАН, различные интернет-системы. По обилию и разноплановости предоставляемой информации benran.ru можно считать порталом [2, 3].

В то же время портал генерализирует потребности конкретного пользователя, тем самым предоставляя ему зачастую избыточную информацию. Заметим, что подобная генерализация может про-

являться и в других направлениях работы библиотеки научного центра РАН в условиях централизованной библиотечной системы (ЦБС) [4].

Из диалектического противоречия между стремлением удовлетворить потребности конкретного научного коллектива и адресацией основного сайта БЕИ РАН максимально широкому числу пользователей возникла концепция типового сайта НБ, входящей в структуру БЕИ РАН.

Согласно концепции сайт НБ выполняет в первую очередь функцию так называемой электронной доски объявлений и позволяет удаленно обращаться в библиотеку как с конкретными информационными, так и справочными запросами.

Рамочные требования концепции и основные элементы наполнения типового сайта научной библиотеки, входящей в структуру БЕИ РАН

Во-первых, сайт НБ, входящей в структуру БЕИ РАН, должен поддерживать готовые программные решения, уже существующие в БЕИ РАН и реализованные на ее сайте.

Во-вторых, наполнение сайта каждой НБ максимально приближено к потребностям *конкретного* научного коллектива (научного учреждения). Поэтому сайт должен быть доступен для администрирования не специалистами в области программирования, а сотрудниками самой библиотеки.

Научные библиотеки, входящие в структуру БЕН РАН, функционируют не разрозненно, а в рамках единой системы информационно-библиотечного обеспечения научных исследований, развиваемой БЕН РАН [5]. Поэтому целесообразно использовать в работе сайтов таких библиотек централизованные технологические решения, уже внедренные в эксплуатацию:

- технологии виртуальных выставок новых поступлений;
- виртуальные тематические выставки;
- ЭК периодических и неперидических изданий [6].

При этом соответствующая информация на типовом сайте предметизирована с ориентацией на потребности конкретного научного учреждения.

Основные элементы наполнения типового сайта НБ группируются в два блока: I – сведения о библиотеке, II – информация о ресурсах библиотеки.

I блок содержит контактную информацию (в широком смысле) и может включать историческую справку о библиотеке, так как в структуре БЕН РАН есть учреждения с примечательной и даже выдающейся историей.

II блок – перечень традиционных и современных услуг и возможностей, предоставляемых библиотечной: ЭК, описания карточных каталогов, указатели сетевых ресурсов (лицензированных для библиотеки и открытого доступа); виртуальные выставки новых поступлений, тематические выставки; форма обратной связи, позволяющая пользователю получить в том числе и справочную информацию (в частности, индексы УДК при подготовке публикаций). Важный ресурс библиотеки – БД собственной генерации, например, библиографические или полнотекстовые БД публикаций сотрудников конкретного научного учреждения.

Место сайта научной библиотеки, входящей в структуру БЕН РАН, в единой системе информационного сопровождения научных исследований, развиваемой БЕН РАН

Содержательная и технологическая связь с сайтом ЦБ (БЕН РАН) заключается:

- в едином дизайне сайта БЕН РАН и типового сайта НБ, размещении типового сайта на сервере БЕН РАН;

- единых, разработанных и применяемых БЕН РАН, технологиях представления ЭК, виртуальных выставок, а также в централизованно администрируемом полном указателе сетевых ресурсов, доступных всем библиотекам, входящим в структуру БЕН РАН.

Таким образом, сайт является типовым не только с точки зрения подходов к его информационному наполнению, но и технологии его исполнения.

Отражение специфики информационных потребностей научного учреждения, обслуживаемого конкретной библиотекой, – обязанность работников этой библиотеки. Ответственный сотрудник занимается администрированием сайта библиотеки – обновлением контента.

Такое ориентированное наполнение типового сайта предусматривает отбор профильных сетевых ресурсов из всего разнообразия, доступного БЕН РАН, мониторинг ресурсов открытого доступа, предоставление специфических информационных ресурсов конкретной области знаний (подобно делектусу – каталогу семян – в НБ Главного ботанического сада РАН). Также сотрудники библиотеки поддерживают обратную связь с пользователями соответствующего сервиса сайта.

Данная концепция реализована в БЕН РАН с применением системы управления контентом WordPress 3.8.3.

Литература

1. Левченко О. И. Формирование web-ресурса «Библиотека ИФТТ РАН» // Новые информационные технологии и информационное обеспечение науки. – М., 2007. – С. 156–160.
2. Соловьева Т. Н. Новый сайт БЕН РАН // Информационное обеспечение науки: новые технологии. – М., 2013. – С. 148–155.
3. Соловьева Т. Н. Сайт БЕН РАН – WEB-портал в области естественных наук // Мир библиотеки. – 2008. – № 4. – С. 7–10.
4. Ивановский А. А. Формирование тематико-типологического плана комплектования библиотеки Научного центра РАН // Научно-техническая информация. Сер. I. – 2014. – № 6. – С. 22–24.
5. Каленов Н. Е. О развитии библиотечной системы РАН // Информационное обеспечение науки: новые технологии. – М., 2009. – С. 8–17.
6. Каленов Н. Е. Библиотека по естественным наукам Российской академии наук: настоящее и будущее // Библиосфера. – 2013. – № 2. – С. 17–21.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-07-00051.

Материал поступил в редакцию 07.07.2014 г.

Сведения об авторе: *Ивановский Александр Александрович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, тел.: (495) 691-24-78, e-mail: ival@benran.ru*

Вышли в свет

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Монографии

Традиционная библиотека в электронной среде: новые направления деятельности / науч. ред.: Б. С. Елепов, О. Л. Лаврик. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2014. – 324 с.

ISBN 978-5-94560-258-8

Обобщен опыт работы ГПНТБ СО РАН в электронной коммуникационной среде, показаны новые направления деятельности, сложившиеся за последние 15 лет. Для теоретиков и практиков библиотечного дела.

Сборники научных трудов

Труды ГПНТБ СО РАН / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. Б. С. Елепов. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2014. – Вып. 7. Библиотека и читатель: диалог во времени : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (24–26 сент. 2013 г., г. Новосибирск) / отв. ред.: Е. Б. Артемьева, С. Н. Лютов. – 727 с.

ISBN 978-5-94560-258-8

Сборник содержит материалы юбилейной конференции ГПНТБ СО РАН 2013 г., посвященной различным аспектам взаимодействия и взаимовлияния библиотеки и читателя, которые рассматриваются библиотековедами, книговедами и специалистами в области информационных технологий.

Сборник рассчитан на теоретиков и практиков библиотечного дела, книговедов и культурологов, занимающихся историческими и современными вопросами бытования книги и развития библиотек.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Духовные стихи в рукописных сборниках старообрядцев филипповского согласия (по материалам Кемеровского территориального собрания ГПНТБ СО РАН) / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; сост., вступит. ст., коммент. и описание рукописей Т. Г. Казанцевой ; науч. ред. А. Ю. Бородихин. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2014. – 363 с. : ил. – (Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока) (Книжные памятники и книжные собрания).

ISBN 978-5-94560-263-2

Издание включает 97 образцов духовных стихов из рукописных сборников Кемеровского территориального собрания ГПНТБ СО РАН. Сборники отражают традицию внебогослужебного пения практически неизученных на сегодняшний день старообрядческих согласий Кузбасса – филипповского и «пермяков». Уникальность публикуемого комплекса обусловлена преобладанием в нем текстов, принадлежащих наиболее архаичному пласту отечественной духовной лирики, прежде всего, стихов покаянных и духовных стихов эпической традиции. Большой интерес представляют редкие образцы сатирического содержания. В книгу включены вступительная статья, содержащая характеристику рукописных источников и реконструкцию историко-этнографического контекста их бытования, а также археографическое описание рукописей.

Издание рассчитано на специалистов, занимающихся изучением старообрядческой культуры, историков, этнографов, фольклористов, филологов, лингвистов, музыковедов-медиевистов; может быть использовано в соответствующих курсах учебных заведений высшего профессионального образования.

Готовятся к изданию**СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ**

Русские книги гражданской печати собрания Колывано-Воскресенских горных заводов в фонде ГПНТБ СО РАН : каталог / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; сост. Т. А. Драгайкина ; науч. ред.: А. Ю. Бородихин, И. А. Гузнер. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2014. – 568 с. : ил. – (Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока) (Книжные памятники и книжные собрания).

Представлены отечественные книги и периодические издания гражданской печати из собрания Колывано-Воскресенских горных заводов, хранящиеся в ГПНТБ СО РАН. Собрание насчитывает 262 издания второй половины XVIII – первой четверти XIX в., отражающие тематически разнообразный русскоязычный фонд «первой научно-технической библиотеки Сибири». Каталог, снабженный указателями, содержит важные сведения из истории ее комплектования, хранения и использования читателями-сибиряками.

Издание предназначено историкам, археографам, книговедам, краеведам, работникам библиотек.

Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1918–1930 гг. В 2 т. Т. 1 / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; сост.: Л. А. Мандригина, Р. М. Павлова, В. А. Быструшкина, Н. А. Балуткина ; науч. ред. И. А. Гузнер. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2014. – 751 с.

Отражен репертуар изданий, выпущенных на территории Сибири и Дальнего Востока в 1918–1930 гг. Кроме того, представлены книги русских издательств в Китае и Японии как феномен российской книжной культуры в Азии, генетически связанный с Дальним Востоком.

В первый том включено 11 546 названий документов (книги, брошюры, альбомы, географические карты, атласы, листовки и другие листовые издания, отпечатанные типографским или литографическим способом, оттиски статей из периодических и продолжающихся изданий и др.). Во втором томе будут представлены вспомогательные указатели к первому тому.

В подготовке издания участвовали 46 библиотек Сибири и Дальнего Востока, а также библиотеки европейской части России.

Для заказа изданий обращаться по адресу:

630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, ГПНТБ СО РАН,
к. 506, редакционно-издательский отдел.

Е-mail: rio@spsl.nsc.ru; riomarket@spsl.nsc.ru

Тел.: (383) 266-21-33

Факс: (383) 266-21-33

266-25-85

266-33-65 (с пометкой: «Для РИО»).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнале «Библиосфера» печатаются нигде ранее не публиковавшиеся материалы. Приветствуются оригинальные статьи, содержащие результаты научных исследований и разработок, новейший для страны опыт, аналитические обзоры по самым актуальным направлениям науки и практики в области книговедения, библиотекостроения и библиографоведения, информатики и т. д., оригинальные лекции по новым направлениям обучения в вузах и системе дополнительного профессионального образования, рецензии на изданные в регионе монографии, учебники, сборники трудов.
2. Статьи, в которых приводятся результаты работ, проведенных в учреждениях, следует сопровождать направлениями от соответствующих учреждений.
3. Рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция оставляет за собой право возвращать статью автору на доработку или не принимать ее к опубликованию. Датой поступления статьи в редакцию будет считаться дата получения редакцией окончательного текста. Авторам высылаются только отрицательный отзыв.
4. Объем статьи не должен превышать 0,6 а. л., включая список литературы, таблицы и подрисуночные подписи, 5–6 рисунков или фотографий. Объем кратких сообщений – 0,2 а. л. текста и 2–3 рисунка или фотографии.
5. **Плата за публикацию статей и других материалов не взимается.**
6. Для заключения договора вам необходимо его распечатать (http://www.spsl.nsc.ru/download/archive/dogovor_bibliosfera.pdf), внести свои данные, подписать и отправить по адресу: 630200 г. Новосибирск, ул. Восход, 15, ГПНТБ СО РАН, ком. 407. Либо по электронной почте: zakaz@spsl.nsc.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

7. Присланный материал должен содержать: текст статьи, **информативный реферат** (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и английском языках), сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, место работы (полное наименование), должность, адрес организации, рабочий телефон, электронный адрес, желательна фотография автора.
8. В тексте **желательно** выделять введение, заключение, а основной текст разбивать на подразделы. Приветствуется авторское выделение курсивом и полужирным шрифтом наиболее важных фрагментов текста.
9. Текст **должен** быть в формате Microsoft Word, с расширением *.doc. Нумерация страниц не ставится. **Не следует применять** при оформлении текста стили, отличные от стиля «Обычный». Между инициалами в тексте статьи должен быть знак пробела. Фотографии должны быть выполнены в формате jpg (отдельным файлом) с разрешением не менее 300 dpi.
10. Ссылки на цитируемую литературу (или электронные публикации) обозначаются в тексте цифрами в квадратных скобках. В случае необходимости указать номер страницы (или диапазон страниц) цитируемого издания, рекомендуется использовать следующий формат: [1, с. 15–20]. Пристатейный список литературы **должен** быть оформлен в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 и приведен на отдельной странице.
11. Материал следует присылать по электронной почте на адрес ответственного за раздел, в котором Вы предполагаете опубликовать свою статью или информацию, или передавать на переносимом носителе.
12. Статьи, оформленные без соблюдения приведенных правил, редакцией не принимаются.

Члены редколлегии, ответственные за разделы журнала:

Научные статьи:

Библиотекостроение	д-р пед. наук Лариса Анатольевна Кожевникова	onimr@spsl.nsc.ru
Книговедение	д-р ист. наук Александр Леонидович Посадсков	knigoved@spsl.nsc.ru
Информатика	канд. техн. наук Сергей Романович Баженов	bazhenov@spsl.nsc.ru
Обзоры	канд. пед. наук Ольга Павловна Федотова	kh@spsl.nsc.ru
Мастер-класс	д-р пед. наук Елена Борисовна Артемьева	artem@spsl.nsc.ru
Методология НИР	д-р пед. наук Владимир Семенович Крейденко	bvtch@mail.ru
Трибуна молодых	д-р пед. наук Наталья Степановна Редькина	to@spsl.nsc.ru
Научный архив	Галина Андреевна Лончакова	rk@spsl.nsc.ru
Книжные памятники.		
Реставрация и сохранность	канд. филол. наук Андрей Юрьевич Бородихин	borodichin@spsl.nsc.ru
Обмен опытом	канд. пед. наук Вера Григорьевна Свирюкова	vera@spsl.nsc.ru
Дискуссии	д-р пед. наук Ольга Львовна Лаврик	lisa@spsl.nsc.ru
Письма в редакцию, новости и объявления	канд. ист. наук Ирина Александровна Гузнер	guzner@spsl.nsc.ru
Приглашают коллеги.		
Информационные контакты	канд. пед. наук Дмитрий Миронович Цукерблат	opki@spsl.nsc.ru
Новые книги. Рецензии	канд. пед. наук Галина Михайловна Вихрева	vihreva@spsl.nsc.ru

Библиосфера

Научный журнал

№ 1 • Январь – март • 2015

Редактор *А. К. Федосенко*

Дизайн и компьютерная верстка *Т. А. Калужная*

Компьютерный набор *М. А. Плешакова*

Корректор *А. С. Бочкова*

Полиграфический участок:

Н. Ф. Починкова, художественный редактор, зам. директора ГПНТБ СО РАН
по издательско-полиграфической деятельности,
заслуженный работник культуры РФ

В. И. Мазалова, начальник участка

Сдано в набор 01.12.2014. Подписано в печать 25.02.2015.

Формат 60×84/8. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,5.

Тираж 245 экз. Заказ № 41.

Учредитель-издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Государственная публичная научно-техническая библиотека

Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес издателя: 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15.

Адрес редакции:

630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, ГПНТБ СО РАН, к. 402.

Тел.: (383) 266-29-89, факс: (383) 266-29-89,

e-mail: lisa@spsl.nsc.ru, <http://www.spsl.nsc.ru/win/Bibliosfera/index.htm>

Полиграфический участок ГПНТБ СО РАН.

630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15.